СОДЕРЖАНИЕ

М. Н. Покровский

ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

(Доклад на общем собрании Общества историков-марксистов от 19/III 1930 г.)

Товарищи, мне приходится делать отчет за гораздо более продолжительный промежуток времени, чем это полагается по уставу. По уставу у нас выборы ежегодные, а настоящий Совет избран 1 июня 1928 г., т. е. через два-три месяца минет уже два года, как он существует. В истории нашего общества эти два года настолько полны событиями, что в сущности мне приходится давать отчет примерно за половину времени, какое существует наше общество, возникшее, как известно, 1 июня 1925 г. Я заранее поэтому извиняюсь, если мой отчет будет немножко длинен. Сегодня мне придется остановиться на целом ряде весьма существенных моментов. Так как эти моменты накоплялись в течение почти двух лет, то накопилось их порядочно.

Прежде всего чисто формальная сторона. У нас в 1928 г. было общее число членов—250, на 15 марта 1930 г. мы имеем 523 члена. Другими словами, количество членов общества выросло вдвое. Если брать только действительных членов, то их было в 1928 г.—123, а сейчас 253—больше чем вдвое. Уже этот количественный рост нашего общества сам по себе показывает, что оно является гораздо более солидной организацией, чем было в то время, когда мы избирали настоящий Совет.

Что касается соотношения партийной и беспартийной части, то вы, вероятно, помните, что в прошлом отчете я на этом останавливался и подчеркивал, что тут получились соотношения несколько неожиданные. Мы думали, что около небольшого, сравнительно, партийного ядра сгруппируется большое количество беспартийных историков, тяготеющих к нам. Уже к лету 1928 г. оказалось обратное. Тогда у нас было приблизительно 3/4 партийцев и 1/4 беспартийных, и сейчас приблизительно то же самое. Членов ВКП(б) в составе общества—401, беспартийных 122. Интересен научный ценз членов общества. Имеющих научную печатную работу из числа 523—355, т. е., другими словами, приблизительно 2/3 членов общества имеют печатные научные труды. Из действительных членов только 35 человек не имеют печатных работ. Как вы знаете, мы ставим наличность печатных работ обязательным условием для избрания в действительные члены, но с оговоркой, что ведущие в течение известного количества лет самостоятельное преподавание в вузах имеют право быть действительными членами, хотя бы они не имели печатных работ. Так вот, самостоятельных вузовских преподавателей,

которые не имеют печатных работ, у нас среди действительных членов—35, 230 имеют такие работы. Из числа членов-корреспондентов 142 имеют печатные работы и 128 не имеют оных. Другими словами, даже академический ценз членов-корреспондентов у нас сравнительно очень высок, большинство даже членов-корреспондентов имеет печатные работы.

В заключение отмечу распределение по стране наших членов. Больше всего, конечно, имеется членов общества в Москве. Здесь находится 182 действительных члена и 192 члена-корреспондента. На втором месте, но далеко отставая от Москвы, идет Ленинград, где мы имеем 19 действительных членов и 11 членов-корреспондентов.

Дальше идут цифры уже совсем маленькие, единицами считаются члены-корреспонденты вне Москвы и Ленинграда. Только в Тифлисе мы имеем довольно большую группу: 5 действительных членов и 12 членов-корреспондентов. Во всех остальных местах такая картина (я буду брать для примера): в Саратове, скажем, 2 действительных члена и 2 члена-корреспондента, в Нижнем Новгороде 2 действительных члена и 2 члена-корреспондента. Так что в других городах, кроме Москвы и отчасти Ленинграда, лишь отчасти Ленинграда, у нас членов очень мало.

Мы не только общество по нашему уставу всероссийское, но больше того, мы общество московское. Москвичей у нас подавляющее большинство. Это, конечно, минус. Мы идем, как вы увидите, к образованию всесоюзного общества, и нам сначала следовало бы завладеть нашей республиканской периферией. Этой периферией мы до сих пор не завладели, несмотря на то, что вузы и преподаватели историки имеются в целом ряде городов. Таковы данные относительно количественного состава общества. Как видите, количественно общество чрезвычайно выросло в течение этих двух лет, настолько выросло, что мы вам будем предлагать в дальнейшем увеличить и состав Совета, потому что прежний состав из 15 человек является уже слишком тесной коллегией для общества, в котором больше 500 членов.

Что касается качественной стороны нашей работы, то тут приходится остановиться прежде всего на том в высокой степени важном факте, что в течение этих двух лет мы впервые выступили на международную арену. Члены Общества историков-марксистов появились на Всемирном историческом конгрессе в Осло в августе месяце 1928 г. О самом этом конгрессе, который теперь уже давно стал достоянием истории, я говорил и писал довольно много, и поэтому позвольте на этом не останавливаться. Но на кое-каких выводах остановиться нужно.

Это международное выступление было для нас первой разведкой в совершенно новой и непривычной для многих области. Нам приходилось впервые в нашей жизни переодеваться в течение дня в различные костюмы, которые никогда нами не надевались, и бывать в совершеннно непривычных для нас зданиях, вплоть до королевских дворцов. Эта бутафория

отвлекала внимание и поглощала совершенно непроизводительно время— она помешала нам использовать это международное выступление как бы следовало. Я уже неоднократно говорил о том, что это наше выступление не дало тех результатов, которые оно, несомненно, могло бы дать. Прежде всего мы приехали туда без всякой подготовки в области исторической общественности Западной Европы и Америки. Мы не объединились, не связались с группами левых историков, которые существуют всюду. И единственным родственным нам элементом, который мы нашли, были два норвежских историка-марксиста—проф. Кут и проф. Буль, которые географически оказались на нашей дороге, ибо они живут в Осло, и конгресс был в Осло. Ни с какими другими мало-мальски родственными нам элементами мы не связались. Тут я должен дополнить свое прежнее изложение этого сюжета, сообщив вам, что эти элементы о нас вспомнили, нас слегка упрекают и нам напоминают, что нехорошо тем, кто считает себя наиболее революционными историками в мире, игнорировать соответствующие элементы в других странах, с ними не связаться и выступать отдельно от них. Я употребляю такой промежуточный термин «революционные», потому что историков-марксистов в точном смысле этого слова за пределами СССР не существует. Там имеются или легальные марксисты, как названные мною сейчас профессора Кут и Буль, или революционеры, близкие к марксистской точке зрения,— таким можно считать, например, Матьеза: он, несомненно, в области исторической науки, истории французской революции, революционер,—но которые, конечно, не являются не только стопроцентными, но может быть даже 50%-ными марксистами. Такого рода элементы существуют, однако, везде, и если мы хотим воздействовать на заграничную историческую общественность, приходится связаться именно с этими элементами, потому что, если мы начнем отыскивать там настоящих марксистов, мы, вероятно, найдем не больше 3—4 человек, которые никакой массы не составляют и на которых опираться нельзя, наоборот—они могли бы на нас опереться. Итак, мы с этой стороны не подготовились.

Не подготовились мы и с различных других сторон. Не ожидали мы, например, что на этом конгрессе мы неожиданно получим возможность известной смычки по линии если не национальной, то, если позволите так выразиться,—племенной, что к нам обнаружат известное тяготение славяне и что мы могли бы, несомненно, при немного большей бойкости и предприимчивости с нашей стороны организовать этих славянских историков около себя. Это вопрос в высокой степени существенный. Сейчас, несомненно, происходит борьба за центр славяноведения между Прагой, Варшавой и Москвой. И, несомненно, есть элементы в Югославии и Болгарии, которые больше тяготеют к Москве, нежели к Праге или Варшаве. Да и между Прагой и Варшавой не существует сколько-нибудь полного единодушия. Мы могли, таким образом, попытаться сгруппировать эти славянские элементы именно около Москвы.

Мы этого не сделали опять-таки потому, что мы не были готовы к этой ситуации.

Вы видите, что я занимаюсь самокритикой, подчеркиваю, чего мы не сделали и не доделали. На будущее время мы, вероятно, будем являться за границу более подкованными, тем более, что, несмотря на все наши недочеты, все-таки наше появление в Осло произвело очень большое впечатление. Сейчас нельзя себе представить сколько-нибудь авторитетного собрания историков в мировом или всеевропейском масштабе без участия историков из Советского Союза. Нас тянут на подобного рода собрания. На сессии Международного исторического комитета в Венеции в мае месяце 1929 г. был только один представитель СССР т. Фридлянд, но он оставил очень большое воспоминание у всех, кто был на этом пленуме Исторического комитета. И председатель этого Комитета проф. Кут до сих пор его вспоминает, и как раз на-днях я получил письмо из Норвегии, где приводится отзыв проф. Кута о т. Фридлянде, отзыв в высокой степени положительный. Так что даже одна птица, залетевшая из советского гнезда туда, уже вызвала сенсацию и обратила внимание на нас. На будущее время нам надо явиться в большем числе. Притом важно не самое наше появление, а важно то, что мы говорим. В этом отношении опять-таки от нас ждут определенных выступлений.

На нас смотрят, как на представителей единственного рабочего государства в мире, как на представителей определенного мировоззрения и ждут от нас манифеста этого мировоззрения, ждут и те, которые нам сочувствуют, ждут и наши враги. Они ждут с разными намерениями, но тем более, если мы этого манифеста не дадим, получится некоторое разочарование. В связи с этим выдвигается одна сторона, на которую приходится обратить большое внимание. Как вы догадываетесь, привлечь внимание широких кругов можно не нашими выступлениями на конгрессах, в комитетах и т. д., а скорее всего нашей литературной работой, нашей определенной продукцией, и на эту сторону я бы хотел обратить внимание Общества историков-марксистов. Я уже вам сказал, что последовательных, выдержанных революционных историков-марксистов, историков-большевиков, коротко говоря, в Западной Европе и Америке не существует, и последовательно марксистских, ленинских книг ожидать от этого сектора невозможно, даже от ученых наиболее к нам близких по своим настроениям, по своему самочувствию и по своим симпатиям. Нельзя ожидать от них выдержанных марксистских книг, которые бы помогли западно-европейскому и американскому рабочему активу разобраться в новейшей истории. Эту книгу можем создать только мы, эту книгу можно создать только в нашем Союзе, и мы имеем к этому полную объективную возможность, поскольку у нас есть такие ценные коллекции книг и рукописей по истории Западной Европы и Америки в новейшее время, как библиотека Коммунистической академии, библиотека Института

Маркса и Энгельса, библиотека Института Ленина и т. д. Мы имеем полную возможность дать историческую продукцию, какая нужна рабочим массам Запада, и этим сделать наше выступление на международной арене в такой степени содержательным и значительным, как не сделают этого никакие конгрессы.

Конгресс в Осло был тем полезен, между прочим, что он нам показал, до какой степени увяли и полиняли чисто академические лавры, до какой степени измельчала чисто академическая жизнь. Ведь ничего, сколько-нибудь крупного, на этом конгрессе поставлено не было в академическом смысле. И я не знаю, собственно говоря, какие доклады были академически более глубокими,—даже подходя со старой профессорской точки зрения,—наши доклады, скажем, или доклад очень талантливого, раньше ленинградского, ныне польского ученого—Зелинского. У нас была наука, наука с чисто академической точки зрения; там была несомненная литература, очень изящная, красивая литература. Это была блестящая речь на тему о современном типе человека и античном типе человека, но это была чистейшая литература, от которой наукой не пахнет, и даже выступление Допша это был настоящий политический памфлет, весьма легковесный с академической точки зрения.

Это был для нас опыт чрезвычайно важный, который показал, до какой степени в той развертывающейся классовой борьбе, которая сейчас закипает; все условности и приличия старого академизма брошены самими академиками, брошены самими буржуазными учеными, и они, засучив рукава, бросаются в схватку, дерутся, боксируют самым настоящим образом. Само собой разумеется, повторяю, при такой обстановке наши выступления приобретают совсем не тот характер, который мы им сами придавали сначала. Теперь, конечно, никому в голову не придет беспокоиться по поводу тех вопросов, о которых мы беспокоились до поездки туда: не окажемся ли мы немножко неподходящими к этому кругу, не окажемся ли мы недостаточно «академическими», чересчур легковесными, жидкими. Ничего подобного. Мы были, и наверно будем, самым заметным явлением. Разница между нами и буржуазными учеными заключается в классовом аспекте: те представляют, в лучшем случае, боевую контрреволюционную науку, а мы представляем боевую революционную науку. Я конечно, не говорю о тех буржуазных ученых, которые вообще собою ничего не представлют, а такие есть. Их имеется довольно большое количество, но на таких никто вообще не обращал внимания. Словом, удельный наш вес в этой международной плоскости гораздо значительнее, чем мы могли ожидать, и мы его должны использовать, ибо иначе к нам вправе будут относиться скептически, не буржуазные ученые,—они вовсе не скептически к нам относятся, они просто нас ненавидят,—а те массы, которым нужны свои историки, западно-европейская масса, и, повторяю, этим массам мы должны служить прежде всего не нашими выступлениями на разных собраниях, а нашей продукцией, нашей литературой.

Наши книги, скажем, по русской истории переводятся на разные иностранные языки в большом количестве. Но должен сказать, по моим наблюдениям в Германии,—это единственная страна, которую я более или менее подлинно изучил, потому что я там пробыл по разным поводам и причинам семь-восемь месяцев,—они мало действуют на тамошний актив, на тамошнюю массу. Все-таки заинтересовать германского рабочего-активиста сейчас вопросом об исторической роли торгового капитала чрезвычайно трудно, потому что перед ним стоит германский капитал, не торговый, а финансовый, и стоит настолько хорошо вооруженный, что ему не до других капиталов. Ему нужна книжка, которая бы ему объяснила, каким образом социал-демократы, ученики Маркса и Энгельса, дошли до того, что их воплощением в Берлине является полицей-президент Цергибель, чуть ли не бывший рабочий, во всяком случае старый социал-демократ, с резиновой дубинкой в руке. Как это случилось? Вот чего они ждут, а не о торговом капитале и т. д. им нужно писать. Сейчас—момент для создания живых, агитационных, ярких книжек. Для этого рабочего нужна не простая агитка, он слишком уже высоко стоит, этот рабочий-активист слишком сознателен, чтобы на него можно было действовать агиткой. Нужен классовый анализ. Словом, нам нужно создать ту же примерно литературу для западно-европейского рабочего, которую мы, по существу, создали для русского рабочего, только учитывая еще тот факт, что этот западно-европейский рабочий гораздо больше нашего избалован по чисто академической линии. Его в школе обучали основательно старой истории, он кое-что знает, у него довольно высокий уровень литературных требований, и с этим надо считаться.

Задача стоит перед нами большая, задача грандиозная и чрезвычайно благодарная. Параллельно с этим мы будем группировать вокруг себя родственные нам революционные элементы среди тамошних историков. Это, конечно, тоже необходимо, и это потребует от нас большой гибкости, большого применения к местным условиям. Мы, таким образом, сможем постепенно создать себе там школу, ибо у меня получилось впечатление, что из тамошней молодежи многие не могут сделаться настоящими историками-марксистами просто за отсутствием этой самой школы. Им нужно у кого-то учиться. Те легальные марксисты и те революционеры полу-и на четверть марксисты, которые у них есть, они им метода дать не могут. Мы, ленинцы, этот метод можем дать, и, несомненно, если мы возьмемся за это дело серьезно, мы можем скоро там приобрести школу. Мы получили бы возможность, таким образом, распространять нашу литературную продукцию уже гораздо шире, чем мы это можем сделать, работая водиночку здесь. Вот то, что касается наших перспектив в международной плоскости.

Мы стоим в Западной Европе, несомненно, перед грандиозной революционной волной. И было бы в высшей степени странно и для нас постыдно, если бы в этом громадном подъеме мы, историки, т. е. представители самой

политической и самой революционной науки, не приняли никакого участия. Мы этим нарушили бы завет Ленина, который требовал исторического подхода ко всякой политической ситуации и настаивал, чтобы мы до корней изучили историю старого буржуазного мира, чтобы этот старый буржуазный мир опрокинуть. И мы это должны делать не только сами в своих кабинетах, но сделать это достоянием широких масс, которые втянуты сейчас в борьбу. Сейчас в Берлине та же самая картина, которую в начале 1905 г. можно было видеть в Москве. Это—нарастание могучей волны. Сразу ли она одержит победу, разобьется ли о фашистов и социал-демократов, это, конечно, скажет будущее. Ленин часто цитировал фразу Наполеона: «On s'engage et puis on voie»—«сначала нужно ввязаться в бой, потом посмотрим». Но так или иначе бой несомненен. До последнего и решительного боя, который кончится разгромом буржуазии, там может быть еще довольно далеко. Но война начинается. Никакого классового мира там нет и быть не может. Массы вышли на улицу, массы уже не боятся полиции, атакуют полицию. Для меня теперь совершенно понятен приказ Цергибеля, чтобы полицейские, если их меньше 4 человек, не смели атаковать толпу. Они давно уже ходят парами, водиночку ни один полицейский не смеет подойти к толпе, но и пары слишком слабы, эти полицейские пары толпа обезоруживала. И теперь только вчетвером, т. е. с 4 маузерами, можно попытаться сопротивляться толпе, вдвоем они уже не смеют. Массе, вы скажете, нужно прежде всего оружие. Да, но ей нужна и теория, теория пролетарской революции, и эту теорию можно построить, только опираясь на историю пролетарских революций. И этой теории на месте она получить не может. При таком положении вещей перед нами развертываются очень большие перспективы литературной работы на пользу этого грандиозного рабочего движения.

На этом я заканчиваю характеристику нашего международного выступления и перехожу к тесно связанным с ним фактам, которые имели место в нашей внутренней деятельности. И тут тоже наше Общество сыграло очень большую роль, но уже в другом направлении. У нас пролетариат уже взял власть и держит ее в руках крепко. В этом отношении нам помогать ему не нужно, он в нашей помощи не нуждается. Но в чем нужно помогать, это вот в чем. Пролетарская идеология, марксистская идеология до сих пор еще не пропитала у нас ни широкие массы самих трудящихся,—и среди них, несомненно, большое количество пережитков других идеологий,—ни даже той массы людей, которые пишут исторические книги. Даже те, кто выступает с писаниями на исторические сюжеты, даже они оказываются очень слабыми, плохими марксистами. И вот с этой точки зрения громадное значение имела Всесоюзная конференция историков-марксистов, которую мы в течение отчетного периода собрали в Москве. Опять-таки рассказывать вам, что происходило на этой конференции, я не буду. Но я хотел бы подчеркнуть итоги, выводы из этой конференции. Прежде всего оказалось, что и тут, несмотря на то, что

конференция велась как будто в самых «дерзких» тонах, мы оказались все же недостаточно смелы, не решились назвать кошку кошкой, а контрреволюционера контрреволюционером. История сделала это за нас. Теперь целый ряд людей, с которыми мы сражались на этой конференции, которых мы разоблачали довольно, правду сказать, робко—только как наших идеологических противников—оказались уже настоящими контрреволюционерами, и их уже разоблачаем не мы, а другие учреждения, которые этим ведают. Это в высокой степени знаменательное событие, товарищи, потому что оно показывает, что у нас развилась большая историческая чуткость и большой политический нюх, так что по книжке, по печатной строке или по докладу, по слову с трибуны мы сразу разбираем—наш это человек или не наш, враг или друг. Это хороший аттестат нам. И в этом смысле Всесоюзная конференция и то, что за ней последовало, колоссально расчистили горизонт. Теперь не стоит уже бороться с теми величинами, с которыми мы там боролись. Просто не стоит, потому что эти люди настолько разоблачены и пригвождены, что считаться с ними, как идейными противниками, кому же придет в голову сейчас? А когда мы выступили против некоторых из этих лиц, против того исторического фронта, который они собою представляют, это было охарактеризовано кое-кем как революционное мальчишество. А сейчас оказывается, что это «революционное» мальчишество просто предвосхитило ту политическую картину, которую мы имеем сейчас перед собой. И это, конечно, не плоды чьих-нибудь единоличных усилий, это—отражение общественного мнения наших историков-марксистов, которое выявилось именно на этой конференции впервые со всей яркостью, со всей силой. Впервые мы объединились и увидели, во-первых, как нас много, а во-вторых, увидели,—также, как и за границей—до чего наши противники слабы, хотя их тоже много, большое количество.

И это повело к нашим дальнейшим дерзаниям. До конференции у нас уже стоял вопрос об основании Исторического института в стенах Комакадемии. Но были колебания, справимся ли мы, достаточно ли у нас сил и умения? После конференции всякие сомнения и колебания на этот счет исчезли, и Исторический институт в стенах Комакадемии создан. Это—факт чрезвычайно знаменательный. Впервые, благодаря нашей конференции, созванной нашим обществом, марксистская историческая наука получила в нашей стране свой исследовательский центр, и потом этот центр за короткое время, прошедшее с конференции, успел распочковаться, дать ростки. Уже в Ленинграде существует его отделение. Вы знаете, теперь прежний ЛИМ, Ленинградский Институт Марксизма, является филиалом Коммунистической Академии—ЛОКА. Так вот, частью этого ЛОКА является историческая его секция, филиал нашего Исторического института. Таким образом, мы растем очень быстро после этой конференции.

И тут опять-таки рядом с нашими достижениями приходится отметить и некоторые дефекты. Этот рост до сих пор в значительной степени идет в академической, если можно так выразиться, плоскости. До сих пор как для Западной Европы мы не создали литературы для широкого рабочего актива, так и у нас мы не добрались еще до настоящих масс, не добрались ни в порядке докладов, лекций, ни в порядке литературной продукции, в порядке выпуска журналов, книг и т. д. Кустарным образом мы все это делаем, организованной же работы в этом отношении мы не имеем. Позвольте указать хотя бы на тот факт, что массовый исторический журнал стоит у нас на очереди приблизительно все те два года, о которых я даю отчет. Все время он стоит, но он стоит, именно стоит, а не двигается, ни одного номера еще не вышло, никакая подготовка не сделана. И я думаю, что отчасти виной является то, что мы не связались с массами, что мы не видим этих масс с их запросами воочию. К нам, историкам, к сожалению не ходят массы и не требуют от нас с ножом к горлу: «Дайте ответ на такой-то вопрос!» А запросы есть. Я приведу факт. На одном из московских заводов сейчас существует кружок по изучению,—как вы думаете, чего?—крестовых походов! Папа объявил крестовый поход. Западному рабочему, который учился в школе, не нужно объяснять, он знает, что такое крестовый поход, а наши не знают. «Комсомольская Правда» обратилась ко мне за статьей. Будучи бесконечным заседателем, я не мог написать этой статьи, но какая благодарная тема: возникновение папской власти в связи с возникновением ростовщического капитала. Ростовщический и купеческий капитал был основой всего этого. Четвертый крестовый поход, поднятый одним из величайших пап мировой истории Иннокентием III, ознаменовался неслыханным грабежом сначала католиков-венгерцев в Заре, потом, хотя не католиков, но христиан, греков в Византии. Крестоносцы произвели разгром Константинополя, эхо которого пронеслось чуть ли не по всему земному шару, который ярко отразился в наших русских летописях. А преследования еретиков за то, что они были конкурентами папских «коллекторов», сборщиков „денария св. Петра»! Словом, это материал благодарнейший, который нужно обработать. Я не могу обработать его, потому что бесконечно заседательствую, и чем больше живу в Москве, тем больше заседаю. Но вы, товарищи, вся масса историков-марксистов, должны за это приняться. Вот, когда мы свяжемся с массой и будем отвечать на ее запросы, тогда, само собою разумеется, реализуется идея популярного журнала, которого у нас до сих пор нет и который, может быть, не менее нужен и важен, чем «Историк-марксист». Я не хочу сказать, что этот последний журнал не нужен. Он, конечно, чрезвычайно нужен: как постоянный организующий центр марксистской исторической мысли этот журнал колоссально нужен и полезен. Беда в том, что этот центр чересчур массивен. Он напоминает древние московские постройки, вроде Спаса на Бору, где свободное пространство для людей гораздо

меньше по объему, чем невероятно толстые стены, своды и т. д. У нас архитектура слишком громоздка, мало свободного места для идей, слишком много чисто конкретного материала, и ИКПисты правильно поднимают вопрос, чтоб нашего «Историка-марксиста» сделать журналом более бойким, легким на ногу, более легким в смысле подъема. Несомненно, что нам нужен исследовательский журнал гораздо более легкий во всех отношениях, приближающийся хотя бы к типу заграничных научных журналов. Такого громоздкого издания, как «Историк-марксист», нет в мире. Ни американцы, ни немцы, ни англичане, никто такой тяжеловесной штуки не издает. С этой стороны нам, несомненно, нужно усовершенствоваться, хотя самый журнал, его существование является колоссальным нашим достижением.

Но, товарищи, кому много дано, с того много и спрашивается. Старая французская поговорка говорит, что «noblesse oblige», по-русски можно перевести, чтобы избежать слова «noblesse»,—положение обязывает, и нам приходится не только восхищаться розами нашего положения, но и терпеть все шипы, которые на них растут. Таких шипов много. На той конференции историков-марксистов, от которой я отвлекся к нашему журналу, нами была занята чрезвычайно четкая политическая позиция, что делает нам большую честь. У Ленина история, которую он очень любил, которой он постоянно занимался, которую он поставил однажды рядом с марксистским учением,—у Ленина история была тесно связана с политикой. У него, в сущности, каждое историческое резюме просится в определенную резолюцию, до такой степени оно четко и до такой степени оно политически увязано с современной ситуацией. И вот эту четкость,—конечно, не ленинскую, хвастаться я не стану,—но во всяком случае, большую четкость политическую проявили и мы на нашей конференции. И сейчас же, конечно, посыпались тернии, без которых обойтись нельзя. Председателя этой конференции и в то же время председателя вашего Общества немедленно же начали «прорабатывать». Как-то не замечали до сих пор, что у этого человека масса всяких ошибок, а тут заметили,—после конференции сейчас же заметили:— много ошибок таких, о которых невозможно молчать, нужно сейчас же говорить. Это мелкий случай, конечно, но характерный. А затем потянулся целый ряд дискуссий, через которые обществу пришлось пройти. Конечно, рассуждая чисто академически, пришлось бы от этих дискуссий просто отмахнуться, как от докучливых мух, сказать: «Да, постойте, у нас дело есть, хотя бы популяризация в массах, гораздо более серьезное дело, чем всякие дискуссии». Но если вдуматься, то увидим, что как раз четкость занятой нами позиции обязывает к тому, чтобы дальше итти в этом же направлении. Я уже вам сказал, что настоящий ленинский марксизм не пропитал у нас не только серые массы, но не пропитал и тех верхов, которые выступают с историческими произведениями, которые берут на себя роль учителей в области истории. Даже эти верхи оказы-

ваются иногда пропитанными совершенно другими взглядами. Это явление, конечно, не случайное, товарищи. Если развивающаяся в Зап. Европе классовая борьба создает там острый спрос на марксизм до такой степени, что стремятся перевести марксистские книжки, даже не имеющие к этой борьбе прямого отношения, то классовая борьба, которая развертывается сейчас у нас, выкорчевывание последних остатков буржуазии, которые еще сохранились в нашей стране, эта классовая борьба вызывает крайнее обострение идеологической борьбы у нас. Не случаен тот факт, что народническая идеология оживляется у нас чем дальше, тем больше, и что теперь, когда вы читаете литературу партии Народной Воли, вам кажется, что вы читаете книжки, написанные вчера, и не в том аспекте, как некоторые товарищи изображают, что вы видите своего предшественника, а в том, что вы видите воочию своего врага, своего настоящего врага. Я недавно по обязанности дискуссанта прочитывал литературу партии Народной Воли и убедился, до чего это современные книги. И троцкизм, и наш правый уклон, все это там есть, черным по белому, притом в первозданном виде, в оригинальном виде, не копия, не перепевы, не пересказы, а буквально. Так что эти наши дискуссии являются в глубочайшей степени закономерными и с этой точки зрения желательными. Наша партия должна вести подобного рода дискуссии. И крайне странно отношение тех товарищей, которые подходят к этому с той точки зрения, что мы кого-то «обижаем». Простите, пожалуйста, некоторых из людей, с которыми нам приходилось бороться политически, я искренне любил как людей, но в моих писаниях, на бумаге, расправлялся с ними весьма жестоко. Какие тут сентиментальности? Какое тут «обижают» или «не обижают»? Тут классовая борьба. По существу это та же самая классовая борьба, и если нам нужно ликвидировать кулака как класс, то надо ликвидировать и кулацкую идеологию, т. е. народническую, которая выродилась в кулацкую идеологию. Первоначально она, конечно, была не кулацкой идеологией, она была крестьянской или мелкобуржуазной, точнее. Но сейчас на этой позиции удержаться нельзя. И сейчас попытки ее воскресить связаны с отчаянной борьбой кулака как класса за свое существование. С этой идеологией нужно раз навсегда покончить. В этом—смысл тех дискуссий, которые мы провели в последнее время и отражение которых вы увидите в наших резолюциях.

При этом не должны обижаться те товарищи, которые оказались в тесном соседстве с нашими противниками. Конечно, нельзя сказать, что все решительно те авторы, с которыми мы боремся, занимают вполне четкую народническую позицию. Этого нельзя сказать. Тут, как всегда в жизни, мы встречаем целый ряд всякого рода переходных типов и переплетений. Но если человек встанет рядышком с представителем народнической идеологии в чистом виде и мы начнем этого представителя народнической идеологии дубасить, то мы попадаем, конечно, и по тому, кто стоит рядом. Не стой рядом, не смущай публику, потому что если стоишь

рядом, то у всякого получается впечатление, что ты ему друг или союзник! Отойди в сторону или, точнее, перейди на нашу сторону, потому что нейтральных мы тоже будем бить! Нейтралитета в этой области быть не может, как не может быть нейтралитета в классовой борьбе. А если не переходишь на нашу сторону, ничего не поделаешь, если шишку получишь. Заранее об этом предупреждаем. В этом смысл тех дискуссий, которые мы провели за последнее время. Я лично не берусь рассказывать об этих дискуссиях. Во-первых, мне кажется, это не нужно, а затем, дискуссию, например, с т. Теодоровичем я лично не проводил. Я знаю ее только по освещению со стороны, и мог со своей стороны наблюдать только два момента, на которые указывал товарищам. Первое, что за народовольцами-террористами мы совершенно забыли народовольца-рабочего. Совершенно забыли. Об этом никто не говорил, а рабочий был, и он кое-что народовольцам навязал. Народовольцам пришлось составлять для рабочего особую программу. Мы никого пока не вспомнили из этих рабочих. Конечно, сказать совсем не вспомнили,—это слишком сильно. У нас был как раз доклад на конференции историков-марксистов о Северном рабочем союзе. Был такой доклад. Но что значит один доклад тогда, когда юбилей террористов-народовольцев, т. е. интеллигентской части народовольчества, развернут во всесоюзном масштабе, он развернут шире, чем юбилей гораздо более близкого нам Чернышевского, и гораздо ярче. Это одна сторона, а другая сторона, что как-то удивительно мало для историков в этой полемике фигурируют исторические источники. Мне, человеку старых привычек, просто странно на это смотреть. Цитат троцкистских, право-уклонистских из литературы Народной Воли я нигде не встречал. А это интереснейшие цитаты. Историческая концепция Троцкого налицо там, и вывод из нее—перманентная революция—тоже налицо. Это отсутствие источников в исторической полемике, оперирование исключительно цитатами из Ленина, Маркса и т. д. производят странное впечатление. И Ленин и Маркс, я думаю, не похвалили бы тех людей, которые так делают. У Ленина, конечно, есть великолепная характеристика народовольчества, она очень полезна, но повторять слова Ленина—не значит заниматься историческими исследованиями. А между тем, кроме цитат из Ленина, из Маркса и других авторов,—причем иногда цитируются даже места, не имеющие никакого отношения к Народной Воле, так что буквально получается: «а ваша тетка с инженером сбежала»,—ничего нет. Подлинного изучения источников—нет. Я не знаю ни одной работы, которая бы подвергла критическому анализу мемуары народовольцев, а это очень стоит, потому что если вы возьмете мемуары народовольцев, особенно изданные до нашей революции, даже до 1905 г.— это одна картина, а прочтите те же мемуары после 1920 г., в «Каторге и Ссылке»,—получается совершенно другая картина. Эти почтенные люди не могут сейчас смотреть на себя и на свое прошлое движение так, как они смотрели 30 лет тому назад, не могут. Это мы испытываем, в сущности

говоря, и на самих себе. Мы не можем сейчас, например, смотреть на крестьянскую революцию 1905—1907 г., на движение в деревне так, как мы смотрели в 1908—1909 г., не можем мы так смотреть. Тогда у нас были одни настроения, мы подходили с одного угла, теперь—другое настроение, мы подходим иначе. Точно так же, хотя они старики и великие старики, но хотя эти великие старики очень стары теперь, все-таки они живые люди и не могут не испытывать давления таких колоссальных событий, как Октябрьская революция. И они незаметно для самих себя изображают свое прошлое иначе, чем изображали 30 лет тому назад. Такого критического анализа мемуарной литературы народовольцев я тоже не знаю. А между тем дать это должны именно историки. Вот два замечания, которые я хотел сделать по поводу дискуссии о т. Теодоровиче. Повторяю, участником этой дискуссии я не был, мне приходится таковым стать только потому, что обязанность всякого высказаться в таком споре. Тут нельзя молчать и нельзя соблюдать нейтралитет. Очень жалко обижать старого почтенного товарища, но раз этот старый почтенный товарищ выступает в качестве представителя определенной идеологии, он не должен обижаться, что удары, которые наносятся этой идеологии, попадают по нем, попадают по авторам, которые не умеют или не желают от народнической идеологии отмежеваться.

Что касается дискуссии, которая создалась около книги С. М. Дубровского, то я был участником этой дискуссии в самом начале. Собственно, книга т. Дубровского явилась откликом на эту первую часть дискуссии. Возражая мне, т. Дубровский закончил так:

«Я напишу целую книгу, и вы увидите, что я прав».

Он написал целую книгу, и все увидели, что он совершенно неправ. Это единственный результат, который получился. Я говорю в данном случае не от себя, я подвожу итоги тому, что было, тем высказываниям, тем голосованиям, которые были. Вопрос, поднятый им, конечно, чрезвычайно важный и интересный, но решать его нужно по-марксистски, а не так, как он был разрешен. Во всяком случае, я не пускаюсь в подробности этих дискуссий, но я должен был сказать о них, поскольку в резолюции, которую мы вам предложим, есть отголосок и этих дискуссий. Они в общем вам известны. На этих дискуссиях разрешите отчетную часть моего выступления закончить.

Разрешите перейти к перспективам на будущее. Эти перспективы были очень хорошо сформулированы в дополнении к резолюции, которая вам будет предложена. Прежде всего, я уже об этом говорил, мы должны поставить вопрос о задачах исторической науки в наш реконструктивный период не в пределах одной Москвы, и не в пределах только РСФСР, а мобилизовать вокруг обсуждения этого вопроса внимание всех историков-марксистов СССР, а для этого нам нужен всесоюзный орган. Конференция историков-марксистов постановила этот орган создать. Но вы видите, как мы медленно все-таки ходим. Прошло со времени этой конференции

больше года, а мы до сих пор не продвинули через соответствующие инстанции вопроса об образовании Всесоюзного общества историков-марксистов. Правда, эта идея встретила ожесточенное сопротивление со стороны одной украинской исторической группы. И теперь, когда мы знаем биографию лидера этой группы, мы понимаем, почему он был против этого общества. В настоящее время этот лидер, надо надеяться, перестал быть лидером и никакой роли не играет, и сопротивления образованию Всесоюзного общества историков-марксистов мы теперь не видим ниоткуда, потому что все остальные представители национальных республик: грузины, белоруссы, среднеазиатцы и т. д.—все они единодушно вместе с нами поддержали эту идею, которая и прошла на заключительном заседании конференции историков-марксистов единогласно.

Затем это дополнение требует в соответствии с требованиями социалистического строительства выработать единый план работы всех исторических научно-исследовательских учреждений Москвы и провинции, больше—всего Союза, и организовать широкое обсуждение этого плана. Это, товарищи, чрезвычайно важная вещь. Огромное количество сил тратится зря, потому что работа ведется кустарно. Над одной и той же темой работает целый ряд историков в разных местах, и один не знает о другом, а целый ряд важнейших тем остается без всяких работников. Создание такого единого плана работы—это как раз дело всесоюзного центра, каким и представляется это будущее Всесоюзное общество историков-марксистов.

Следующее предложение—пересмотреть весь наличный состав научных работников исследовательских институтов, с точки зрения обеспечения подлинно марксистско-ленинского изучения стоящих в порядке дня проблем. Товарищи, я думаю, что нам давно пора привлечь к этой чистке, будем так говорить, наших исторических учреждений широчайшие круги исторической общественности. Давным-давно пора произвести эту чистку так, как производятся все чистки, не в административном кабинетном порядке, а в порядке общественном, давным-давно пора это поставить. Кстати скажу, что чистка профессуры сейчас проводится в вузах, так что они нас опередили. Но мы такого просмотра работников истории не производим, а из провинции доносятся самые необыкновенные вещи о том, кто там преподает историю и как преподают историю, и какая там исследовательская работа ведется в области истории. Примеров я не буду приводить. Нам нужно решительнее повести привлечение к исследовательской работе молодежи, в частности из числа окончивших ИКП и Институт истории. Распределение нашего молодняка ведется далеко не так, как это нужно было бы для обеспечения перевеса историков-марксистов в общей массе историков-преподавателей и историков-писателей. В особенности приходится протестовать против отвлечения талантливых работников на работу не по специальности. У меня таким способом двое из талантливейших моих учеников ушли на совершенно другую работу. Еще двое

накануне того, чтобы уйти, а наших сил не так много, в особенности талантливых людей не закажешь, их слишком мало. Человек дал определенную продукцию, имеет прекрасную работу, он совершенно готовый историк-исследователь, он занят работой и полезной работой, но относящейся к деланию истории, а не к писанию истории.

Дальше идут моменты, которых я уже касался: ускорить намеченный в свое время выход научно-популярного массового исторического журнала, наметить план издания научно-популярных брошюр по наиболее актуальным проблемам истории; установить тесную связь с партийными организациями, предприятиями, рабочими университетами, музеями историческими и историко-революционными для проведения цикла эпизодических лекций, организацию консультаций для партийного рабочего актива, экскурсий и т. д. Затем идет речь о Всесоюзном обществе историков-марксистов, о котором я уже говорил. Дальше журнал «Историк-марксист» должен стать органом, сплачивающим все коммунистические силы как в деле борьбы на идейном фронте, так и в изучении актуальных проблем. Он должен стать боевым органом, направляющим и организующим исследовательскую работу историков-марксистов. Особое внимание должно быть обращено на привлечение к участию в журнале молодых коммунистических сил и на обеспечение более частого выхода журнала в соответствии с решением конференции. Кроме того надо обратить внимание на бóльшую легкость этого журнала. Нужно его превратить из старого чугунного орудия на манер петровской пушки петрозаводского литья в ту изящную вещь, которую представляет современный пулемет,— маленькая вещь, которую несете в руках, устанавливаете вот здесь, а эффект ее гораздо больше, чем петровской пушки. «В области преподавания исторических дисциплин общество должно обеспечить широкий общественно-научный контроль, руководство и помощь в работе исторических кафедр вузов, комвузов и др. учебных заведений как в Москве, так и в провинции, а также развернуть критическую методологическую работу по подготовке учебных пособий и руководств для обеспечения преподавания истории в выдержанном марксистско-ленинском направлении».

Позвольте на минуту на этом остановиться. Помимо всего прочего у нас совершенно устарели методы изготовления учебной литературы. Она до сих пор изготовляется, даже по линии истории, если и с участием коммунистов, то под руководством старых специалистов. Я очень ценю старых специалистов, думаю, что мы долго еще их должны будем использовать, но не в качестве руководителей нашей работы, а в качестве ее участников под нашим руководством. А то получается такая картина, что на-днях в этом самом зале показывают мне учебник, совсем недавно выпущенный Гизом, учебник обществоведения, доживший уже до 5-го издания,—мне показывали именно 5-е издание. Что мы там видим: в литературе по империализму—маленькая вещь: не указана ленинская

книжка «Империализм как новейший этап капитализма». Маленькая вещь пропущена! Когда я спрашиваю весьма уважаемого специалиста, не нашего, не партийного, руководившего составлением этого руководства, почему это так, он ничего ответить не мог, кроме вроде того, что «это и так все знают». Так нельзя. Если исходить из этого, можно и книжку не печатать. Или: взята действительно ленинская характеристика империализма, а сверху приделана какая-то пацифистская голова, что-то вроде мирного труда всех стран и народов. Как это вяжется с классовой борьбой и всякими прочими вещами? «Ах, это, говорят, из экономической географии»! Это соединение Ленина с экономической географией тоже не должно иметь места. И вот, товарищи, я думаю, что составление учебной литературы, конечно, должно быть делом марксистского исторического коллектива, марксистской исторической общественности, а никоим образом не такой кустарной работы, работы нескольких человек под руководством может быть очень хорошего педагога-специалиста, но во всяком случае недостаточно компетентного в области марксизма. К этому делу мы должны подойти возможно организованнее. Во-первых, просмотреть всю соответствующую литературу, дать о ней систематические отзывы, напечатать эти отзывы. Потребовать, чтобы при издании этой литературы мы обязательно были привлечены и самое составление этой литературы происходило под нашим контролем и при нашем участии. Это нужно поставить совершенно определенно, без этого мы не будем иметь настоящего марксистского руководства по истории, которого от нас требовал Ленин еще давным-давно, еще в 1920 году.

Вот, товарищи, те итоги и перспективы, которые у нас имеются. Мне приходится окончить мое изложение подведением еще одного очень печального итога. За этот продолжительный промежуток времени, когда мы не обновляли своего состава, этот состав успел убавиться,—не только прибавилось количество членов, но и убавилось. Скончались М. А. Рейснер, А. Е. Пресняков и тов. Айнзафт—три действительных члена. Из них первый мало принимал участия в работе общества, а два последних,—если не в работе общества непосредственно, то в исторической марксистской литературе,—принимали большое участие. Несомненно, особенно тяжела была смерть Айнзафта, поскольку Айнзафт был одним из талантливейших работников в области истории профдвижения. Мы с ним, старым меньшевиком, не всегда сходились в его оценках, не всегда они были приемлемы для нас, но это был настоящий талантливый работник.

Что касается А. Е. Преснякова, то это был чрезвычайно трогательный пример 60-летнего университетского профессора, который сделался марксистом на шестом десятке лет своего существования. А. Е. Пресняков не прошел революционной школы. Не нужно, думаю, говорить о том, что для того, чтобы стать настоящим марксистом, нельзя даже только смотреть на революцию, надо в ней участвовать, и если в Западной Европе нет настоящих марксистов среди историков, то это потому, что

нет практиков-революционеров, а Пресняков, конечно, видел пролетарскую революцию из своего профессорского кабинета и от нашей революционной борьбы был слишком далек, поэтому сделаться настоящим марксистом он не мог. Но он шел к нам, подошел очень близко, писал в таких журналах, самое название которых для его собратьев было «жупелом» и «металлом»,—в журнале под названием «Борьба классов». И смерть скосила его в то время, когда он мог бы еще чрезвычайно много нам дать.

Кроме того, скончались два члена-корреспондента—Клевенский и Федорченко. Я предлагаю почтить память всех этих товарищей вставанием.

Н. Лукин

БОРЬБА КЛАССОВ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ДЕРЕВНЕ и ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА КОНВЕНТА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ 2-го и 3-го МАКСИМУМА [1]

(Сентябрь 1793 г.—декабрь 1794 г.)

Отношение различных слоев французского крестьянства к продовольственной политике Конвента до сих пор почти не было объектом научного исследования. Даже в специальных монографиях, посвященных продовольственному вопросу в отдельных департаментах, как напр. в работе Ch. Porée [2], не учитывается классовое расслоение французской деревни. Лишь Лефевр в своей интересной работе «Les paysans du Nord pendant la révolution» делает попытку проследить, как реагировали на продовольственную политику Конвента отдельные слои сельского населения.

Между тем, начиная с зимы 1793 г., система твердых цен и реквизиций играет доминирующую роль среди тех факторов, которыми определялось отношение деревни к робеспьеровскому правительству. Дать классовый анализ его продовольственной политики, одновременно прослеживая действие этой политики на классовую борьбу в деревне,—значит подойти к разрешению вопроса о социальных корнях термидорианской реакции.

I

Разумеется, классовая борьба, происходившая на почве применения законов о максимуме, может быть выделена как специальный объект изучения лишь условно: она тесно переплетается с борьбой, которая шла между различными слоями крестьянства на почве раздела общинных земель и распродажи национальных имуществ.

С другой стороны, нельзя говорить о классах в революционной деревне, не учтя всех тех перемен в ее социально-экономическом строе, которые произошли с 1789 г.

---

[1] Настоящая статья представляет переработку доклада, читанного автором на совместном заседании Секции промышленного капитализма Института истории Комакадемии и Общества историков-марксистов. Помимо печатных источников автор пользовался материалами, хранящимися в Национальном архиве в Париже (подсерии F^{11}, F^{10}, F^{12}, AF^{11}).

[2] Ch. Porée, Les subsistances dans l'Yonne et particulièrement dans le district Auxerre pendant la révolution.

Наиболее существенные изменения этого порядка были внесены отменой десятины, феодальных повинностей, передачей коммунам большей части фонда общинных угодий, разделом или распродажей этого фонда, наконец—распродажей национальных имуществ.

Между тем до сих пор не имеется такой общей работы по экономике сельской Франции в эпоху революции, которая давала бы отчетливое представление о результатах вышеотмеченных процессов (изменения в распределении земельной собственности, землепользовании, характере аренды и т. п.) и тем самым отвечала бы достаточно обоснованно на вопрос о том, какие перемены произошли в положении различных классов и их взаимоотношениях [3].

Попробуем все же наметить классовую структуру революционной французской деревни, хотя бы в самых общих чертах.

Наряду с уцелевшими остатками старого дворянства мы имеем чрезвычайно усилившийся экономически класс сельской буржуазии (кулачества), в наибольшей степени выигравший от отмены десятины и феодальных повинностей и сумевший прибрать к рукам значительную часть национальных имуществ. В Северном департаменте покупщики национальных имуществ из крестьян, приобревшие свыше 10 *га*, составляли 1 129 чел., или 4,52% всех покупщиков из крестьян; но эта зажиточная головка деревни приобрела 34 123 *га*, или 49,07% всей приобретенной крестьянством земли [4].

В департаменте Cher среди крестьян, приобретавших эмигрантские земли, преобладали «люди богатые или зажиточные, имевшие и раньше собственность» [5].

Эти выводы, полученные по двум департаментам, нельзя конечно распространять целиком на всю Францию, но они весьма красноречивы.

Эта же сельская буржуазия наживалась на дороговизне сельскохозяйственных продуктов (особенно до издания законов о максимуме), а также использовала затруднительное положение безлошадного крестьянина, не имевшего возможности вспахать свое поле без помощи зажиточного соседа. Местами ей удалось прибрать к рукам (путем аренды) участки, которые были куплены за время революции деревенской беднотой, но не могли быть ею обработаны за отсутствием сельскохозяйственного инвентаря.

Ряды «cultivateurs aisés», «riches propriétaires», «gros fermiers, propriétaires en gros» и т. п. значительно возросли благодаря переходу значительной части национальных имуществ в руки богатых фермеров и городской буржуазии. По Лефевру, в Северном департаменте за период

---

[3] Упомянутая работа Лефевра, которая в значительной степени отвечает на интересующий нас вопрос, по крайней мере в отношении Северного департамента, является пока единичным явлением.

[4] Lefebvre, Les paysans du Nord pendant la révolution..., 1924, p. 960.

[5] Marion, La vente des biens nationaux, p. 229.

с 1790 по 1793 г. доля городской буржуазии в приобретении национальных имуществ составляла 33,56%. По департаменту Sarthe покупщики из горожан составляли от 16,1 до 49,4%, по Верхней Гаронне—от 11,6 до 40%, по Côte d'Or—от 14,9 до 35% [6].

Разумеется, среди этих «горожан» были и очень мелкие покупщики, но значительная роль городской буржуазии и революционного чиновничества в этих покупках бесспорна.

К сельской буржуазии надо отнести также мельников, содержателей постоялых дворов, деревенских лавочников, булочников и т. п. Среди этой группы сельской буржуазии особенно благоденствовали мельники, которые систематически нарушали закон о помоле (декрет 25 брюмера, ст. 4), пускались на всевозможные проделки в целях утайки части зерна (вплоть до подмешивания в муку песка), продавали деревенской бедноте хлеб по спекулятивным ценам и т. п. [7].

Сельская буржуазия находила поддержку в довольно многочисленной группе контрреволюционно настроенных богатых людей, переселившихся за время революции из городов, чтобы ускользнуть от бдительного ока городских санкюлотов. В департаменте Nièvre депутат в миссии Lepiot счел нужным издать особое распоряжение об обратном выселении в города таких «дачников» [8].

Среднее крестьянство («cultivateurs», «laboureurs», «pauvres fermiers»), составлявшее основную массу сельского населения, также выиграло от отмены десятины, феодальных повинностей и значительно возросло в ходе революции благодаря разделу общинных земель и распродаже национальных имуществ. Многие мелкие арендаторы стали теперь собственниками по крайней мере части ранее обрабатываемой ими земли. Поскольку представители этого слоя продолжали арендовать еще нераспроданные земли, принадлежавшие раньше клиру или дворянству, они уплачивали государству аренду в почти неизмененном размере (несмотря на падение ассигнатов и удорожание сельскохозяйственных продуктов).

В Северном департаменте (по Лефевру) из 24 994 крестьян, окончательно купивших национализированные имущества, покупщики средних участков (от 1 до 10 *га*) составляли 8 415 чел., или 28,6% всех покупщиков-крестьян и 7,26% покупщиков вообще. В общей сложности эта категория покупщиков приобрела 13 440 *га*, или 33,8% всей площади, приобретенной крестьянством [9]. Итак, более трети всей купленной в этом департаменте земли перешло в руки именно этой группы.

---

[6] Лучицкий, Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа, с. 150, табл. I.

[7] Arch. Nat., AF[11] 138/1080. Arch. Nat., F[11] 201. Rapports de Grivel et Siret, p. 190. Arch. Nat., F[11] 278. Ibid., A[11] 141/1108.

[8] Arch. Nat., A[11] 128/961.

[9] Lefebvre, Les paysans..., p. 960.

Лучицкий, пользуясь данными по 29 департаментам, расположенным в различных местностях Франции, приходит к выводу, что мелкие покупки (стоимостью до 10 тыс. ливров) составляли подавляющее большинство покупок национальных имуществ (от 85 до 91,4%) [10].

В результате того же процесса распродажи национальных имуществ (как и поголовного раздела общинных угодий) возросла и группа деревенской бедноты, собственников мельчайших участков (до 1 *га*), хотя вся система распродажи национализированного земельного фонда менее всего соответствовала интересам пролетариев и полупролетариев деревни.

В Северном департаменте малоземельным, безземельным крестьянам удалось до известной степени использовать декреты Конвента, разрешавшие раздробление владений при продаже эмигрантских земель (3/VI и 25/VII 1793) и распространявшие этот принцип на всякого рода национальные имущества (декр. 2 фримера и 4 нивоза II г.), а также декрет 13/IX 1793, предоставлявший крестьянам-несобственникам и не обложенным налогом жителям коммун без общинных угодий право приобретать земли эмигрантов, стоимостью до 500 ливр, с рассрочкой на 20 лет и без начисления процентов.

По данным Лефевра здесь покупщики участков до 1 *га* составляли 61,81% всех покупщиков-крестьян (15 450 из 24 994); они приобрели из 68 704 *га* 11 932, или 17,13% всей купленной крестьянами земли (8,58% всей земли) [11].

Однако приобретение карликового участка земли далеко не во всех случаях превращало деревенского пролетария или полупролетария в хозяйственного мужика. Обычно, не имея ни сельскохозяйственного инвентаря, ни семян, такой «petit cultivateur», «menager» вынужден был сдавать свое поле за бесценок в аренду своему же соседу «cultivateur», «laboureur», «gros fermier».

Таким образом сельской буржуазии удалось фактически прибрать к рукам значительную часть национальных имуществ, которая юридически перешла в руки маломощного крестьянства.

В протоколе публичного заседания администрации дистрикта St-Quentin (департамент Aisne, от 3 фримера III г.) между прочим читаем: «В деревнях существуют злоупотребления, весьма вредные с точки зрения... интересов наименее обеспеченного класса народа. Под тем предлогом, что никакой закон не таксирует культуру зерна, «cultivateurs» и «gros fermiers» поднимают свои требования до такого предела, что им удается таким способом, вопреки желанию собственников, надолго сохранить за собой эксплоатацию земли, попавшей к ним в качестве арендованной. Ввиду того, что отдельный малообеспеченный крестьянин, который купил небольшой клочок из национальных имуществ, не может вырвать своей

---

[10] Лучицкий, op. cit., 153, 154 (табл. II).

[11] Lefebvre, op. cit., p. 960.

собственности из рук крупного фермера и обрабатывать ее сам, чтобы не платить за вспашку и семена за один год сумму, почти равную стоимости самой земли, он вынужден оставить свою землю в аренде за ничтожную плату; иначе говоря, он оставляет в руках арендатора бóльшую часть своего дохода за издержки по обработке земли, а сам вынужден жить в нищете, тогда как, если бы он обрабатывал свою маленькую собственность сам, ему и его семье было бы обеспечено безбедное существование».

Оратор говорит от имени «petits cultivateurs», в дальнейшем он требует установления таксы на производство всякого рода сельскохозяйственных работ, что дало бы возможность мелкому собственнику вырвать свою собственность из рук «gros fermiers» и обрабатывать ее своим трудом или с чужой помощью, но за минимальную плату [12].

Не имея возможности прокормиться со своих карликовых участков, это парцелльное крестьянство (petits cultivateurs menagers) вынуждено было пополнять бюджет продажей своей рабочей силы в чужом хозяйстве. Именно оно поставляло главные кадры всякого рода деревенских поденщиков (journaliers, manouvriers), нанимавшихся лишь в разгар полевых работ (moissonneurs, faucheurs, batteurs). Отсюда еще один характерный термин, применявшийся к этой группе,—«рабочие-собственники» (manouvriers-propriétaires).

Труд жнеца часто оплачивался натурой в виде определенного количества зерна или известной доли урожая (в Северном департаменте каждый десятый или тринадцатый сноп). Молотильщики получали 5—6% с обмолоченного ими зерна [13].

Поденщики, имевшие не только свой дом, но и небольшой клочок земли, преобладали в районах с развитой крестьянской собственностью. Так, в Лимузене среди поденщиков было всего 12,2% безземельных. Напротив, в Laonnais 60% journaliers имели лишь небольшую усадьбу (менее 1 арп. земли) [14].

Это—уже настоящие пролетарии, которые вместе с деревенскими ремесленниками составляли «беспосевную» часть деревни (non recoltants).

Труд поденщиков применялся главным образом в крестьянском хозяйстве; с помощью батраков (domestiques, valets), нанимавшихся обычно на годичный срок и живших на чужой ферме, эксплоатировались преимущественно дворянские и буржуазные имения, если конечно последние не сдавались в мелкую аренду.

Поденщики составляли весьма значительную категорию сельского населения; в Бретани в большинстве кантонов — от 20 до 25%, но в

---

[12] Arch. Nat., F[10] 453—455, 3. См. также жалобу мелкого cultivateur Morize из департамента Эр (ibid.)

[13] Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 278—279.

[14] Лучицкий, Состояние земледельческих классов во Франции накануне революции и аграрная реформа 1784—1793 гг. К. 1912, с. 14, 15, 33.

некоторых местах их удельный вес поднимался до ½ и даже до ²/₃ населения [15].

II

В истории продовольственной политики Конвента можно различать три периода: первый—с 4 мая 1793 г. по 11 сент. того же года, так называемый период действия ограниченного максимума (твердые цены вводились лишь на зерно), установлявшегося притом по департаментам; второй—с 11 сентября 1793 г. до начала жерминаля II г.—период существования однообразных твердых цен на различные виды хлебов (зерна и муки), установленных центральной властью, и действия так называемого всеобщего максимума (с 29 сентября); в то же время это—период, когда господствовал режим экономической диктатуры Комитета общественного спасения; третий—с жерминаля II г. до отмены твердых цен 4 нивоза (24 декабря 1794 г.)—период ослабления этого режима и подготовки его ликвидации.

В первый период неустойчивое монтаньярское большинство Конвента не имело ни желания, ни возможности добиться исполнения закона о максимуме. Проведение политики твердых цен было всецело в руках злейших ее врагов—департаментской администрации, состоящей из жирондистски настроенных крупных землевладельцев. В результате в одних департаментах твердые цены на зерно не были установлены вовсе, в других местные власти смотрели на максимум, как на временную меру, не карали за его нарушение, в третьих—действие закона было приостановлено. В этот период действия максимума реквизиции хлеба почти не имели места, предписываемый законом учет продовольственных запасов не дал желательных результатов. Можно сказать, что в общем благодаря попустительству департаментских властей и разнобою в установлении твердых цен по разным департаментам крестьянству удалось сорвать исполнение закона о первом максимуме, превратив его в «голодный» закон.

В начале сентября под давлением революционных масс Парижа в продовольственной политике Конвента происходит решительный перелом, но сколько-нибудь успешное проведение в жизнь новых законов о максимуме (11—29 сентября 1793 г.) могло начаться лишь со времени осуществления знаменитого декрета 14 фримера II г. (4 декабря 1793 г.), предписавшего провести «чистку» «установленных властей», реорганизовавшего всю администрацию на началах централизации (учреждение должности национального агента при дистриктах и коммунах), передавшего наблюдение за исполнением революционных законов дистриктам, наконец официально признавшего важную роль наблюдательных, или революционных комитетов в деле проведения в жизнь правительственных мероприятий.

---

[15] H. Sée, Les classes rurales en Bretagne, p. 306, § 5.

Кульминационным пунктом этого периода было создание центральной Комиссии продовольствия и снабжения (1 брюмера II г.—22 октября 1793 г.), которая с 24 плювиоза (12 ноября 1793 г.) получила исключительное право на производство реквизиций, и сосредоточение в ее руках всего продовольственного дела; национализация всего урожая, поступавшего в распоряжение той же Комиссии, отмена так называемого «семейного пайка», прежде оставлявшегося крестьянину при реквизициях (декрет 25 брюмера—15 ноября 1793 г., установивший «la communauté des subsistances»). Поскольку правительство брало на себя обязательство «нивеллировать продовольственные запасы» и кормить из общего фонда как городское, так и сельское население, перераспределяя все продовольственные запасы между производящими и потребляющими коммунами, рыночная продажа хлеба не могла уже иметь места [16]. Подобно горожанину или беспосевному крестьянину, земледелец должен был отныне получать свой паек из общественного магазина [17].

Декрет 25 брюмера сопровождался рядом циркуляров и инструкций, предусматривавших учет имевшегося в государственных зернохранилищах и крестьянских амбарах зерна, без чего нельзя было приступить к обобществлению продовольственных фондов, выяснение потребности департаментов в продовольственной помощи, принудительный обмолот и ссыпку зерна в общественные магазины и т. п. [18].

На этот же (второй) период падают декреты об обязательной обработке заброшенных земель силами крестьян-собственников [19], а также законодательные акты и административные распоряжения, касавшиеся мобилизации сельскохозяйственных рабочих, таксации их заработков и т. д. [20]

Однако, начиная уже с жерминаля II г., замечается ослабление этого режима экономической диктатуры Комитета общественного спасения, стоящее в несомненной связи с гибелью эбертистов.

В общем система твердых цен и реквизиций сохраняет свою силу, но ослабляются поддерживавшие ее террористические мероприятия, берется курс на ликвидацию государственного снабжения населения хлебом и

---

[16] См. декрет 25 брюмера и циркуляр Комиссии продовольствия от 4 фримера II г. Rec. des textes: Céréales, p. 183, № 49.

[17] На практике и в этот период при проведении реквизиций крестьянину обычно оставляли некоторый (на 2—3 месяца) запас хлеба для собственного потребления до нового урожая, но при исчислении этого запаса исходили из жесткой нормы 1—1/2 ф. в день на едока (См. распоряжение Продов. к-та Тулузы)—Adher, Le Comité des subsistances de Toulouse, p. 422) См. также Lorain, Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont, № 1940. F[11], p. 254.

Richard, Le gouvernement révolutionnaire dans les Basses Pyrénées, p. 101. Как «нивеллировка» продовольствия проводилась, напр. в департаменте Meurthe, см. Arch. Nat., F[11] 378 (I). Нанси, 22 ванд. III г. Р. Н.

[18] См. Rec. des textes: Céréales, № 44, 48, 49, 54, 64. Arch. Nat., AF 70/521.

[19] Декрет 12 января 1794 г.—23 нивоза II г.

[20] См. декреты: 29 сентября 1793 г. и 16 сентября 1793 г.

на восстановление частной торговли; вообще делается ряд уступок крестьянству.

Декретом 7 жерминаля упраздняются особые комиссары по борьбе со спекуляцией, существовавшие на основании закона против скупщиков (26 июля 1793 г.); 9 жерминаля была упразднена революционная армия. 12 жерминаля Комиссия продовольствия и снабжения была заменена Комиссией торговли и снабжения и, в качестве одной из 12 комиссий, подчинена министру внутренних дел. 6 прериаля последовала отмена реквизиционных зон. Декрет 21 мессидора II г. временно освобождал жителей мелких коммун, из крестьян и рабочих, арестованных за нарушение законов о максимуме.

Падение Робеспьера повело за собой дальнейшее смягчение режима максимума. Декретом 13 термидора задача снабжения рынков снова выдвигается на первый план; система снабжения через общественные магазины признается уже нежелательной, как лишь усиливающая тревожные настроения среди населения [21].

Приказом 11 вандемьера II г. (2 октября 1793 г.) освобождались от обязанности немедленно обмолотить хлеб те из cultivateurs, которые собрали хлеба не более, чем нужно для покрытия потребностей их собственного хозяйства [22]. Таким образом, косвенным путем восстанавливалась прежняя практика оставления крестьянину при реквизициях семейного пайка. Декрет 26 фруктидора II г. (12 сентября 1794 г.) разрешил земледельцам запасаться семенами в чужих коммунах [23]. Декрет 23 брюмера разрешил делать накидку на твердые цены, имея в виду расходы при перевозке, если крестьянину приходилось везти реквизированный хлеб более чем за два лье [24].

Декрет 13 термидора не привел к восстановлению рынков [25]. Режим реквизиций, получивший особенное развитие во второй период [26], сохранил свою силу, но с наступлением термидорианской реакции сопротивление крестьянства системе твердых цен усилилось.

Декрет 19 брюмера, повышавший твердые цены на хлеб и передававший нормировку хлебных цен дистриктам, не удовлетворил «алчности» cultivateurs, которые истолковывали падение Робеспьера как конец царства максимума. За неделю до отмены твердых цен Комитет общественного спасения воспретил администрации дистриктов применение вооруженной силы при проведении реквизиций в соседних дистриктах.

---

[21] Rec. des textes: Céréales, № 77, 80.

[22] Rec. des textes: Agriculture, № 214.

[23] Rec. des textes: Céréales, № 88.

[24] Ibid., № 10.

[25] Dupéron, op. cit., p. 225 et passim.

[26] В порядке реквизиции снабжались не только армия и города; но и сельские коммуны потребляющих районов.

Независимо от того, по чьему распоряжению налагалась реквизиция (в силу ли приказа министра внутренних дел, Комиссии продовольствия, департаментских властей или депутатов в миссии, этих «les arbitres locaux des subsistances», по выражению одного исследователя [27], игравших особенно важную роль в деле снабжения армии), осуществление реквизиции возлагалось со времени декрета 14 фримера на администрацию дистриктов. Последняя разверстывала требуемый контингент хлеба или фуража между сельскими коммунами, следила за фактическим выполнением реквизиции муниципалитетами, назначая особых комиссаров для наблюдения за производством учета зерна и ссыпкой его в общественные и военные склады. Там, где комиссары по производству учета назначались по всему департаменту депутатами в миссии, по отдельным дистриктам обычно посылались лица из администрации других дистриктов [28]. Получив известное задание от дистрикта, администрация коммун, в свою очередь, производила разверстку приходившегося на ее долю зерна между крестьянами [29].

Как производилась эта продразверстка? К сожалению, в наших материалах имеются на этот счет указания лишь самого общего свойства. Мы узнаем например, что муниципальные власти должны были выполнять задание дистрикта, «распределяя установленный контингент между отдельными сельчанами сообразно их достатку» («en faire éxécuter . . . ces répartitions par une subdivision relative aux richesses des individus» или «пропорционально количеству хлеба, которым располагал каждый крестьянин» (dans la proportion des quantités qui sont en possession de chacun), или «пропорционально собранному им урожаю». Иногда в расчет принималось количество имевшегося у крестьянина упряжного скота (напр. 1 квинтал с каждого плуга), иногда при выполнении реквизиции рекомендовалось учитывать два момента: размер запашки и количество имеющихся у земледельца запасов (dans les proportions de la culture des terres et des possibilités), с тем, «чтобы каждый собственник или фермер доставил достаточное, но не чрезмерное количество зерна» (afin que . . . fournisse assez et pas trop) [30].

Но все это—самые общие принципы, в которые не могло не вкладываться весьма различное содержание, в зависимости от классового

---

[27] Ant. Richard, Le gouvernement révolutionnaire dans les Basses Pyrénées, p. 102.

[28] См. общую инструкцию по проведению «un nivellement général des subsistances» в департаменте Meurthe, изданную депутатом в миссии (Arch. Nat., F[11] 378).

[29] Наложение реквизиций на отдельных крестьян комиссарами дистрикта (réduisition individuelle) практиковалось редко. (см. напр. Arch. Nat., AF[11] 141 A/1108.

[30] Arch. Nat., AF[11]138/1081. Прокламация депутата Гарнье, состоявшего в миссии при департаментах Orne, Sarthe et Mayenne (от 19 нивоза II г.) ibid F[11]388 (дистрикт Chaumont dép. Oise, Rec. des textes: Céréales, № 77, art. 2 Arch. Nat., F[11] — 138/1076—приказ народного представителя, находившегося в миссии при альпийской армии (от 2 мессидора II г.).

состава деревенских муниципалитетов, которые несли коллективную ответственность за своевременное и исправное выполнение реквизиций, имели право проверять правильность заявок крестьян путем производства обысков, освобождать отдельных cultivateurs от поставки хлеба или фуража и т. п.

Между зажиточной и середняцкой частью деревни на этой почве не могла не возникать острая борьба. Отголоски этой борьбы слышатся, например, в протоколе заседания Генерального совета дистрикта Bergues (Северный департамент) от 29 прериаля II г. (17 июня 1794 г.). «Существуют еще люди,—говорил один из ораторов о членах деревенских муниципалитетов,—которые, желая порадеть своим согражданам,—либо в целях обеспечения за собою занимаемых ими административных должностей, либо в расчете на то, что в другое время пощадят их самих,—ограничиваются простым получением заявок (деклараций), ложность которых изобличает эгоизм или опасения их авторов, вместо того, чтобы производить обыски или выяснять результаты» [31].

Но чем больше хлеба удавалось скрыть кулаку, тем тяжелее оказывалась повинность, падавшая на его менее зажиточных односельчан. Лефевр утверждает, что во многих деревнях Северного департамента в III году «les gros cultivateurs», которые обычно заседали в муниципалитетах, перелагали бремя реквизиций на «petits cultivateurs». Последние жаловались на эту неравномерность в разверстке администраторам дистрикта. В плювиозе III г. коммуна Гондшоот (дистрикт Bergues) не только отказалась выполнить наложенную на нее реквизицию, но и распределила присланный на постой гарнизон среди беспосевных (!) крестьян [32].

Правда, оба последние сообщения относятся ко времени, когда твердые цены были уже отменены, а сохранилась лишь практика реквизиций для нужд армии, когда, с другой стороны, термидорианская реакция поощряла наглость кулацких муниципалитетов; но отсюда вовсе не следует, что подобные или аналогичные случаи не имели места в эпоху существования максимума или что они ограничивались лишь пределами Северного департамента, где диференциация крестьянства наблюдалась в более сильной степени, чем в других местах. Скудность наших сведений о классовой борьбе, которая развертывалась на селе в связи с выполнением реквизиций, объясняется тем, что власти дистриктов менее всего ею интересовались: для них был прежде всего важен самый факт выполнения или невыполнения соответствующего задания коммуной в целом.

---

[31] Lefebvre, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues pendant la révolution, t. II, p. 502 (№ 716).

[32] Lefebvre, op. cit., Introduction, p. LXII, ibid, № 1146.

Под этим углом зрения шла и вся административная переписка [33], почти не выявлявшая случаев невыполнения реквизиций отдельными крестьянами.

Все же в нашем распоряжении имеется некоторый (правда, весьма скудный) материал, позволяющий утверждать, что как раз крестьяне, имевшие наибольшие хлебные излишки, а потому всегда наиболее заинтересованные в невыполнении положенной на коммуну реквизиции, преимущественно срывали продовольственную политику Конвента.

Среди многочисленных случаев индивидуального и коллективного сопротивления продовольственным мероприятиям Конвента [34] можно выделить несколько примеров, когда наиболее упорными саботажниками при выполнении реквизиций или проведении принудительного обмолота, наиболее злостными укрывателями хлеба и нарушителями законов о максимуме или, наконец, наиболее ярыми противниками декрета о хозяйственной помощи безлошадным при засеве являлись именно крупные собственники и зажиточное крестьянство (gros cultivateurs, laboureurs).

Летом 1794 г. Наблюдательный комитет коммуны Buxereilles (дистрикт Шомон) ходатайствовал перед дистриктом о заключении в местную тюрьму некоего Claude Voillemen, владельца tisses en froment, orge, avoine et foin и притом члена Наблюдательного комитета, упорно отказывавшегося от выполнения каких бы то ни было реквизиций для снабжения армии или рынков в Шомоне [35]. Другой крестьянин-богатей, некто Brugnon, фермер из Vaucienne (дискрикт Epernay, департамент Марны), получив от дистрикта приказ доставить на рынок в Эпернэ сорок буассо зерна, ответил отказом. Когда же местная администрация распорядилась принудительно обмолотить эти сорок буассо у него в риге, Брюньон оповестил женщин соседней деревни Damery, что он готов продать хлеб ниже максимума; сбежавшиеся женщины быстро расхватали хлеб, так что для рынка ничего не осталось. Администрация посылала к нему жандармов, но упрямый кулак ответил, что он—хозяин своего хлеба. Выведенные из терпения местные власти распорядились конфисковать у него весь хлеб, тем более что Бриньон был арендатором эмигранта. Однако, директория департамента отменила это постановление. Пришлось вмешаться местному республиканскому обществу, которое довело дело до Конвента [36].

---

[33] В постановлениях отдельных коммун встречаются образчики разверстки известного задания между отдельными крестьянами, но нет никаких указаний на то, почему NN должен доставить столько-то фунтов зерна и т. п. См., напр. постановление коммуны Mardyck (дистрикт Bergues) от 24 вандемьера III г. (Lefebvre, op. cit., I, 566 (№ 850).

[34] Кстати сказать, это сопротивление носило далеко не столь невинный характер, как это рисуется Матьезу (см. «Борьба с дороговизной..., с. 431-3).

[35] Lorain, Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont de 1788 â l'an V, № 1631. t. II, p. 159—160.

[36] Arch. Nat., F[12]—1546[B].

В коммуне Coupray (дистрикт Шомон) имел место случай злостного сокрытия и порчи хлеба. Жена одного местного чиновника несколько раз отказывалась подчиниться реквизиции для нужд армии; затем доставила зерно в грязном мешке, так что оно оказалось испорченным. Наконец, однажды принесла свой «контингент» в пять часов вечера, когда его не могли взвесить за отсутствием света (дело было в нивозе). Когда все это было поставлено на вид ее мужу, только что перед тем отказавшемуся дать подводу для доставки припасов для армии, он ответил, что «ему в высокой степени наплевать» на Наблюдательный комитет, и позволил себе ряд ругательств [37].

Не менее ярко выступает психология крепкого крестьянина-собственника в деле некоего laboureur'а Леклерка-младшего из деревни Soncourt (того же дистрикта) [38]. Будучи вызван в Наблюдательный комитет по обвинению в нарушении закона о максимуме (употребление неправильных мер), этот «хлебопашец заявил, что законы вообще не исполняются, а он лично менее всего с ними церемонится (qu'il s'embrasse fort peu d'elles), что он желает быть хозяином своего товара. На вопрос председателя комитета: «А вы не боитесь, что ваше зерно может быть конфисковано?», Леклерк ответил, «что в полночь легко перевезти зерно в ригу, что в текущем сентябре таким путем из коммуны ушло более ста бише [39]; что же касается цены, то тот, кто недоволен его товаром, пусть не берет; что если уж на то пошло, то пусть подыхают с голода, а он не продаст больше никому» [40].

В прокламации от 2 брюмера II г. («Ко всем собственникам зерна и муки») министр внутренних дел Паре не находит слов негодования против тех «жадных собственников», которые на виду у своих сограждан, вынужденных питаться овсом, предпочитают стравливать рожь своим лошадям, лишь бы не продавать ее по твердым ценам [41].

В приказе депутата, посланного в департамент Нижней Сены (от 8 сентября 1793 г.), говорится о необходимости «уничтожить губительный для свободы комплот, составленный богатыми собственниками-земледельцами и их арендаторами» в целях довести народ до отчаяния голодом [42].

---

[37] Lorain, op. cit., t. II, 169–170 (№ 1660). См. еще весьма красочное дело злостной недоимщицы, некоей вдовы Lefranc из коммуны Gravelines (дистрикт Берг), которая, имея весьма внушительные запасы хлеба, упорно не желала его обмолачивать. Хлеб съели в конце концов черви (Lefebvre, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le district de Bergues, № 1011, 1015. (II, 27, 28–30).

[38] Дело относится к началу ноября 1793 г.

[39] Bichet—старинная мера емкости, составлявшая по отдельным провинциям от $^1/_5$ до $^2/_5$ гектолитра.

[40] Lorain, op. cit., t. II, № 2182, p. 321.

[41] Arch. Nat., F[7] 3688.

[42] Arch. Nat., AF[II], 141A/1108.

В департаменте Дубс именно богатые собственники распускали по деревням тревожные слухи, стараясь сорвать предписанную законом организацию государственных зернохранилищ по кантонам [43].

Трудно выделить степень активности сельской буржуазии в тех довольно многочисленных случаях, когда целая деревня оказывала активное сопротивление реквизициям. Очень возможно, что в решительный момент столкновения с властями кулаки предпочитали оставаться в тени, предоставляя действовать рядовому крестьянину, ими же подбитому на выступление.

Но местами кулак оказывал бешеное сопротивление. В этом отношении очень любопытно дело о вооруженном сопротивлении на ферме Loges, приведенное у Дюперона [44]. Ферма Лож являлась настоящим контрреволюционным кулацким гнездом. Принадлежала она весьма зажиточному семейству Шаперон [45]. Ее обитатели—старик отец, трое сыновей, взрослая дочь и работница—питали непримиримую ненависть к революции. Игнорируя революционный культ, семья совершала у себя дома богослужение. Ферма служила конспиративной квартирой для разного рода заговорщиков. Когда в флореале II г. на коммуну Vauders, к которой принадлежала ферма, наложили реквизицию, семья Шаперон упорно отказывалась доставить причитавшуюся с них часть хлеба, хотя и имела значительные запасы. Подозревая, что упорство Шаперонов поощряется местными властями, администрация дискрикта (Mont—Armance) отрешила их от должности, но это не помогло делу. Когда на ферму Лож явились посланные дискриктом комиссары для производства учета зерна, ее владельцы не только не позволили произвести учет, но и разразились по адресу комиссаров оскорблениями и угрозами. Посланная по распоряжению депутата в миссии Мора вооруженная сила (из 13 человек) оказалась бессильной проникнуть на ферму, так как Шапероны успели запастись оружием, порохом и превратить свое жилище в настоящую маленькую крепость и встретили отряд ружейным огнем. Пришлось мобилизовать 300 национальных гвардейцев, дать им две пушки и начать форменную осаду фермы. Осажденные продолжали отчаянно сопротивляться, убили 5 и ранили 26 человек. Национальной гвардии не оставалось ничего другого, как поджечь ферму.

Трое из ее защитников (братья Шаперон) погибли в огне. Отец, дочь и работница были захвачены живыми и преданы суду Революционного трибунала. Двое первых были казнены.

---

[43] Матьез, Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора, с. 347—348.

[44] Dupéron, La question du pain dans l'Yonne, p. 153—161.

[45] Из показаний на суде, данных работницей, узнаем, что усадьба Шаперонов состояла из «обширных солидно сложенных построек». По ее же указанию в саду нашли зарытыми в яме тонну зерна и тонну муки.

Однако очень часто сопротивление реквизициям, исходившее от зажиточной верхушки деревни, находило поддержку не только у крестьян-середняков [46], но и у деревенской бедноты, покупавшей хлеб у своих зажиточных соседей, а потому относившейся враждебно ко всякому вывозу хлеба из пределов коммуны [47]. В этих случаях властям дистрикта и депутатам в миссии приходилось иметь дело с единым контрреволюционным фронтом всего сельского населения [48].

Но, если эти, так сказать, «внешние» реквизиции (в пользу армии или других департаментов и коммун) иногда сплачивали вокруг сельской буржуазии все слои деревни до беспосевной бедноты включительно и таким образом способствовали затушевыванию классовых противоречий, то практика реквизиций, так сказать, «внутренних»—в пользу безземельных членов коммуны—неизбежно приводила к резкому столкновению классовых интересов, причем в одном лагере оказывалось все самостоятельное крестьянство (как кулаки, так и середняки), в другом—деревенская беднота, все «non récoltants»: menagers, manouvriers, artisans, «citoyens sans profession» и т. д.

С обострением продовольственного кризиса в 1793 г. вся эта многочисленная группа «беспосевных» (non récoltants), состоявшая из пролетарских и полупролетарских элементов деревни, а потому вынужденная покупать хлеб для личного потребления, попала в весьма ощутительную зависимость от зажиточного крестьянства, мельников и т. п., снабжавших ее хлебом по вздутым ценам. Особенно тяжелым было положение поденщиков и беспосевных крестьян вообще. Интересы этой потребляющей части деревни, требовавшей скорейшего установления твердых цен на хлеб и приветствовавшей издание закона о максимуме («благодетельный закон»), находились в резком противоречии не только с интересами зажиточного крестьянства, но и с интересами середняка.

---

[46] Сближение середняков с кулацкой верхушкой деревни становится особенно заметно со времени отмены семейного запаса и проведения политики «нивелировки» продовольственных запасов.

[47] См. напр. мотивировку коммуны Viteaux (департамент Ионны, дистрикт Tonnerre), отказавшейся выполнить наложенную на нее реквизицию: большая часть ее жителей—беспосевные; laboureurs, которые кормят эту обездоленную часть деревни, не знают, чем сами будут жить через 2 месяца (Ch. Porée, Les subsistances dans Yonne, p. LXVI [16]). 16 фримера III года Коммуна Corulotte (департамент Côte d'Or, дистрикт Saumur) отказалась выполнить реквизицию, ссылаясь на то, что почти половине ее жителей нечем существовать до нового урожая. Из ее петиции депутату в миссии узнаем, что мелкие крестьяне опасались, что в дальнейшем другие коммуны не пожелают их снабжать (Arch. Nat., F[11], 336).

[48] Категорическое утверждение **Фалькнера**, будто политика реквизиций **всегда** с неизбежностью создавала «единый контрнормировочный фронт» всех классов от сельской буржуазии до деревенской бедноты» («Бумажные деньги Франц. революции», с. 159),—представляется нам явным упрощением, а потому и искажением действительной картины.

Декрет 11 сентября 1793 г. предоставил manouvriers, проживавшим в деревнях, где не имелось рынков, право запасаться хлебом в своих коммунах, у местных cultivateurs или собственников зерна по бонам, выдававшимся муниципалитетами [49]. Но это еще не означало реквизиции хотя бы части хлебных запасов, имевшихся у среднего и зажиточного крестьянина, в пользу деревенской бедноты или создания для нее права преимущественной покупки. Поэтому фермер мог, не нарушая закона, отказать бедняку в продаже хлеба, который тот намеревался получить по твердой цене. В тех редчайших случаях, когда деревенским санкюлотам удавалось захватить в свои руки муниципалитет, они, подражая санкюлотам города, использовали боны на покупку хлеба у местных cultivateurs, как своего рода ордер на производство реквизиции, не стесняясь прибегать порой к домашним обыскам, чтобы выявить имевшиеся у зажиточного мужика запасы [50].

8 сентября 1793 г. Генеральный совет муниципалитета Лаферте-сюр-Об (дистрикт Шомон, департамент Верхней Марны), узнав о том, что у 30 домохозяев не имеется продовольствия, так как рынки не снабжаются, наметил 20 земледельцев, которых обязал временно доставлять зерно тем, у кого его нет. Для проведения в жизнь этого постановления был выделен специальный комиссар [51].

Но в огромном большинстве случаев положение было иное: деревенская беднота оказалась беззащитной перед лицом общего фронта всей производящей части крестьянства, предпочитавшей продавать свой хлеб горожанам или спекулянтам с нарушением закона о твердых ценах. В потребляющих районах в таком же положении могли оказаться целые коммуны [52].

«Большая часть тех, которые имеют продажное зерно,—читаем в письме муниципалитета Villers Guissin (Северный департамент) от 10 июня 1793 г.,—не желают продавать его беднякам, которые умирают с голода с деньгами в руках, не желают продавать под тем предлогом, что не могут лишиться его до ближайшего урожая [53]. О-во свободных людей в Le Régénérant жаловалось (20 вантоза II года) на «антропофагов» революции, которые «презирают благодетельный закон о максимуме, когда патриоты довольствуются полфунтом хлеба в сутки...» У этих «чудовищ» (monstres),—говорится в той же петиции,—«хватает варварства отказывать

---

[49] Rec. des textes: Céréales № 36 (sect. II, art. II).

[50] Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 628.

[51] Lorain, op. cit., t. I, p. 446, № 649; см. также ibid., № 670, 666 (июль, авг. 1793 г.).

[52] См. донесения Гривеля от 3 нивоза II г. относительно коммун в окрестностях Парижа, которые обычно мало сеяли хлеба и занимались огородничеством и виноделием, а потому покупали хлеб в городе (Rapports de Grivel et Siret, p. 91. Arch. Nat., F[11] 201).

[53] Lefebvre, Les paysans..., p. 612в.

нам в предметах первейшей необходимости, которые они продают частным лицам за 138 л., тогда как по закону мы не можем давать им более 16...» [54].

Обычно cultivateurs отказывают беднякам в продаже хлеба, ссылаясь на то, что им приходится сдавать много хлеба государству, а урожай плох; что им нехватает хлеба для собственного потребления, хотя, устанавливая определенный контингент хлеба, который должна была доставить коммуна, администрация дистрикта обычно учитывала необходимость снабжения хлебом местного потребляющего населения [55].

Если деревенский санкюлот пытался купить хлеб на городском рынке, обычно он встречал там весьма недружелюбный прием, ибо городские власти заботились прежде всего о снабжении продовольствием горожан. Нередко деревенский бедняк возвращался из города с пустыми руками. «Бедные поденщики, у которых нет иного оружия защиты, как простосердечие, встречаются насмешками, они не в силах добиться осуществления своего права и возвращаются без хлеба», читаем в одной петиции из дистрикта Дуэ [56].

В октябре—ноябре 1793 г. во многих деревнях Лилльского дистрикта (Северный департамент) и окрестностей Дуэ бедняки доставали продовольствие с большим трудом, на фермах выстраивались целые хвосты [57].

С переходом на систему снабжения через государственные магазины беспосевное население деревенских коммун должно было перейти всецело на снабжение за счет хлебных запасов, реквизированных у их же односельчан, что только усилило борьбу между деревенской беднотой, с одной стороны, и зажиточным и средним крестьянством—с другой.

Приведем один—два примера разверстки в пользу маломощных крестьян, произведенной среди их зажиточных односельчан. «Дистрикт Шомон, коммуна Dinteville, 8 июня 1794 г. После перевода жителей на норму 51,5 л. (до урожая) требовалось на 339 жителей 17 458 л. муки; имелось в наличии 10 826; дефицит—6 632 л. Коммуна обращается за помощью в дистрикт, но в виде временной меры Генеральный совет постановляет, чтобы те семьи, у которых имеется более 51,5 л. на душу, внесли излишки в мэрию для распределения среди более нуждающихся» [58]. В прериале II г. (июнь 1794 г.) 5 женщин явились к национальному агенту коммуны Andelot (дистрикт Шомон, департамент Верхней Марны) требовать у него зерна или муки, ссылаясь на то, что «завтра им нечего будет есть». Агент отослал их по домам, затем, удостоверившись в правильности заявления, экстренно созвал муниципальный совет, который особым приказом «возложил на нескольких лиц обязанность немедленно снабдить просительниц

[54] Arch. Nat., F[11], 1176в.
[55] Lorain, op. cit., t. II, p. 189.
[56] Lefebvre, Les paysans..., p. 628.
[57] Ibid., 629.
[58] Lorain, op. cit., t. II, 202, № 1769.

зерном или мукой, а также выделил одного из членов президиума для наблюдения за выполнением этой реквизиции» [58a].

Нередко фермеры отказывались отпускать хлеб беспосевным под предлогом, что они они еще не молотили, или что им нехватает самим. Когда в июне 1794 г. власти дистрикта Берг включили в контингент хлеба, который должны были доставить местные крестьяне, известную долю для снабжения беспосевных, деревенским муниципалитетам дистрикта пришлось вести сильнейшую борьбу с cultivateurs, чтобы «вырвать у них зерно, необходимое для прокормления поденщиков, ремесленников и рантье; некоторые cultivateurs отказывались снабжать этих non récoltants» [59]. А вот пример столкновений, возникавших на этой почве: «Дистрикт Шомон (департамент Верхней Марны). Гр-н М., селитровар по своим занятиям, явился к мэру, прося 1 *кг* хлеба; тот справился с учетной ведомостью и выдал ему наряд на 1 *кг* на гр-на Д., у которого имелось 4 *кг* излишков. Но Д. отказался доставить свое зерно. Национальному агенту, который настаивал на исполнении закона, он ответил, что его зерно на мельнице и что он его не даст. При повторном требовании его поддерживала жена. Национальный агент пригрозил, что пойдет жаловаться в Шомон и заставит отпустить хлеб. Тогда жена сказала: «Ступай, коли хочешь, а мне на тебя наплевать; если ты туда пойдешь, я может быть попаду туда раньше тебя и ославлю, как un bon diable» [60].

Декрет 13 термидора, означавший возврат к системе снабжения через рынки и разрешавший при том запасаться продовольствием не более, чем на декаду, вызвал новое недовольство среди деревенской бедноты, о чем свидетельствует ряд донесений национальных агентов дистриктов. «Бедняку,—читаем, например, в донесении из дистрикта Aurillac (департамент Cantal),—придется ходить за 3—4 лье в поисках продовольствия, которое он мог бы найти без всякого ущерба у своего соседа; что тот же житель деревни, который предоставляет свою работу в помощь земледельцу (cultivateur), будет снабжаться через рынки только после того, как запасется продовольствием множество бесполезных лиц из административных центров».

«Что делать поденщику (manouvrier),—пишет народное общество в Cremière (департамент Ysère, от 2 фрюктидора II г, —который за недостатком дров ждет случая испечь хлеб вместе с соседом, который, будучи cultivateur, печет однако раз в 2 или 3 недели? К тому же мельницы, за недостатком воды, работают нерегулярно». В мемуаре от 3 фрюктидора II г., представленном в Комитет общественного спасения из дистрикта Is-sur-Tulle неким Dubernard, читаем: «Многие потребители горько жалуются

[58a] L o r a i n, op. cit., t. II, p. 55, № 1303. Примеры разверстки реквизиций среди беспосевных жителей коммун см. у L e f e b v r e, Documents relatifs à l'histoire des subsistances dans le distr. de Bergues, II, 35 (№№ 1029, 1030).

[59] L e f e b v r e, op. cit., №№ 856[4], 1031.

[60] L o r a i n, op. cit., № 1553 (II, 138).

на то, что когда они являются на рынки, чтобы купить зерно, их с жестокостью отсылают обратно, рекомендуя им поискать хлеба в их коммунах» [61].

С другой стороны, с изданием декрета от 13 термидора у деревенских муниципалитетов снова явилось искушение свалить с себя обязанность снабжать хлебом свою бедноту. Из прокламации национального агента дистрикта Tulle (от 25 фрюктидора II г.) узнаем, что местами находившиеся под влиянием крупных собственников муниципальные власти не давали бедняку возможности приобрести хлеб у зажиточного соседа под тем предлогом, что продажа вне рынка воспрещена законом, а в то же время ничего не делали, чтобы обеспечить снабжение рынков, куда они отсылали бедняков с хлебными бонами... Таким образом, деревенская беднота попала в полную зависимость от деревенских муниципалитетов и разных «les gros». Бывали случаи настоящего издевательства со стороны местных властей, направлявших беспосевных с бонами муниципалитетов туда, где заведомо не было хлеба. «А те ходили понапрасну из коммуны в коммуну» [62].

1 фримера III г. (21 ноября 1794 г.) в заседании дистрикта Carpentras (департамент Vaucluse) выяснилось, что окрестные крестьяне, являясь на местный рынок с бонами на получение хлеба, выданными их муниципалитетами, конкурируют с местными жителями. Дистрикт, учитывая, что коммуны не всегда в состоянии снабжать продовольствием своих рабочих (на основании закона 11 сентября 1793),— «так как собственники зерна уверяют, что у них есть запас, достаточный лишь для собственного потребления»,—постановил, что жители деревенских коммун, вернувшие муниципалитетам боны из-за невозможности реализовать их на городском рынке, должны быть обеспечены хлебом на 1 декаду за счет собственников, которые не выполнили своего наряда по снабжению рынков. Если таковых не окажется, то реквизиция в пользу бедноты должна быть произведена «у собственников, у которых окажутся излишки за вычетом хлеба, необходимого для их собственного потребления до ближайшей жатвы». Наконец, в крайнем случае зерно должны доставить наиболее зажиточные граждане, у которых имеются наибольшие запасы (les citoyens les mieux approvisionnés). Таким образом, власти дистрикта устанавливали нажим на наиболее состоятельных граждан. В целях выяснения имеющихся излишков должны быть произведены тщательные обыски. О беспосевных или малопосевных гражданах, у которых найдут зерно в количестве, превышающем месячную потребность, должно быть сообщено Революционному комитету, как о «подозрительных». Однако выполнение распоряжения дистрикта натолкнулось на упорное сопротивление «подлых эгоистов»

---

[61] Arch. Nat., F[11], № 278a, 336.

[62] Arch. Nat., F[11], 333. (Extrait du registre des délibérations du district de Tulle. Séance de 25 fruct., an II).

(vils égoistes), которые, не довольствуясь объявленным Конвентом повышением твердых цен [63], не желали сдавать излишков, предоставляя своим малосостоятельным братьям (hommes de médiocre fortune) погибать от истощения». Дистрикт снова обращается к коммунам, предлагая еще раз нажать на таких «cultivateurs-propriétaires» [64].

IV

Степень успешности проведения продовольственной политики муниципалитетами зависела от их классового состава. Как правило, деревенские муниципалитеты были в руках среднего и зажиточного, уже ставшего контрреволюционным, крестьянства [65]. Деревенская беднота (ménagers, manouvriers) была мало интеллигентна и слишком неорганизована, чтобы забрать в свои руки муниципалитеты, а также наблюдательные комитеты и народные общества—даже там, где они составляли большинство жителей коммуны [66]. При таких условиях проведение реквизиций и наблюдение за исполнением закона о твердых ценах вообще не могло быть на должной высоте.

Ру-Фазильяк, эмиссар Конвента в Таранте, получив закон 11 сентября 1793 г., имел все основания писать: «Раз все должностные лица в деревне являются землевладельцами и имеют зерно для продажи, можно ли надеяться на них, как на исполнителей закона, который значительно сокращает прибыль, ожидаемую ими от этой продажи? Можно ли надеяться на вооруженную силу при проведении этого закона в деревнях?» [67]. Действительно, едва ли можно было рассчитывать на исполнение закона там, где в качестве муниципальных чиновников сидели представители зажиточного крестьянства, сами нарушавшие максимум, а потому не могущие преследовать других за его нарушение, не проявлявшие никакой энергии по части обнаружения хлебных излишков, саботировавшие проведение реквизиций или попустительствовавшие сопротивлению реквизициям со стороны своих односельчан.

Соучастие муниципалитетов в нарушении максимума было констатировано в циркуляре комиссии продовольствия и снабжения от 25 сентября 1794 г. (8 вандемьера II г.): «Нам известно,—читаем мы в циркуляре,—что происходит масса злоупотреблений с продажей зерна..., что вопреки закону, потребители запасаются непосредственно у земле-

---

[63] Имеется в виду закон 19 брюмера III г.

[64] Arch. Nat., F[11], 411.

[65] По департаменту Aude мы располагаем данными о социальном составе деревенских муниципалитетов в 42 коммунах после назначения муниципальных чиновников депутатом в миссии. Всюду в качестве членов муниципалитетов фигурируют cultivateurs, редко мелькнет какой-нибудь ремесленник, секретарь суда (greffier), нотариус, торговец (Arch. Nat).

[66] Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 840. Dommanget, Les grèves de moissonneurs du Valois (Ann. Hist. 1924, p. 530).

[67] Матьез, Борьба с дороговизной, 290.

дельцев (cultivateurs), при том покупают сверх предписанной нормы, и что даже некоторые муниципалитеты, вместо того, чтобы со всей бдительностью следить за подобными непорядками, напротив, повидимому, покрывают их, чрезвычайно легко выдавая разрешения на провоз зерна (acquit à caution)» [68]. В начале мессидора II г. национальный агент дистрикта Auxerre обрушивается на муниципальные власти, упрекая их в соучастии с нарушителями максимума. «Представьте мое огорчение, когда я узнаю, что нарушения закона растут угрожающе на ваших же глазах. Благодаря своей преступной беззаботности вы первые являетесь соучастниками» [69].

Один деревенский муниципальный чиновник из кантона Attigny (департамент Ardennes) пишет (от вандемьера II г.), жалуясь на засилье кулаков в муниципалитетах: «Землепашцы и собственники зерна устанавливают на него столь высокие цены, что бедняк не может к нему подступиться... Он не получает поддержки со стороны ни одного должностного лица, которыми обычно являются богатые или зажиточные (riches ou aisés) молодые люди. Все муниципальные власти являются первыми нарушителями ваших мудрых законов, они-то и вздувают втрое против нормы цены на свои продукты, поощряют всякого рода скупщиков; их единственный закон—жадность и бесчеловечность...» [70].

Администрация дистрикта Arignon (департамент Vaucluse) сообщала (от 2 нивоза II г.): «Много злоупотреблений совершается при продаже зерна... Различные потребители позволяют себе запасаться продовольствием непосредственно у cultivateurs сверх законом установленной нормы. Муниципалитеты... повидимому покрывают эти нарушения закона, слишком легко выдавая разрешения на вывоз. Благодаря этому, продовольствие скопляется в руках небольшого числа эгоистов..., а рынки не снабжаются. Малосостоятельные граждане с трудом достают себе продовольствие, а жадный собственник при таких обстоятельствах находит случай нарушать закон о максимуме» [71].

Наблюдательный комитет кантона Mainneville (департамент Eure) подал министру юстиции жалобу на фермера Amory, прокурора коммуны Soncourt, обвиняя его в сокрытии предметов первой необходимости, невывозе хлеба на рынок и продаже его у себя на дому с превышением максимума. Наблюдательный комитет требовал его смещения [72]. «Декрет 8 мессидора (об учете урожая и принудительном обмолоте),—говорил 25 фрюктидора II г. национальный агент дистрикта Tulle,—не выполняется; до сих пор учет произвели всего 14 коммун... Крупнейшие (les

[68] Rec. des textes: Céréales, № 91 (p. 114).
[69] Dupéron, La question du pain dans l'Yonne, p. 136.
[70] Arch. Nat., F[10], 233.
[71] Ibid., F[11] 411.
[72] Ibid., F[11], 213.

plus gros) собственники стоят во главе муниципалитетов; их эгоизм заглушил голос долга. В других коммунах (где у власти стоят санкюлоты) богачи издеваются над санкюлотами, которые напоминают им об обязанности подать декларацию. Эти санкюлоты мало сознают достоинство народа, который облек их своим доверием; они еще склоняются перед идолом богатства...» Между тем излишки зерна распродаются собственниками по невероятным ценам; так обогащаются они на нужде своих братьев. Строжайшие меры необходимы прежде всего в отношении местной администрации: допускаемую ею волокиту богатые эгоисты используют, чтобы припрятывать или продавать зерно еще до производства учета [73]. О поощрении некоторыми муниципальными властями заведомо ложных деклараций, подававшихся крестьянами, уже говорилось [74].

Деятельность кулацких муниципалитетов местами разоблачали местные народные общества, если деревенские санкюлоты были в них достаточно влиятельны [75]. Но в целом ряде случаев кулацкие муниципалитеты могли безнаказанно вести свою линию, пользуясь поддержкой именно народных обществ, которые также были в руках зажиточного крестьянства [76]. Получилась своего рода круговая порука, бороться с нарушителями закона становилось невозможно.

В вандемьере II г. был сделан донос на муниципалитет коммуны Nonancourt (департамент Эр, дистрикт Verneuil). Муниципалитет, состоявший из богатых людей, обвинялся в том, что не исполнял своих обязанностей с достаточным усердием, что не опубликовывал закона о максимуме и не вывесил таблицы твердых цен на предметы первой необходимости. Однако, местное народное общество объявило этот донос злостной клеветой и одобрило усердную деятельность муниципальных властей. Администрация дистрикта расследовала дело и тоже реабилитировала муниципалитет.

Тем не менее, есть все основания полагать, что в коммуне далеко не все было благополучно. Из того же доноса (не анонимного, кстати сказать, автор его некий Mallais) узнаем, что муниципалитет третировал патриотов, как «подозрительных»; что в коммуне имелся клуб, но в нем только читали газеты; имелся Наблюдательный комитет, но он смотрел лишь за нравственностью обывателей. Автор доноса рекомендует послать

---

[73] Arch. Nat., F[11] 333.

[74] Lefebvre, Subsistances dans le district de Bergues..., № 1465 (II, 494).

[75] См. напр. письмо санкюлотов из Chiron—Gardais (департамент Эр и Луары) в Центральное о-во якобинцев, разоблачающее махинации богатых собственников и бывших людей, обративших в пастбище большую часть арендуемых ими бывших церковных земель, чтобы не платить аренду натурой (Arch. Nat., F[11], 213).

[76] «Народные общества,—читаем в донесении Siret (от 26 нивоза II г.),—которые сами состояли из propriétaires-cultivateurs (крестьян-собственников), фермеров и других лиц, заинтересованных в обходе закона о максимуме, держат в таком зажиме местные власти, что эти последние... вынуждены закрывать глаза на нарушения закона, который задевает интересы продавцов» (Rapports de Grivel et Siret, p. 120).

в коммуну гражданина с достаточными полномочиями, чтобы основать новый клуб, раскассировать кулацкий муниципалитет и составить его из санкюлотов. В заключение предлагается назначить в каждой коммуне по специальному комиссару, который под страхом смертной казни должен следить за «пунктуальным» исполнением законов. Такие комиссары должны получать небольшое содержание, достаточное для поддержания жизни и исполнения их обязанностей. Но эти комиссары должны быть взяты из среды деревенской бедноты (dans la classe indigeante) [77]. Здесь мы имеем дело уже с проектом установления своего рода диктатуры санкюлотов в деревне для реализации продовольственной политики.

В другом случае [78] народное общество повидимому прикрывало своим авторитетом действия муниципальных властей, потворствовавших нарушению максимума.

Часто наблюдавшуюся смычку между кулацкими муниципалитетами и местными народными обществами отметил и Siret. Такая смычка устанавливалась тем легче, что часто одни и те же лица заполняли и муниципалитет, и местное народное общество, и Наблюдательный комитет. «Если взять напр. коммуну Vitri,—говорит он в донесении от 14 плювиоза II г.,— произвести точный подсчет лиц, входящих в комитет, органы самоуправления и народные общества, останется не более $^{1}/_{8}$ всего населения. Значит, $^{7}/_{8}$, имея общий интерес, позаботятся о том, чтобы обезвредить (rendre inutile) всякого, кто заденет их алчность. Один из местных жителей, которому я высказал эти соображения, ответил на мой вопрос: «Я поступаю так, как все; если меня гильотинируют, придется гильотинировать и Наблюдательный комитет, и муниципалитет, и народное общество, так как все они делают то же самое» [79].

V

Классовая борьба шла и вокруг применения закона о засеве и уборке полей защитников отечества и маломощных крестьян вообще. Декрет 16 сентября 1793 г. обязывал муниципалитеты произвести учет земель, которые остались необработанными за уходом их владельцев в армию (в силу закона 25 августа о массовом наборе), а также наметить из числа жителей коммуны собственников и фермеров для обработки таких земель; при этом должна была учитываться способность отдельных крестьян справиться с этой работой («сообразно их средствам и возможностям»). Очевидно, эта повинность должна быть пасть на наиболее зажиточное

---

[77] Arch. Nat., F[10] 233.

[78] Коммуна Bonnetable, департамент Sarthe, дистрикт Fert-Bernard (заседание 22 термидора II г., Arch. Nat., F[12], 1547[d]). См. также Arch. Nat., AF[11], 70/519.

[79] Rapport de Grivel et Siret, p. 154-155. (Bulletin trimestriel, Année 1907).

крестьянство. В то же время, имея в виду интересы наиболее нуждающихся «защитников отечества», декрет предписывает в первую голову начать обработку полей наименее состоятельных граждан (des citoyens les moins aisés). Но этого мало: ст. 6 декрета предусматривала обязанность «собственников, фермеров и других cultivateurs, после того как они закончат обработку своих полей, вспахать и засеять поля их безлошадных односельчан» (des particuliers qui n'auront point de chevaux, de mulets, de boeufs); опять таки начиная с полей наименее обеспеченных (des moins fortunés). За отказ обрабатывать поля маломощных крестьян декрет грозил штрафом в 500 л., причем штраф должен был итти в пользу владельца невозделанного участка. В случае недостатка рабочих рук laboureurs получают в свое распоряжение поденщиков (journaliers-manouvriers), которых им доставляет коммуна при условии оплаты их обычной ставкой.

Согласно закону 16 сентября [80] 1793 г., департаментские власти Ионны издали приказ, по которому ответственность за своевременный и достаточный засев полей возлагалась на генеральные советы коммун. Cultivateurs должны были засеять все земли, распределенные между ними специально назначенными для этой цели комиссарами. В случае отказа такие земледельцы объявлялись «подозрительными» и немедленно арестовывались, засев же полей производился за их счет средствами муниципалитета [81].

Декрет 23 нивоза II г. (12 января 1794) обеспечивал за всяким земледельцем, который вызовется вспахать и засеять участок, заброшенный в результате военного опустошения, право на получение с собственника или арендатора заброшенной земли $^2/_3$ урожая, не считая семян; если за месяц до жатвы собственник не заявит своих прав, весь урожай переходит в распоряжение того, кто обработал и засеял заброшенный участок [82].

Как видно из административной переписки, администрация дистриктов старалась повидимому обеспечить проведение этого важного постановления в жизнь. В циркуляре национального агента дистрикта Dax (департамент Landes) к национальным агентам при муниципалитетах (27 октября 1793 г.) читаем: «Земли, которые остаются незасеянными вследствие ухода в армию их владельцев или по другим причинам, должны быть предметом вашего особого внимания. После выяснения коммунами положения таких земель вы должны выделить граждан из своей коммуны, на которых и возложить обязанность их возделывать. Если имеются земли, совершенно заброшенные собственниками, фермерами или земледельцами, и если эти последние не имеют инвентаря и семян, в распоря-

---

[80] Rec. des textes: Agriculture, 78.
[81] Porée, Les subsistances dans l'Yonne, ch. IV, p. XXXVIII—XXXIX.
[82] Rec. des textes: Agriculture, № 106. p. 320.

жение властей будут переданы специальные суммы, необходимые для погашения издержек (pour l'acquit de ces frais» [83].

А вот несколько примеров, как исполнение декрета проводилось до села. Муниципалитет коммуны Nogent (дистрикт Шомон) возложил обязанность обработки заброшенных полей на одного laboureur.

«На первый раз дело шло о бедной вдове, которая не смогла уговорить ни одного землероба обработать ее поле; во втором случае—об одном гражданине, находившемся в том же положении» [84].

В том же дистрикте по просьбе жены одного волонтера муниципалитет возложил на двух cultivateurs обязанность обработать ее участок. В одной из коммун муниципальные власти наложили на трех cultivateurs двухдневную повинность для вспашки и засева участка одного крестьянина, который сам был мобилизован по выполнению гужевой повинности [85].

Но эти единичные факты, разумеется, еще ничего не говорят, в какой мере декрет об обработке заброшенных земель проводился в жизнь и оказал ли он действительную помощь деревенской бедноте. Официальные донесения местных властей как будто дают на это утвердительный ответ. Так например большинство национальных агентов дистрикта Revel (департамент Верхней Гаронны) сообщали, что земли защитников отечества арендованы и находятся под обработкой, или поля обрабатываются и убираются родителями солдат. Другие вообще не допускают мысли, что братья республиканцев откажут в хозяйственной помощи тем, кто проливает кровь за отечество [86]. Аналогичное сообщение мы имеем из кантона Luneville департамента Meurte et Moselle, хотя здесь не все еше коммуны дали соответствующие сведения [87]. Национальный агент одной коммуны из дистрикта Dax (департамент Landes) сообщает в Комитет земледелия и ремесел (от 23 термидора II г.), что он усердно выполнял законы 16 сентября и 23 нивоза, что дало полный эффект (qui ont reçu leur entier effet). «Я приложил усилия к тому,—пишет он,—чтобы отцы, матери, старики, которые не могут управиться сами, получали существенную помощь в отношении обработки полей и снятия жатвы» [88].

Национальный агент дистрикта Monflanquin (департамент Lot et Garonne) сообщает: «Земля одного защитника отечества была засеяна

---

[83] Arch. Nat., F[10], p. 448. См. аналогичный циркуляр администрации дистрикта Riom (департамента Puy-de-Dôme), предписывающий муниципальным властям немедленно объявить под реквизицией граждан, которые уже закончили свои полевые работы в целях обработки полей тех владельцев, где нехватает рабочих рук. «Горе эгоисту, горе недостойному гражданину, который осмелится отказаться или который без достаточных оснований ограничится отговорками (ibid.)».

[84] L o r a i n, op. cit., II, 169, № 1459.

[85] Ibid., № 1908, p. 244, 1395, p. 64.

[86] Arch. Nat., F[10], p. 448.

[87] Ibid.

[88] Ibid.

заботами муниципалитета... земли семи других сданы муниципалитетами в аренду или обрабатываются родителями призванных на военную службу» [89]. 23 термидора II г. национальный агент дистрикта Saint-Brieuc (департамент Côtes du Nord) сообщал, что «чувство братства, издавна объединяющее жителей деревень, естественно привело их, как и в прошлом, к взаимному действию в их работах. Cultivateur, у которого нет ни лошадей, ни плуга, пользуется плугом соседа, как будто он его собственный, потому что в виде компенсации он работает на полях своего соседа, как на своих собственных» [90].

Особенную заботливость о судьбе хозяйств солдат-бедняков проявила администрация дистрикта Cluses (департамент Haute Savoie), рекомендуя муниципалитетам организовать нечто вроде воскресников для обработки земель бедноты. «Принимая во внимание,—читаем в циркуляре дистрикта,—что большая часть этих земель принадлежит малосостоятельным (peu aisés) гражданам, муниципалитеты окажут большую услугу отечеству, если обработка этих земель будет проведена братским, гражданским способом, с возможно наименьшими, действительно необходимыми издержками для означенных собственников, особенно тех, чьи земли брошены на попечение вдов или престарелых, неспособных к труду родителей, причем для этого рода работы должны быть использованы дни отдыха» (les jours destinés au repos) [91].

Однако подобного рода «воскресники», надо думать, практиковались редко. С другой стороны, устанавливая принудительную помощь безлошадным крестьянам со стороны их более зажиточных соседей, закон недостаточно оградил первых от чрезмерных требований со стороны вторых. Правда, декрет от 16 сентября оговаривал, что никто не имеет права требовать за каждый вид подмоги более обычной платы, установленной в марте 1793 г. (ст. 6), а ст. 9 приказа КОС от 7 и 11 прериаля II г. предписывала муниципалитетам в однодневный срок фиксировать (исходя из цен 1790 г. с надбавкой в 50%) плату за перевозку урожая, пользование упряжным скотом, повозками и сельскохозяйственными орудиями... [92]. Но, чтобы обуздать апетиты зажиточного крестьянства, этой меры оказалось недостаточно. Некто Morise, cultivateur из департамента Эр, просит Комитет земледелия (от 9 плювиоза III г.) обязать муниципалитеты «фиксировать цену вспашки в разумном размере, чтобы мелкие земледельцы» (petits cultivateurs) не оказывались постоянно жертвой жадности «аристократии хлебопашцев» (de l'aristocratie des laboureurs), которые, чтобы избавиться от обязанности вспахать поле соседа, требуют с него сумасшедшие цены (des prix foux), хотя никогда не вспахивают полей своих

---

[89] Arch. Nat., F10, p. 448.
[90] Ibid.
[91] Ibid.
[92] Rec. des textes: Agriculture, № 147, art. 9.

соседей иначе, как в конце сезона, что позволяет им к тому же повышать впоследствии цену на зерно». Автор жалобы предлагает объявить на будущее время под реквизицией всех имеющих лошадей laboureurs и заставить их произвести посев овса не в апреле, как они это практикуют, а в феврале. Иначе поля «мелких земледельцев», у которых нет лошадей, останутся не засеянными [93].

На заседании Сен-кантенского дистрикта (3 фримера III г.) один из ораторов, выступая от имени petits propriétaires-cultivateurs, также требовал «таксации для издержек по возделыванию всякого рода культур». Оратор указывал, что невозможность нанять за подходящую цену человека с лошадью для вспашки и засева полей приводит к тому, что мелкий земледелец, только что приобревший небольшой клочок земли из фонда национальных имуществ, вынужден отказаться от его обработки и сдать за ничтожную плату в аренду своему зажиточному соседу [94]. Безлошадные ciltivateurs коммуны Luport (дистрикт Dieppe департамента Нижней Сены) 10 вантоза III г. просили Комитет земледелия заставить имеющих лошадей «gros cultivateurs» оказать им помощь в хозяйстве за известное (умеренное) вознаграждение [95]. Администрация дистрикта Grandvillièrs (департамент Уазы) сообщала от 9 брюмера III г. «о многочисленности жалоб» на то, что «тогда как издан максимум на все товары, до сих пор не существует ничего определенного, что нормировало бы цену обработки земли, которая уплачивается земледельцам теми, кто не принадлежит к таковым, а потому вынужден во время пахоты и сева обращаться за помощью к cultivateurs». Эти земледельцы требуют за обработку чрезмерную цену, а между тем никакого максимума на этот счет не существует [96]. В Камбрэзи (Северный департамент) в один прекрасный день фермеры отказались обрабатывать проданные им национализированные земли частью из злонамеренных, частью из контрреволюционных настроений. Этот отказ они распространили и на земли бедноты (des menagers et journaliers) [97].

Все эти заявления и факты свидетельствуют о том, что идиллические картины помощи беднякам со стороны их соседей, картины, которые рисуют донесения некоторых национальных агентов, оказываются при ближайшем рассмотрении весьма неприглядными. Зажиточное крестьянство, если и выполняло декрет об обработке полей своих безлошадных соседей, то требовало за нее непомерную плату. Местами на этой почве пышно расцветали тяжелые формы эксплоатации кулаком деревенской бедноты в виде отработок. Ссужая свой инвентарь беднякам в разгар

---

[93] Arch. Nat., F[10], 453—455.
[94] Ibid.
[95] Ibid.
[96] Ibid.
[97] Lefebvre, Les paysans du Nord, p. 827.

полевых работ, зажиточная часть деревни вознаграждала себя сторицей, заставляя потом бедноту отрабатывать эту «подмогу» [98].

С наступлением термидорианской реакции, с замиранием деятельности народных обществ и наблюдательных комитетов или с утратой ими былого авторитета в Северном департаменте начались массовые отказы земледельцев обрабатывать чужие заброшенные земли. 26 вандемьера III г. дистрикт Hazebrouk снова отдал распоряжение по коммунам производить раз в декаду или ежемесячно обследование полей через трех земледельцев-патриотов и заставлять приводить в порядок те, которые окажутся заброшенными: лица, уличенные в неявке (les défaillants), должны быть объявлены подозрительными, а их урожай—конфискован. Но 26 брюмера мэр коммуны Féchain, просивший при подобных же обстоятельствах помощи и содействия со стороны дистрикта Дуэ, получил ответ, что «теперь меры устрашения не в моде (la peur n'était plus à l'ordre du jour), что нет такого закона, который уполномочивал бы на арест ослушников, что нельзя заставить частное лицо использовать его скот где-либо в другом месте, кроме его собственного поля» [99].

VI

Продовольственная политика Конвента, встречавшая упорное сопротивление со стороны всех категорий крестьян-собственников, могла проводиться только при содействии властям со стороны деревенской бедноты (ménagers и manouvriers). Это содействие робеспьеровскому правительству принимало как неорганизованные, так и организованные формы. Непосредственная заинтересованность в выявлении хлебных излишков у кулаков и середняков (со времени декрета 25 брюмера II г.), в своевременном засеве полей и в максимальном использовании земли под продовольственные культуры побуждала деревенских санкюлотов следить за случаями незаконного вывоза хлеба из деревни, саботажа с обмолотом, сокрытия запасов, продажи с превышением максимума, засева полей кормовыми травами или превращения их в виноградники и т. п.

Законодательство и распоряжения местных властей, систематически поощрявшие систему доносов, стимулировали местную бедноту в этом направлении. По декрету 11 сентября 1793 г. лицо, указавшее на случай купли-продажи вне рынка, получало половину штрафа, установленного за нарушение закона в размере двойной стоимости конфискуемого товара [100]. В сентябре 1793 г. Генеральный совет дистрикта Dieppe (департамент Нижней Сены), запрещая культуру рапса (colsa), грозил наруши-

---

[98] См. выше, сообщение национального агента дистрикта Brieuc.

[99] Ibid., p. 703.

[100] Другая половина штрафа шла в пользу коммуны; Rec. des textes: Céréales, № 36, sect. II, art. 2. См. также ст. 5 раздела I, предусматривающую несвоевременную или ложную заявку об имеющихся продовольственных запасах.

телям этого постановления конфискацией всего урожая, причем $^1/_4$ его должна была пойти в пользу доносчика, а $^3/_4$ в пользу бедных коммуны. Приказом депутатов в миссии это постановление дистрикта Dieppe было распространено затем на весь департамент (17 сентября 1793 г.). Национальный агент дистрикта Corbigny (департамент Nièvre) сообщает (от 11 термидора II г.) о неуклонном наблюдении за выполнением закона о максимуме и строгом наказании виновных в его нарушении. Но он тут же прибавляет, что известных результатов удалось добиться лишь благодаря тому, что в дистрикте широко практиковалась поощряемая им система доносов. «Я снова,—пишет он,—заострил внимание коммун дистрикта... Я предложил им неуклонно и строго следить за нарушением максимума. Я доказал, что донос является единственным средством, которое должны пускать в ход патриоты, чтобы обнаружить злостные заговоры» [101].

Повидимому система доносов действительно была распространена довольно широко [102]. Иногда местные власти просто распределяли конфискованное зерно среди нуждающихся членов коммуны, чем особенно поощряли бедноту по части доносов. Вот несколько случаев, имевших место в дистрикте Шомон. 13 прериаля II г. (1 июня 1794 г.) один крестьянин заявил, что «в этот день, в 6 час. вечера он видел гражданку В., перетаскивавшую мешок в сад, где этот мешок был запрятан среди кучи дров. В тот же день несколько членов муниципалитета и Наблюдательного комитета явились к указанному месту и нашли мешок в куче дров. Гражданка заявила, что она не знает, что это за мешок. Мешок был конфискован и принесен в мэрию: в нем оказалось 65 ф. муки, каковые и были распределены между нуждающимися».

«Коммуна Meures 25 февраля 1794 г. Войдя к гражданину, которого не было дома, они попросили его жену сделать декларацию относительно имеющихся в доме запасов зерна и муки. Затем комиссары приступили к обыску и нашли в отхожем месте (dans un cabinet) мешок отборной муки в 3 буассо, который и был немедленно конфискован. У гражданина К. нашли после подачи им декларации мешок с овсом, запрятанный под комодом, причем собственник заявил, что это он припрятал на семена, да «забыл» о нем заявить... Конфискованный хлеб распределили среди наиболее бедных граждан коммуны» [103].

Совершенно естественно, что в атмосфере ожесточенной классовой борьбы, которая развертывалась в это время в деревне, нередко имели место и ложные доносы [104]. Приведем один из многочисленных примеров

---

[101] Arch. Nat., F[12], 1549[d].

[102] См. напр. Lorain, op. cit., t. II, p. 127, № 1511; p. 207, № 2182.

[103] Lorain, op. cit., № 1840, 1934, p. 252-253.

[104] Обещая доносчику часть утаенного при учете зерна, закон предусматривал возможность ложных доносов, возлагая на таких доносчиков покрытие расходов по производству проверки имеющихся запасов (Porée, op. LXVIII).

этого рода. 25 вандемьера II г. администрация дистрикта Сен-Дени (департамент Сены) получила сообщение о результатах расследования, произведенного по делу мэра коммуны Epinay некоего Baudoin (земледельца) и его жены. На этих граждан был получен донос, что вместе с gros fermiers они умышленно не обмолачивают свой хлеб, ставя под угрозу снабжение продовольствием других жителей коммуны. На общем собрании жителей коммуны, созванном комиссаром, граждане с негодованием отвергли обвинение. К дознанию приложены сведения о продовольственных запасах этого cultivateur: он собрал 90 сетье, из них на семена отложил 20, для собственного потребления 20, продал в своей коммуне 24. Итого 79 сетье, остаток 11 сетье. Остаток у Baudoin-сына был определен в 38 сетье. Так как в доносе сын мэра был назван прокурором коммуны, тогда как в действительности он не имел такого звания, то выяснили продовольственные запасы и прокурора, причем оказалось, что никаких наличных запасов у него не было. В результате директория дистрикта сообщила министру внутренних дел, что «этот донос оказался неопределенным и недостаточно обоснованным» [105].

Несомненно однако, что часто бедняк, вынужденный покупать у соседа хлеб выше таксы, являлся соучастником нарушения закона, а потому не был расположен выступать в роли доносчика [106].

Но беднота могла оказывать содействие властям и в более организованных формах; принимая, например, энергичное участие в общих собраниях коммун, где, согласно закону 8 мессидора (26 июня 1794 г.), зачитывались все заявки cultivateurs об имеющихся у них запасах зерна; manouvriers и ménagers имели возможность изобличать при этом своих вероломных односельчан в подаче ложных деклараций.

Если в муниципалитетах, как правило, наблюдалось засилье зажиточного и среднего крестьянства (cultivateurs), то народные общества, революционные и наблюдательные комитеты, в которые представителям бедноты было легче проникнуть [107], проявляли большую энергию в наблюдении за проведением продовольственной политики Конвента на местах.

Приказ Комитета общественного спасения от 7—11 прериаля II г., изданный в развитие декрета о мобилизации на сельскохозяйственные работы, прямо возлагал на народные общества обязанность наблюдать за исполнением закона общественными властями и частными лицами [108]. 21 сентября 1793 г. власти Северного департамента издали распоряжение, в силу которого домашние обыски в целях выявления спрятанного хлеба

---

[105] Arch. Nat., F[11], 218. См. также Lorain, op. cit., №№ 1309—1310, (II, p. 518; 1312, p. 58—59. Arch. Nat., F[12], 1547[d] (заседание нар. об-ва в Bonnetable 22 терм. II г. (департамент Сарты, дистрикт Ferté—Bernard).

[106] Ср. Marion, Le maximum, «Revue des études historiques», juillet-sept. 1917, p. 345.

[107] Dommanget, Les grèves de moissonneurs du Valois, Ann. Hist. 1924, p. 534.

[108] Rec. de textes: Agriculture, № 147.

должны были производиться по требованию народного общества или двух граждан [109]. В департаменте Ионны учет зерна производился в присутствии двух муниципальных чиновников и двух «граждан-информаторов» (indicateurs), взятых из наименее состоятельных» [110]. Приказом депутата в миссии Мора по департаменту Ионны (от 26 фримера II г.) комиссары, назначаемые дистриктами для наблюдения за производством учета урожая, должны были рекрутироваться из кандидатов, представленных местными народными обществами. Кандидаты должны были намечаться из граждан, известных своим патриотизмом, наиболее просвещенных, беспристрастных и наиболее активных [111].

В ноябре 1793 г. санкюлоты Thiron (департамент Эр и Луары) обратились в центральное Общество якобинцев с письмом, в котором говорилось: «Богатые собственники и бывшие сеньеры (les propriétaires et ci-devant seigneurs) превратили в пастбище большую и лучшую часть своих полей, то ли для того, чтобы сократить общую сумму десятины, которую они должны уплачивать в зерне своим коммунам, то ли в целях извлечения выгод от спекуляции со скотом, который они хотят выкармливать в большом количестве. Санкюлоты обращают внимание Конвента на этот важный вопрос» [112]. В дистрикте Шомон (департамент Верхней Марны) народные общества выделили своих представителей при производстве учета урожая. В том же дистрикте народное общество доносит на злоупотребления должностных лиц и обнаруживает спекуляцию хлебом или совместно с Наблюдательным комитетом принимает меры к опровержению ложных слухов о недостатке продовольствия [113].

В фрюктидоре II г. народное общество Crémieux протестовало, исходя из интересов рабочих, против декрета 13 термидора [114]. В прифронтовой полосе, как например в Северном департаменте, где почти всюду была расквартирована армия, сельские санкюлоты получили в своей борьбе с cultivateurs полную поддержку со стороны посещавших народное общество солдат [115]. По распоряжению депутата в миссии Мора (в департаменте Ионны) народные общества должны были составить списки кандидатов, из которых администрация департамента должна была подобрать наиболее надежных республиканцев для комплектования местной революционной армии (8 брюмера II г.) [116].

---

109. Lefebvre, Les paysans..., p. 631. Характерно, что, не доверяя сельским муниципалитетам, где оказалось зажиточное крестьянство, департамент решил посылать для производства домашних обысков у земледельцев особых комиссаров.

110 Porée, Les subsistances dans l'Yonne, p. XXXIII.

111 Arch. Nat., A F[11], 146 B, 1177.

112 Ibid., F[11], 213.

113 Lorain, t. I, p. 498—499, № 747; t. II, p. 233—234, № 1880, p. 58—59, № 1312

114 Arch. Nat., F[11], 278A.

115 Lefebvre, Les paysans..., p. 634.

116 Arch. Nat., AF[11], 137/1061.

Однако деятельность народных обществ далеко не всегда направлялась по линии содействия проведению продовольственной политики Конвента или защиты прав деревенской бедноты. Состоя зачастую в своем большинстве из крестьян-середняков (cultivateurs), деревенские народные общества присоединяют свои протесты к жалобам (неосновательным или основательным—это другой вопрос!) местных cultivateurs и fermiers и деревенских муниципалитетов на чрезмерные реквизиции хлебных излишков, сводящих коммуны на полуголодный паек; на разорительность для крестьянского хозяйства гужевой повинности; берут под свою защиту местные власти, обвинявшиеся в несоблюдении закона о максимуме; протестуют (вместе с наблюдательными комитетами) против декрета 13 термидора, неравномерной разверстки реквизируемого хлебного контингента между дистриктами и т. п. [117].

Наконец, там, где была организована революционная армия, специальные продотряды из национальной гвардии или ударные бригады санкюлотов, дружины для ускорения обмолота,—беднота получала возможность оказать самую энергичную поддержку властям в деле осуществления продовольственной политики и могла действительно терроризировать кулаков [118].

Напомним, что в задачу революционной армии входило не только содействие скорейшему обмолоту, но и проведение реквизиций зерна, обеспечение снабжения рынков, устрашение скупщиков, содействие обнаружению скрытых запасов хлеба и т. п. [119]. «Многочисленные отряды революционной армии будут переходить из дистрикта в дистрикт, из коммуны в коммуну, вселяя ужас (porter la terreur) в души аристократов и эгоистов», писал Паганель, народный представитель миссии в Верхней Гаронне [120]. Депутат в миссии Мор, требуя в своем обращении к «гражданам» департамента Ионны от «алчных фермеров немедленного обмолота хлеба и открытия амбаров», грозил посылкой в дистрикт специальных

---

[117] См. напр. Arch. Nat., F[11], p. 336, департамент Côte d'0r, дистрикт Ys-sur-Lille; ibid., F[10], p. 453—455; народное об-во коммуны Combas, дистрикт Sommières, департамент Gard; народное об-во Геракла, бывш. Saint-Gilles, дистрикт Ninas; петицию четырех коммун и народных о-в дистрикта Берг; нар. о-во в Aignoy, департамент Côte d'Or, дистрикт Chatillon, Arch. Nat., F[11], 336; нар. о-во в Blazimons, дистрикт Réol, департамент Жиронды, Arch. Nat., F[11] 1176; Ibid., F[12] 1547 [d], нар. о-во в Bonnetable, департамент Sarthe; Ibid., F[12], нар. о-ва в Bêze, дистрикт Is-sur-Lille, Arch. Nat., F[11], 336; жалобу в Конвент нар. о-ва, Ген. совета и Наблюд. комитета коммуны Rousses дистрикта Condat—Montagne, департамента Юры, ibid., F[11], 1176 A.

[118] См. напр. постановление Генерального совета департамента Сены от 29 октября 1793 г. (Dufresne et Evrard, p. 148—149). Циркуляр Мора в департаменте Ионны (Arch. Nat., AF[11], 146 [B] (1177), прокламацию нар. представителей в миссии при Альпийской армии, объявлявшую об организации бригад молотильщиков из граждан, рекомендованных нар. о-вами (Ibid., AF[11], 137/1061).

[119] Arch. Nat., AF[11], 137/1061.

[120] Ibid., 105/780.

комиссаров, которые, опираясь на «вооруженную силу, составленную из добрых санкюлотов, скоро сумеют... вернуть изобилие и равенство в среду граждан» [121].

VII

Однако это содействие деревенских санкюлотов продовольственной политике Конвента могло дать существенные результаты лишь в том случае, еслиб революционное правительство действительно повернулось лицом к пролетариям и полупролетариям деревни, обеспечив им влияние в сельских муниципалитетах, наблюдательных комитетах и народных обществах; если бы оно проводило энергичную политику нажима на кулаков при реквизиции хлебных излишков, если бы в борьбе между производящей и потребляющей частью деревни власти приняли сторону последней и обеспечили хотя бы минимальный паек (по твердой цене) деревенской бедноте; если бы приняты были, наконец, действительные меры к обработке и засеву полей безлошадных крестьян их зажиточными соседями.

Только такая политика (наряду с бесплатным наделением землей бедноты из фонда национальных имуществ) [122] могла обеспечить революционому правительству прочные симпатии и энергичную поддержку со стороны деревенской бедноты, способствовала бы отрыву от кулака значительных слоев среднего крестьянства и таким образом затруднила бы образование единого антинормировочного и антиреквизиционного фронта в деревне. Но взять сколько-нибудь энергичный курс на защиту интересов деревенской бедноты (manouvriers, menagers) робеспьеровское правительство было неспособно уже в силу своей классовой природы.

Лишь в практике отдельных его агентов (особенно депутатов в миссии, принадлежавших к левому крылу монтаньярства) можно обнаружить зачатки классовой политики в интересах деревенского пролетариата и полупролетариата. Можно, например, привести ряд случаев, когда в ответ на полный или частичный отказ коммуны от выполнения реквизиций народные представители в миссии сознательно проводили политику нажима на кулацкие элементы деревни и некоторых поблажек середняку— политику, которая должна была прорвать единый «антиреквизиционный» фронт, изолировав кулака от бедняка и рядового cultivateur, и таким образом заострить классовую борьбу бедноты против сельской буржуазии. Миссии Мора, Фуше, Лебона, Лорана и др. дают достаточно материала, иллюстрирующего эту антикулацкую политику.

---

[121] Ibid., 146 B/1177.

[122] Декреты 3 июня, 25 июня 1793 г., 2 фримера и 4 нивоза II г. и даже декрет 13 октября 1793 г., ставившие своей задачей облегчить деревенской бедноте приобретение земли из национального фонда, оказались явно недостаточными, а потому не могли удовлетворить пролетариев и полупролетариев деревни.

Из-под пера этих депутатов выходили наиболее красноречивые, наиболее страстные прокламации, громившие «новую аристократию, поднявшуюся на обломках старого режима и использовавшую завоевания революции для своего обогащения», этих «fermiers avides, propriétaires égoistes» «новых и опасных тиранов», не желающих понять, что плоды обрабатываемой ими земли не принадлежат исключительно им; что они имеют право лишь на необходимый минимум; что все остальное принадлежит одной великой семье» [123].

Народный представитель в миссии Laurent, узнав, что ссыпка зерна из одного дистрикта идет медленно и что администрации приходится прибегать к помощи вооруженной силы, которая используется... только в отношении мелкого крестьянства (les cultivateurs peu aisés), что задержка с исполнением реквизиции происходит благодаря отсутствию строгости со стороны муниципальных властей, а часто и по их попустительству в отношении богатых собственников,—приказал (23 прериаля II г.) администрации дистрикта немедленно арестовать в каждой коммуне, которая не выполнила своей доли разверстки, наряду с мэром также «первейшего и самого богатого (le principal et plus riche) из cultvateurs [124]. Тот же метод нажима на кулачество в целях ускорения реквизиций широко применялся в Северном департаменте, в дистрикте Берг. 7 плювиоза II г. (26 1 1794) Генеральный совет дистрикта постановляет арестовать и доставить в департаментский трибунал по два первейших земледельца или собственника (principaux cultivateurs ou propriétaires) от каждого кантона из числа невыполнивших наложенного на них по продразверстке контингента. 29 января дистрикт предписывает арестовать во всех коммунах, за которыми числятся недоимки по выполнению реквизиций, по самому богатому земледельцу (le plus riche cultivateur) [125]. Генеральный совет дистрикта Gonesse (департамент Сены и Уазы) постановил (18 прериаля II г.), чтобы при выплатах за реквизированное в общественные магазины зерно муниципалитеты начинали с расчетов с наименее состоятельными гражданами (il commencera par acquitter les personnes les moins aisées) [126].

В других случаях зажиточное крестьянство притягивается в первую голову к выполнению весьма обременительной для сельчан гужевой повинности. Обращаясь с циркуляром к администрации коммун (в связи

---

[123] Ср. инструкцию Lindet, посланного в департамент Манш (13 сентября 1793 г.), где между прочим говорится:

«Всякий земледелец должен смотреть на себя, как на хранителя (dépositaire) предметов продовольствия, принадлежащих республике, как на человека, находящегося под непрерывной реквизицией (Arch. Nat., AF[II], 120, 910).

[124] Arch. Nat., F[11], 205.

[125] Lefebvre, Subsist. dans le distr. de Bergues, t. I, p. 445, № 683, p. 448, № 685; ibid., № 686, p. 689.

[126] Arch. Nat., AF[II], 70/521.

с выполнением реквизиции мешков, лошадей, повозок для снабжения альпийской и мозельской армий), дистрикт Chatillon sur Seine (департамент Côte d'Or) писал: «Муниципалитеты должны объявить под реквизицией... преимущественно зажиточных граждан (les citoyens aisés) своих коммун»[127].

Некоторые национальные агенты смотрели сквозь пальцы на нарушение закона о максимуме покупателями-бедняками, строго карая продавцов[128]. 11 фримера II г. национальный агент коммуны St. Pons (департамент Hérault) спросил Комитет земледелия и торговли, нужно ли подвергнуть законой каре некоего крестьянина Galy de Caune, которого поймали с 1½ сетье зерна, которое не было куплено на рынке. «Я нахожу,—пишет агент,—крайне жестоким допустить осуждение гражданина который, будучи вынужден голодом, отправился из своей коммуны, чтобы достать кое-какое пропитание своим детям...» Другое дело продавец, который при настоящих условиях всегда более виновен, как лицо, занимающееся «преступной и скандальной наживой»,—продавец, который всегда находит средство укрыть свою жатву от своих сограждан, а потом драть с них же втридорога. Такой крестьянин должен быть сурово наказан, что и было сделано в данном случае[129].

13 термидора II г. (31 июля) Комитет общественного спасения издал приказ, предписывавший революционным комитетам освобождать лиц, арестованных за ложную заявку о запасах зерна и муки, «если скрытые запасы не превышают количества, необходимого для месячного потребления»[130]. Впрочем, это распоряжение центральной власти диктовалось скорее заботами о своевременной уборке нового урожая, чем сознательным стремлением пойти на некоторые поблажки деревенской бедноте.

Особый нажим на крупных землевладельцев и кулаков рекомендовался иногда и при проведении принудительного обмолота хлеба для снабжения рынков или беспосевного населения деревни. В инструкции, опубликованной в сентябре 1793 г. депутатом Lindet, посланным в миссию в департаменты Эр, Кальвадос и Манш, проводится любопытное различие между районами крупного хозяйства (pays de grande culture) и районами, где преобладает мелкая крестьянская собственность (les pays de petite culture). В районах первой категории надо поставить крупных сельских хозяев-собственников или арендаторов (cultivateurs qui font valoir des domaines étendues) под особо бдительный надзор со стороны как всех местных властей, так и всех граждан. Здесь крупных собственников и крупных арендаторов надо заставить немедленно (sans délai) молотить хлеб и вывозить его на рынки. Ослушники будут наказаны, как соучастники заговорщиков и врагов республики».

[127] Arch. Nat., F11 332.
[128] Arch. Nat., F11 411.
[129] Arch. Nat., № 233.
[130] Rec. des actes du Comité de S. P., t. XV, 551.

Другое дело—районы с преобладанием хозяйств потребительского типа, в которых собственного хлеба хватает не более, чем на полгода, а в течение остальных 6 месяцев приходится добывать хлеб для собственного потребления на отдаленных рынках. В отношении жителей таких районов, мелких cultivateurs, рекомендуется, наоборот, известная снисходительность: «Пусть они сами просветят друг друга и предохранят себя от ложного понимания своих интересов и злонамеренности. Они тоже обязаны приступить к обмолоту своего урожая, чтобы иметь возможность хоть что-нибудь снести на рынок, ибо есть совсем безземельные, которые не могут ждать». Но такому мелкому крестьянину дается некоторая отсрочка: он может задержать обмолот своего хлеба и вывоз его на рынок на 1-2 месяца, пока рынки будут снабжаться из запасов крупных хозяйств [131].

«Богатые эгоисты,—читаем в воззвании Фуше (от 25 августа 1793),—ставят себя в ряды подозрительных... они должны быть изъяты из общества и лишены возможности пользоваться своим состоянием, ибо богатство—опасное оружие в их руках...» [132]. Лебон, посланный в миссию в Па-де-Кале, объявил настоящую войну не только городской, но и сельской буржуазии. В плювиозе и вантозе II г., по его распоряжению, в департаменте составили списки des gros fermiers и главных плательщиков налогов. Крупные покупщики национальных имуществ также были взяты на учет. Часть этих мероприятий была распространена и на Северный департамент, где был составлен список фермеров, снимавших землю у эмигрантов. В Камбрези двое фермеров были преданы суду и обезглавлены за то, что отказались обрабатывать купленные ими национальные имущества, а также арендованные ими земли поденщиков и menagers. Правда, это был единственный случай столь суровой расправы [133]. В своем обращении к гражданам департамента Ионны (фример II г.) депутат в миссии Мор требовал от «алчных фермеров» немедленного обмолота хлеба и открытия амбаров, грозя посылкой в дистрикт специальных комиссаров, которые, опираясь на «вооруженную силу из добрых санкюлотов», скоро сумеют, вопреки эгоизму собственников, вернуть изобилие и равенство в среду граждан, которым грозит нищета» [134]. Тот же Мор предлагал дистриктам перелагать на богатых все издержки по оплате, снабжению провиантом и перевозке специальных продовольственных отрядов, выделенных по его распоряжению из местной национальной гвардии для проведения реквизиций [135].

---

[131] Arch. Nat., AF[11], 120/910.

[132] Ibid., AE[11], 128/980.

[133] Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 826, 827.

[134] Arch. Nat., AF[11], 146B/1177.

[135] Ibid. Приказ от 7 фримера II г. Приказ Мора об организации революционной армии в департаменте Ионны (от 8 брюмера II г.) был отменен им уже 17 фримера, прежде чем отряды успели сорганизоваться. Но эти примеры характерны для общей линии его политики.

Можно привести пример, когда классовая политика в интересах деревенской бедноты проводилась и при реквизиции рабочей силы. 21 сентября 1793 г. Генеральный совет департамента Сены и Уазы в циркуляре к муниципалитетам рекомендовал при реквизиции рабочих рук для обмолота зерна «использовать предпочтительно тех, которым их доходы позволяют посвятить свое время службе отечеству. Поденщиков надо реквизировать только за отсутствием состоятельных граждан» (les citoyens aisés) [136].

Таковы, повторяем, крайне немногочисленные случаи, когда агенты центральной или местной власти пытались взять курс на энергичное подавление сопротивления кулаков и действительную защиту интересов беднейшего крестьянства. Но общая политика Конвента, его представителей на местах и дистриктной администрации была весьма далека от этого курса.

VIII

Может быть нигде мелкобуржуазная природа революционного правительства не сказывалась с такой очевидностью, как в позиции, занятой им в борьбе между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями [137].

Еще с половины XVIII века по всей Франции наблюдалось падение реальной заработной платы поденщиков. «Ни один класс,—говорит H. Sée,—не страдал от дороговизны и эпидемий в большей степени, чем поденщики»[138].

Революция не принесла ему облегчения. Уже осенью 1791 г. наступил хлебный кризис, особенно больно ударивший по всей беспосевной части деревенского населения. Конец 1792 и начало 1793 гг. принесли новое удорожание хлеба и других предметов первой необходимости. Твердые цены, установленные декретом 4 мая 1793 г., были сорваны крестьянством, благодаря попустительству департаментских властей, целиком находившихся в руках крупных собственников. Введение единого максимума на хлеб (11 сентября 1793 г.) и таксация большей части других товаров (декрет 29 сентября 1793 г.) не могли сколько-нибудь заметно изменить продовольственного положения деревенской бедноты: рынки снабжались недостаточно и обслуживали главным образом горожан. Деревенский поденщик оказался отданным на милость своего же соседа—зажиточного крестьянина, зачастую отказывавшего ему в продаже хлеба по твердой цене. Наконец, система снабжения через государственные зернохранилища, введенная с половины ноября 1793 г., прежде всего имела в виду обеспечение продовольствием армии и городских санкюлотов, с настроением которых не могло не считаться робеспьеровское правительство.

---

[136] Dufresne et Evrard, op. cit., 146.

[137] Вопрос о классовой борьбе между землевладельцами и сельскохозяйственными рабочими в период действия 2-го и 3-го минимума освещен мною более подробно в статье, помещенной в сборнике в честь Д. Б. Рязанова «На боевом посту».

[138] H. Sée, Les classes rurales en Bretagne, p. 306.

Обреченные на полуголодное существование сельскохозяйственные рабочие вынуждены были добиваться значительного повышения денежной заработной платы.

Летом и осенью 1793 г. условия борьбы складывались для них как будто благоприятно, ибо благодаря войне спрос на рабочие руки значительно превышал предложение. Лефевр утверждает, что к осени 1793 г. цены на рабочую силу поднялись сильнее, чем цены на хлеб. В ближайшие месяцы рынок труда продолжал сокращаться благодаря проведению массового набора.

Наши документы, относящиеся ко II и началу III гг., полные жалоб на недостаток рабочих рук и их дороговизну, свидетельствуют о напряженной классовой борьбе между крестьянами-собственниками и между всеми теми категориями деревенского населения (journaliers, manouvriers, menagers), которые целиком или частично существовали продажей своей рабочей силы. Разумеется, к этим жалобам, исходившим от зажиточного и среднего крестьянства, жестоко эксплоатировавшего сельскохозяйственных рабочих до и во время революции, надо относиться весьма осторожно, ибо малейшее улучшение в положении рабочего класса казалось cultivateur верхом благополучия и приводило его в ярость. «Назовите мне этих низких людей,—читаем в циркуляре Шомонского дистрикта от 29 флореаля II года, предпочитающих дать сгнить на корню сену и хлебам, нежели довольствоваться установленным в законе размером заработной платы! Мы поступим с ними, как с «подозрительными», как с врагами республики. Наиболее виновные будут заключены в тюрьму» [139]. В то же время дороговизной на рабочие руки циркуляр хочет оправдать нарушение твердых цен крестьянами-собственниками, чем выдает с головой свою классовую природу.

Администраторы дистрикта Mont-Braine (департамент Indre et Loire) жалуются 21 мессидора II г. на «крайнюю жадность» сельских рабочих, в частности виноградарей [140]. В одном мемуаре из Блуа предлагается ввиду недостатка и дороговизны рабочих рук разрешить земледельческий труд военнопленных, которые должны направляться на фермы муниципалитетами по заявкам земледельцев и собственников [141].

Наиболее ярко точка зрения мелкого крестьянина-собственника выявляется в донесении администрации дистрикта Londeni (департамента Vienne) Комиссии земледелия (от 12 фримера III г.): «Мелкие хозяйства,— читаем там,—чахнут, так как в бо́льшей части ферм (métairies) съемщик (le colon) который держал одного батрака (domestique), не может теперь его найти, с другой стороны, поденщики от былой нищеты поднялись к невероятному благополучию (à une extrême aisance). Возможность

---

[139] L o r a i n, Les subsistances en céréales dans le district de Chaumont, t. I, p. 500—501.

[140] Arch. Nat., F[12], 1547 d.

[141] Ibid., F[10], 453—455. См. также анонимную жалобу на неслыханную дороговизну рабочих рук из департамента Па-де-Кале (ibid).

извлекать большую выгоду из посещения рынков, которая ему предоставлена, приводит к тому, что поденщик относится с пренебрежением к земледельческому труду и до известной степени забрасывает его. Такса, которую он требует за свой труд, обескураживает laboureur, который, собрав жатву, не видит, откуда возместить свои издержки по найму рабочей силы. Земледелец обескуражен. Он впадает в отчаяние и, чтобы избавиться от опостылевших ему реквизиций, готов забросить обработку своей земли. Он поговаривает о продаже своего скота, лишь бы пожить спокойно, как рабочий, участи которого он завидует. Да и в самом деле: не мешает сказать, что те, что живут от сельских работ, точно сговорились ничего не делать иначе, как на ужасающих для собственников и фермеров условиях... Закон о максимуме действует лишь в отношении хлеба и фуража, но нарушается, несмотря на бдительность администраторов.

Рабочий берет непомерную (exorbitant) плату за все, что бы он ни делал» [142].

Итак, максимум ударил якобы только по крестьянам-землеробам, а «лодырь»-рабочий требует чудовищной платы за свой труд. Как бы ни преувеличивалось здесь благоденствие рабочего (не забудем его мытарств в поисках за хлебом), эти многочисленные жалобы свидетельствуют о редкости рабочих рук и трудности их заполучить по таксе. В плювиозе II года Комитет общественного спасения констатирует, что жители деревень жалуются на недостаток в рабочих руках, крупные хозяйства заброшены, земледелие чахнет [143].

В этой борьбе между самостоятельными крестьянами-землеробами и сельскими рабочими мелкобуржуазное революционное правительство поддерживало первых, широко практикуя реквизицию рабочей силы в деревне, развертывая антирабочую политику таксации заработной платы и сурово карая уклонения от реквизиции и малейшие попытки сельскохозяйственных рабочих добиться повышения заработной платы путем забастовок. В сущности вся система правительственных мероприятий в этой области, ставившая—под предлогом охраны общественных интересов—своею задачей обеспечить землевладельцев возможно более дешевым трудом, была настоящим террором, направленным в интересах собственников против пролетариев и полупролетариев деревни.

Свою антирабочую политику Конвент начал с попытки свести на-нет достигнутые поденщиками успехи и добиться снижения заработной платы. Декрет 29 сентября 1793 г. устанавливал твердые цены не только на предметы первой необходимости, но и на рабочую силу. Правда, в отношении заработной платы закон допускал повышение на 50% (по сравне-

---

142 Arch. Nat., F^{10}, 233.

143 См. также жалобы крестьян-землеробов на злоупотребления со стороны рабочих правом глянажа. Arch. Nat., F^{10}, 453—455 (донесение Наблюдательного комитета в Longjumeau от 28 флор. II г.

нию с 90-м годом), тогда как повышение цен на все прочие товары не должно было превышать $^{1}/_{3}$. Но фиксация заработной платы предоставлялась усмотрению местных муниципалитетов, сплошь состоящих из cultivateurs и laboureurs. Таким образом, установление твердых цен на рабочие руки всецело предоставлялось на усмотрение одной из заинтересованных сторон (нанимателей).

Однако в большинстве случаев деревенские муниципалитеты не спешили приводить закон в исполнение. В Северном департаменте значительная часть коммун долгое время не использовала своего права таксировать цены на рабочие руки. В департаменте Ионны в жерминале II г. таксация не была еще проведена. Из приказа Комитета общественного спасения от 18 фрюктидора II г. (4 сентября 1794 г.) видно, что многие муниципалитеты все еще не удосужились установить у себя твердые цены на рабочие руки [144]. Там, где муниципалитеты использовали свое право, максимум заработной платы был установлен довольно высокий.

Эта либеральная политика сельских властей объяснялась тем, что свести заработную плату к установленному законом размеру было при всем желании невозможно. Рабочий становился все требовательнее, учитывая систематическое нарушение закона о максимуме земледельцами, у которых он вынужден был покупать продукты питания. Простое повышение заработка с 1790 г. на 50% ни в коей степени его не удовлетворяло. Боязнь потерять рабочих, которые могли уйти в другую коммуну, где заработок был выше, удерживала сельские власти от таксации заработной платы или побуждала их устанавливать таковую в достаточно высоком размере.

Ряд других правительственных мероприятий шел по линии принудительного закрепления поденщиков за их обычными нанимателями. Еще декрет 11 сентября 1793 г., устанавливавший единый максимум цен на хлеб, предоставлял властям право реквизировать рабочие руки для производства обмолота [145]. Декрет 16 сентября 1793 г. разрешал муниципалитетам объявлять под реквизицией поденщиков для уборки полей защитников отечества и маломощных крестьян. За отказ от выполнения реквизиции рабочий подлежал трехдневному, а в случае рецидива трехмесячному аресту на основании простого распоряжения муниципальной полиции. Декрет 29 сентября 1793 г. давал муниципалитетам право не только устанавливать максимум заработной платы, но и реквизировать и наказывать, смотря по обстоятельствам, тремя днями ареста рабочих «...если они без уважительных причин откажутся от выполнения своих обычных работ» [146].

Эти декреты не остались без применения. Так, генеральный совет департамента Сены и Уазы в своем приказе от 26 сентября 1793 г. грозил

---

[144] Lefebvre, Les paysans du Nord..., p. 652, 656, 653[1], 174[4], 175.
[145] Dupéron, op. cit., Rec. des actes: Céréales, № 36, art. 19.
[146] Duvergier, t. VI, p. 239., art. 9.

уклонившимся без законных оснований от реквизиции сельским рабочим зачислением их в разряд «подозрительных» [147].

21 октября прокурор-синдик департамента Дубс, ссылаясь на ст. 9-ю закона 29 сентября, объявил под реквизицией для обмолота зерна поденщиков и обязал муниципалитеты заставить рабочих молотить [148]. Та же мера проводилась и в дистрикте Шомон, в департаменте Верхней Марны, где в сентябре 1793 г. все manouvriers et bucherons (дровосеки) были приписаны в качестве молотильщиков к определенным cultivateurs без права оставлять работу без разрешения муниципальных властей [149]. Декрет 11 прериаля II г. (30 мая 1794 г) объявлял в виду предстоящей жатвы под реквизицией «всех граждан и гражданок, которые обычно заняты работами по уборке урожая (qui sont dans usage de s'employer aux travaux de la récolte), независимо от того, живут ли они в деревне, или в городе. Их заработная плата должна была быть фиксирована установленными властями на местах. Декрет грозил за отказ от выполнения реквизиции, а также за всякого рода коалиции, в целях прекращения работ или их приостановки, и за требование произвольной заработной платы преследованием и наказанием, как за контрреволюционное преступление [150].

Этот декрет был дополнен специальным постановлением Комитета общественного спасения (от 7 и 11 прериаля). Генеральным советам коммун вменялось в обязанность немедленно составить списки рабочих, обычно занятых на полевых работах, учитывая как местных, так и пришлых рабочих-сезонников, и в течение суток фиксировать поденную заработную плату (исходя из цен на рабочие руки 1790 г. с надбавкой в 50%). Там же объяснялось, что мобилизации на уборку урожая подлежат и те граждане, которые бросают свои обычные занятия на время жатвы [151]. За коалицию в целях отказа от выполнения реквизиций или в целях повышения заработной платы приказ Комитета общественного спасения грозил преданием суду революционного трибунала [152].

В департаменте Нижней Шаранты депутат в миссии Гренье издал (18 прериаля II г.) обязательное постановление, в силу которого муниципалитеты должны были выявить, путем опроса через особых комиссаров, семейное положение и род занятий всех жителей, источники их средств к существованию. Учету подлежали все, кроме больных и стариков (старше 60 лет), а также лиц, занятых регулярной и полезной деятельностью, все прочие объявляются мобилизованными. Муниципалитеты

---

[147] Defresne et Evrard, op. cit., p. 146.
[148] Mathiez, La vie chère, p. 401.
[149] Lorain, op. cit., t. I., p. 459—460.
[150] Rec. des textes: Agriculture, № 146, p. 90, № 147, art. 1—5, 7, 8, 12, 13.
[151] Повидимому здесь разумелись рабочие, занятые в промышленности, но сохранившие связь с деревней.
[152] Rec. des actes du Comité de S. P., t. XIV, 26—28.

составляют списки таких «бездельников» и «праздных» людей. Если земледельцы будут нуждаться в рабочих руках, они могут получить от своего муниципалитета «un billet» (наряд) на тех или иных лиц, попавших в такой список. За отказ от работы по реквизиции виновный наказывается в первый раз месяцем тюрьмы, при рецидиве он попадает в список «подозрительных». Заработная плата мобилизованных в таком порядке лиц не может превышать установленной таксы. Если рабочий потребует больше и если наниматель не сможет его заставить работать без повышения платы, он может дать требуемое вознаграждение, но в течение суток обязан заявить об этом властям. Такого заявления достаточно, чтобы рабочий был подвергнут месячному аресту и штрафу в размере полученного им излишка [153].

В термидоре II г. Мор распорядился перебросить косцов и жнецов из департамента Ионны в департамент Сены и Марны, где предвиделся обильный урожай. Дистрикты должны были представить в департамент списки мужчин и женщин, которые обычно уходят на заработки во время жатвы [154].

Другие правительственные распоряжения дополняли и развивали статьи декрета 29 сентября о таксации заработной платы, слабо использованного, как мы видим, деревенскими муниципалитетами. В силу приказа Комитета общественного спасения от 29 прериаля II г. (17 июня 1794 г.) заработная плата, получаемая натурой, должна была выдаваться по норме 1790 г. без всякой надбавки [155]. Это постановление было весьма невыгодно для сельскохозяйственных рабочих. Получая то же количество зерна, что и в 1790 г., жнецы не могли обменять его на то же количество других необходимых продуктов, которые они могли получить в 1790 г. [156]. Ввиду того, что во многих дистриктах ограничились таксацией заработной платы жнецов, заработная же плата молотильщиков не была нормирована, что создавало значительную разницу в оплате труда жнецов и молотильщиков и затрудняло своевременный обмолот,—Комитет общественного спасения издал (8 июля 1794 г.) особый приказ, стремившийся выравнять заработную плату рабочих этих двух категорий. «Там, где оба эти вида работы оплачивались в денежной форме,—читаем в приказе,—заработная плата молотильщиков должна быть установлена на тех же основах, что и вознаграждение жнецов во время жатвы, а затем уменьшается пропорционально заработной плате других рабочих и пастухов. Там, где жнецы получали вознаграждение натурой, а молотильщики деньгами, заработная плата последних должна быть нормиро-

---

[153] Arch. Nat., AF[II], 93/687.

[154] Dupéron, op. cit., p. 178.

[155] Rec. des textes: Agriculture, № 158, p. 96.

[156] Maurice Dommanget, Les grèves de moissonneurs du Valois (Annales hist., 1924, p. 522).

вана в соответствии с исчислением заработной платы первых на время полевых работ» [157].

Как реагировали сельскохозяйственные рабочие на все эти распоряжения правительства, явно исходившие из интересов нанимателей? В ряде департаментов прериальские приказы Комитета общественного спасения натолкнулись на упорное сопротивление со стороны сельскохозяйственных рабочих (особенно молотильщиков), отказывавшихся работать по таксе, подчиниться мобилизации, о чем свидетельствуют донесения местных властей, а также свирепые приказы депутатов в миссии, угрожавших рабочим самыми жестокими карами до смертной казни включительно. В приказе Дартигоейта (от 30 прериаля II г.), депутата в миссии в департаментах Gers и Haute Garonne читаем: «Всякий гражданин или гражданка, который вздумает отказаться от работы—косить сено, жать или молотить снопы,—будет немедленно арестован и присужден к уплате штрафа в 100 ливров и тюремному заключению на 3 месяца» [158].

5 мессидора II г. депутат при восточной пиренейской армии (Milhaud) издал приказ, согласно которому граждане, отказывающиеся подчиняться распоряжению относительно реквизиции рабочих рук для уборки хлеба или стремящиеся от нее уклониться, будут рассматриваться, как «враги человечества и наказываться смертью» [159].

Местами в качестве метода борьбы жнецы и молотильщики пускали в ход стачку и саботаж. 2 фрюктидора II г. национальный агент дистрикта Lagraff (департамент Var), доносил о коалиции, имевшей место среди domestiques des laboureurs. «Эти челядинцы не желают наниматься для продолжения полевых работ или требуют слишком большой (beaucoup trop considérable) платы». «Существует,—пишет агент,—ужасная коалиция, которая... в период возобновления договора о найме совершенно лишает laboureurs их слуг. В результате поля собственников останутся без помощи, запряжки—без погонщиков, стада—без пастухов, так как никто не желает наниматься». В заключение национальный агент требует принятия срочных мер [160].

В октябре 1793 г. в дистрикте Берг Северного департамента молотильщики применили в качестве методов борьбы саботаж; после молотьбы в снопах оставалось до половины зерна. После того, как стало известно распоряжение дистрикта, предписывавшего муниципалитетам фиксировать заработную плату молотильщиков, не превышая однако нормы 20 су за rasière [161], молотильщики пригрозили бросить работу,

---

[157] Rec. des textes: Agriculture, № 170, p. 101—2, art. 1,2.

[158] Dommanget, op. cit., 525.

[159] Ibid.

[160] Arch. Nat., F[10], 453—455.

[161] Rasière—старинная мера для сухих предметов емкостью в 70,14 литра, употреблявшаяся во французской Фландрии.

если им будут платить по максимуму. Дистрикт вынужден был согласиться на оплату их времени по старой норме [162].

В провинции Валуа за интересующий нас период было два случая стачки среди жнецов (в Penlis и Barbery). В одном из них дистрикт сделал попытку вмешаться в конфликт и послал своего комиссара. Увещания последнего не имели однако успеха. «Видно, что не жнецы преобладают в директории дистрикта»! сказал комиссару один из рабочих. Дистрикт посылает военную команду с приказом арестовать «подстрекателей к мятежу» [163].

Коалиция рабочих, в связи с отказом работать по максимальным ставкам, имела место и в ряде других дистриктов—Лаоне, Берге, Сансерр, Маренн, Динь и др. [164].

Случаи стачек среди сельскохозяйственных рабочих были гораздо многочисленнее, чем это можно думать на основании прямых сведений о забастовках. Косвенно об этом свидетельствует не только ряд декретов и приказов Комитета общественного спасения, предусматривавших коалиции сельскохозяйственных рабочих, но и свирепые мероприятия депутатов в миссии. Знаменитый закон Ле-Шапелье (14 июня 1791), воспрещавший рабочие коалиции, считался уже недостаточным. Декрет 16 сентября 1793 г. (о принудительном порядке обработки заброшенных полей) предусматривает в особой статье возможность стачки среди рабочих-поденщиков, мобилизованных в распоряжение фермеров или земледельцев, на которых будет возложена эта повинность. Закон грозит стачечникам 9-месячным содержанием в оковах. «Поденщики и рабочие,—гласил приказ Комитета общественного спасения от 7 прериаля II г.,—которые вступят в коалиции в целях отказа от работ, требуемых от них в порядке мобилизации, или в целях предъявления требования о повышении заработной платы... будут преданы суду Революционного трибунала». Приказ Комитета общественного спасения от 18 фрюктидора II г. (4 сентября 1794 г.) грозит вступившим в коалицию виноградарям двухнедельным арестом. Другой приказ (от 22 фрюктидора II г.) предусматривал возможность саботажа со стороны молотильщиков, которые будут оставлять зерна в снопах [165].

Что касается рабочей политики местных властей, то она варьировалась в зависимости от местных условий, хотя по своему классовому составу генеральные советы коммун и дистриктов менее всего были склонны отстаивать интересы труда. «Муниципалитеты,—говорит Домманже,—были до такой степени проникнуты классовым духом, что случаи, когда муниципальные чиновники принимали сторону стачечников, были

[162] Lefebvre, Documents, t. I. p. 467, № 713.

[163] Dommanget, op. cit., p. 526—529.

[164] Матьез, Борьба с дороговизной, с. 450.

[165] Rec. des textes: Agriculture, № 78, art. 5, p. 311; № 147, art. 12; № 207, art. 4-5; № 206, art. 6.

крайне редки и рассматривались, «как прискорбные исключения». Обычно установленные власти (коммуны, дистрикты) оказывались на стороне нанимателей даже в тех случаях, когда местная администрация выступала в качестве посредника между борющимися сторонами [166].

Некоторые дистрикты, как например Суассонский, выступили застрельщиками по проведению мобилизации сельскохозяйственных рабочих и по борьбе с нарушениями последними законов о максимуме и с коалициями [167].

Дистрикт Камбрэ (Северный департамен) принял специальное постановление против рабочих коалиций, а также против муниципалитетов, которые проявляли небрежность в деле их преследования. Администрация дистрикта Avesnes (там же) воспретила рабочим уходить от хозяина, к которому они нанимались. За требование платы выше максимума и там, и здесь рабочим грозило предание суду Революционного трибунала [168].

Идя навстречу пожеланиям cultivateurs, страдавшим от ухода рабочих в коммуны с более высоким максимумом заработной платы, некоторые дистрикты установили, вопреки закону, единообразные ставки для сельскохозяйственных рабочих по всему дистрикту [169].

Если в других местах генеральные советы коммун и дистриктов были не столь ретивы, медлили с установлением максимальных норм заработной платы или фиксировали ее недостаточно высоко, недостаточно энергично преследовали рабочих за стачки и отказ от мобилизации или требование платы, превышавшей максимум [170], то это объясняется, разумеется, отнюдь не их рабочелюбием, а острым, все усиливающимся недостатком в рабочих руках [171] и борьбой за рабочую силу между крестьянскими хозяйствами, затруднявшей последовательное проведение антирабочей политики деревенскими муниципалитетами.

В конце термидора II г., учитывая недостаток в рабочих руках, Версальский дистрикт вынужден был нарушить постановление Комитета общественного спасения от 20 мессидора II г. и повысить максимум вознаграждения молотильщиков. В мессидоре II г. дистрикт Берг, где недостаток в рабочих руках и конкуренция из-за них между коммунами чувствовались особенно остро, установил, вопреки закону, единообразный

---

166 Dommanget, op. cit., p. 530—531.

167 См. подробно разработанный регламент о мобилизации сельскохозяйственных рабочих, изданный Суассонским дистриктом 5 прериаля II г., т. е. еще до появления соответствующего постановления Комитета общественного спасения (от 11 прериаля). Матьез, Борьба с дороговизной..., с. 446—447.

168 Lefebvre Les paysans, p. 655

169 Матьез, op. cit., p. 499. См. также Rec. des textes du Comité .de. S. P., t. XVI, p. 580.

170 См. Lefebvre, Les paysans..., p. 655. Матьез, op. cit., p. 450—451.

171 «Pénurie d'ouvriers en tout genre» (Arch. Nat., F^{11}, 278^2).

максимум оплаты труда жнецов, причем такса значительно превосходила твердые ставки большей части муниципалитетов [172].

Наконец, в пределах коммун максимум цен на рабочие руки фактически нарушался, благодаря конкуренции между нанимателями, подрывавшими классовую солидарность среди землевладельцев, пользовавшихся наемным трудом. Даже кулацкие муниципалитеты местами вынуждены были смотреть сквозь пальцы на случаи нарушения закона.

29 флореаля II г. администрация дистрикта Шомон (департамент Верхней Марны) обратилась к муниципальным чиновникам с циркуляром, рекомендующим обратить внимание на нарушение закона о максимуме при оплате труда рабочих: «До нашего сведения, граждане, дошло,— читаем там,—что некоторые сельские хозяева уже успели сговориться с рабочими с целью обеспечить уборку урожая на своих полях и обмолот его. Для этого они обещали рабочим очень высокую плату. Среди прочих некоторые богатые собственники (quelques riches propriétaires) подняли заработную плату до таких размеров, что если она останется на этом уровне, другим, менее состоятельным собственникам и фермерам трудно будет убрать жатву...» Дистрикт рекомендует муниципалитетам применять закон во всей его строгости и в случае надобности мобилизовать рабочих для снятия урожая [174].

В флореале II г. (мае 1794 г.) Продовольственное бюро в Тулузе просило народного представителя в миссии Дартигоейта издать приказ, одна из статей которого гласила: «Земледельцам воспрещается сманивать рабочих оплатой выше максимума. Ослушники объявляются «подозрительными» и контрреволюционерам» [175].

Можно с уверенностью сказать, что такого рода циркуляры вряд ли изменяли положение дела. Классовая солидарность нанимателей прорывалась соображениями личной выгоды. С другой стороны, муниципалитеты, обычно состоявшие из зажиточного крестьянства, менее всего были склонны преследовать нарушителей закона, каковыми являлись как рабочие, так и более состоятельные наниматели, переманивавшие поденщиков у своих же соседей предложением более высокой заработной платы.

Что борьба за рабочие руки, имевшая место в Шомонском дистрикте, не была единичным явлением, на это указывает изданный Комитетом общественного спасения специальный приказ (от 13 прериаля II г.— 1 июня 1794 г.), воспрещавший предпринимателям соглашаться на заработную плату, превышавшую максимум [176]. Об этом же свидетельствуют специальные статьи в приказе Комитета общественного спасения отно-

---

[172] Defresne et Evrard, op. cit., p. 154—155.
[173] Lefebvre, Documents..., № 668.
[174] Lorain, op. cit., I, p. 500—501.
[175] Adher, op. cit., p. 92.
[176] Rec. des textes: Agriculture, № 150.

сительно земледельческих контрактов и обязательств (от 6 фрюктидора II г —23 августа 1794). Приказ грозит штрафом (в размере всей причитающейся рабочему платы) тем фермерам и половникам, которые возьмут к себе рабочего без удостоверения муниципалитета об истечении срока предыдущего найма. Штраф должен итти в пользу хозяина, от которого ушел до срока рабочий[177].

Суровое рабочее законодательство и его применение на местах, продиктованное интересами сельских хозяев, означало энергичное вмешательство властей в острую классовую борьбу, происходившую на фоне жестокого продовольственного кризиса 1793/94 г. между сельскохозяйственными рабочими и их нанимателями. Если недостаток рабочих рук и борьба за них между отдельными коммунами и внутри коммун в значительной степени парализовала эффект репрессивных мер, направленных против деревенских пролетариев и полупролетариев, то в общем антирабочая политика правительства лишала его симпатий пролетарских и полупролетарских слоев деревни. В то же время правительством почти ничего не было сделано для действительной защиты интересов этих слоев, как потребителей сельскохозяйственных продуктов.

Беспомощные в борьбе с производителями хлеба—зажиточным крестьянством—деревенские санкюлоты могли стать грозной силой благодаря поддержке со стороны санкюлотов города. Идея такой смычки между городской и деревенской беднотой на почве общности интересов в борьбе с единым фронтом домовитых крестьян—производителей хлеба—уже мелькала в умах.

Национальный агент дистрикта Tulle (департамент. Corrèze) писал летом 1794 г. в своей прокламации «К истинным санкюлотам города и деревни»:

«У сельских поденщиков и городских рабочих-санкюлотов, которые всюду не являются собствениками хлеба, один и тот же интерес. Их дело, бесспорно,—общее дело: как те, так и другие должны работать над тем, чтобы продовольственные запасы были полностью выявлены и равномерно распределены, все они должны неукоснительно наблюдать за собственниками зерна, которые, в свою очередь, все держатся вместе в силу общности их противоположных интересов (qui sont tous réunis par un intérêt opposé»).

«Объединенные любовью к равенству, санкюлоты, какова бы ни была их профессия, должны еще сплотиться в одно достаточно крепкое целое (se lier encore par un noeud aussi fort que celui de la nécessité) на почве борьбы с нуждою».

Автор прокламации указывает на то недоверие и рознь, которые, благодаря злостной агитации, возникли между городской и деревенской беднотою на почве противопоставления города деревне вообще.

---

[177] Ibid., № 199.

«Я наблюдал,—пишет он,—усилия эгоистов, которые хотели вас разъединить. В городах говорили: крестьяне хотят взять измором город. В деревнях еще громче кричали: городские лодыри хотят отнять у вас продукты, которые вам достались потом и кровью! А затем и с той и с другой стороны приводят отдельные факты, чтобы возрастить эти зародыши розни. Такие толки я с прискорбием слушал даже из уст тех, во вред которых они распространяются... Будьте же едины, как никогда...»

В дальнейшем автор разъясняет, кто сеет панику в деревнях и натравливает бедняка и середняка на городских рабочих, и он пытается отколоть середняка от кулака.

«Особенно,—пишет он,—стараются сбить с толку вас, крестьян-тружеников (laboureurs-cultivateurs), хотят оградить коммуны барьерами, за которые вы не должны показывать носа. Вам ежедневно твердят: нам самим для собственного потребления нужно зерно, которое имеется в нашей коммуне. Если оно уйдет от нас, вы рискуете остаться голодными. Правда, вам говорят о рынках, но пойдите вы туда, вы ничего не найдете. Все, что там появляется, пожирают горожане, вы только вернетесь опечаленными с пустыми мешками к своим голодным семьям».

Кто же виноват в том, что рынки пустуют? Богатые собственники и находящиеся под их влиянием муниципалитеты, которые ничего не предпринимают, чтобы заставить зажиточных крестьян везти хлеб на городские рынки и в то же время используют отсутствие хлеба на городских рынках, как агитационное средство, натравливая деревенскую бедноту на горожан, которые-де все отняли у крестьянства.

«Чтобы дать основание этим вероломным толкам,—читаем дальше,— они оставляют скирды нетронутыми, а когда молотят, то зерно немедленно же исчезает. Его либо прячут, либо из-за побуждения еще более жестокого эгоизма—продают по цене, в 3—4 раза превыщающей установленную законом. Чтобы вы ничего не нашли на рынке, туда ничего не везут. Таким образом в агитации против закона пускают в ход его несоблюдение... Находятся собственники, находятся и общественные власти, которые со всей строгостью следят за исполнением закона, который воспрещает внерыночное снабжение. Но, отказывая, под этим предлогом, бедняку в продовольствии, они ничего не предпринимают для снабжения тех самых рынков, куда они отсылают бедноту за хлебом. Или они противятся такому способу самоснабжения, а потом прямо говорят доведенному до отчаяния отцу семейства: ведь говорил я тебе толком, что горожане все забрали!...»

Все эти рассуждения имеют целью восстановить доверие к городским санклюлотам у деревенской бедноты и у крестьян-середняков, которые не решались вести свои хлебные излишки в город, опасаясь, что потом они ничего не достанут на городских рынках. Иначе говоря, здесь мы имеем попытку отколоть от зажиточного крестьянства и богатого фермерства не только бедняка, но и серед-

няка. Эта любопытная прокламация заканчивается призывом к городским санкюлотам.

«А вы, санкюлоты городов, уважайте деревенского поденщика, как вашего кормильца, делитесь с ним по братски, а не старайтесь получить больше, чем он дал (2 фрюктидора)» [178].

Другой проект создания блока городской и деревенской бедноты для совместного давления на деревенских собственников и муниципальную администрацию находим в адресе, направленном (10 брюмера III г.) в Конвент от имени мэра, муниципальных чиновников и частных лиц города Mâcon'а (главный город департамента Саоны и Луары). Как видим, и этот проект—городского происхождения.

Констатируя, что закон о максимуме не выполняется, что власти вынуждены молчать, что особенно страдают от этого рантье и бедняки, авторы адреса предлагают Конвенту снабдить посылаемых в миссию представителей особыми полномочиями на предмет принятия самых решительных мер, чтобы обеспечить исполнение закона и нанести решительный удар «эгоизму собственников». В числе этих мер рекомендуется предложить всем отдельным представителям в миссии «послать во все коммуны республики комиссаров, *которых обязательно должны сопровождать патриоты из народных обществ*. К голосам этих санкюлотов... скоро присоединятся деревенские патриоты. Таким образом сформуруется ядро, способное расти и внушать страх эгоистам-торговцам и собственникам, способное заставить муниципалитеты дать отпор нарушителям закона. Мы говорим о сельских муниципалитетах, так как неисполнение этих двух законов зависит особенно от эгоизма деревень» [179].

Как видит читатель, здесь мы имеем дело с попыткой противопоставить уже на *деле*, путем проведения конкретных мер, единому фронту деревенских собственников фронт организованных городских санкюлотов, опирающихся на деревенскую бедноту. Но оба эти проекта остались в области благих пожеланий.

Продовольственная политика Конвента углубила и обострила классовую борьбу в деревне. В борьбе с сельской буржуазией, срывавшей систему максимума и реквизиции, революционное правительство не сумело привлечь на свою сторону деревенскую бедноту и крестьян середняков. В результате в деревне создался контрреволюционный блок всех собственнических элементов, заинтересованных в уничтожении максимума. С другой стороны, суровая политика Конвента в отношении сельскохозяйственных рабочих создала равнодушие к судьбе революционного правительства среди тех социальных элементов деревни, на поддержку которых оно могло еще рассчитывать. Тем самым создавалась одна из важнейших предпосылок термидорианской реакции.

---

[178] Arch. Nat., F[11] 333.

[179] Ibid., F[12] 1547c.

А. Малышев

О ФЕОДАЛИЗМЕ И КРЕПОСТНИЧЕСТВЕ [1]

II. ОБ УСЛОВИЯХ, ОПРЕДЕЛИВШИХ РАЗВИТИЕ КРЕПОСТНИЧЕСТВА В РОССИИ С XVI ВЕКА.

Теория т. Дубровского о крепостничестве как особой общественно-экономической формации, исторически приходящей на смену феодализму, как будто бы находит себе подтверждение в историческом развитии России и Восточной Германии. Действительно, начиная с XVI века в этих странах происходит ясно выраженный процесс развития барщинных отношений и суровых форм личной зависимости Ниже путем анализа процесса развития крепостничества с XVI века в России (и Германии) и путем анализа сущности крепостничества в России будет показано, что русское (и германское) крепостничество XVI—XIX вв. не является особой общественно-экономической формацией, а своеобразным путем разложения феодализма посредством приспособления феодальной системы организации труда и производственных отношений к определенному темпу и уровню развития общественного разделения труда и роста торгово-денежных отношений.

Попытка же т. Дубровского рассмотреть этот процесс как смену феодальной формации крепостнической стирает действительные особенности в исторической эволюции России (и Германии) с XVI века Для т. Дубровского не стоит проблема изучения специфических моментов в эволюции России (и Германии) с XVI в., отличных от исторического развития, например, Англии и Франции этого же периода. Откройте его книгу на с. 86 и вы увидите, как для него просто рисуется процесс перехода от феодализма к крепостничеству. «Развитие торгового капитала (развитие на основе роста производительных сил и роста общественного разделения труда) ломает феодальную замкнутость, ломает изолированные рынки. В рамках феодального, а затем и крепостного строя торговый капитал все больше и больше начинает крепить свои буржуазные связи. Именно на основе роста относительной товарности хозяйства развивается крепостное барщинное хозяйство, уничтожается феодальный способ производства». Для т. Дубровского невдомек, что он в данной формуле перехода от феодализма к крепостничеству собственно дал общую

[1] Окончание. См. «Историк-марксист» № 15.

историческую формулу разложения феодализма и перехода к капитализму, но именно общую абстрактную формулу. Для него совершенно не стоит вопрос о том, почему именно этот же процесс (в самых общих чертах) внедрения торгово-денежных отношений в толщу феодализма в Англии привел к быстрому переходу от феодализма к капитализму; во Франции—к разложению классического феодализма (ликвидации барщины и крепостничества) и превращению феодала в собирателя денежных рент с французского крестьянина путем использования своих феодальных привилегий, а в России (и Германии)—к развитию барщинного хозяйства. Он от общей формулы разложения феодализма не спустился к анализу действительных специфических черт развития первых стадий капитализма в Англии, Франции и России и действительных специфических черт разложения феодализма. Его формула перехода от феодализма к крепостничеству ничего не объясняет в действительном ходе исторического развития.

Маркс и Энгельс рассматривали крепостничество XVI—XVIII вв. в Германии не как новую общественно-экономическую формацию, а как подновление крепостничества эпохи феодализма и ставили это подновление в зависимость от целого ряда своеобразных черт в экономическом развитии Германии. Тов. Дубровский пытается интерпретировать письма Энгельса к Марксу о вторичном закрепощении в Германии, как мнение Энгельса о крепостничестве как особой общественно-экономической формации. Такая интерпретация Энгельса абсолютно не вытекает из его взглядов, изложенных в этих письмах. Кроме того т. Дубровский упорно замалчивает работу Энгельса «Марка», по поводу которой и шла переписка и в которой Энгельс развернул свои взгляды на эволюцию судеб крестьянства в Германии.

15 декабря 1882 г. Энгельс посылает свою «Марку» Марксу; в препроводительном письме он пишет: «Высказанный здесь взгляд на положение крестьян в средние века и на происхождение вторичного закрепощения, начиная с XV века, я считаю бесспорным». Вместе с тем Энгельс в этом письме указывает на реакционную роль, которую сыграло крепостничество для дальнейшего развития Германии. «Кстати, повсеместный возврат в Германии к крепостничеству является одной из причин, почему в XVII и XVIII вв. ни одна отрасль индустрии не могла в ней успешно развиваться» [2]. В письме от 16 декабря 1882 г. Энгельс снова возвращается к вопросу о вторичном закрепощении. Я приведу целиком это письмо, ибо т. Дубровский усматривает, что в нем Энгельс говорит о крепостничестве, как особой общественно-экономической формации.

---

[2] Выходит, что новая (согласно т. Дубровскому) общественно-экономическая формация, не успев как следует утвердиться, уже тормозила развитие производительных сил. Как можно это согласовать с учением Маркса о прогрессивности в определенный отрезок времени каждой общественно-экономической формации с точки зрения развития производительных сил, присущих данной формации?

«Всего больше меня интересует вопрос о почти полном-правовом или фактическом-исчезновении крепостничества в XIII и XIV вв. как раз потому, что прежде ты высказывал относительно этого иное мнение. Что касается земель к востоку от Эльбы, то свобода немецких крестьян там установлена благодаря колонизации; относительно Шлезвиг-Гольштинии Маурер признает, что в то время «все» крестьяне снова добились свободы (может быть даже несколько позднее XIV в.). Он признает также, что и в южной Германии обращение с крепостными тогда было всего лучше, точно также более или менее в Нижней Саксонии (например, новые «Meier'ы» (старосты), фактические наследственные арендаторы). Он только высказывается против мнения Киндлингера, будто крепостное состояние в XVI в. только возникло. Но я не сомневаюсь в том, что оно появилось только подновленное, вторым изданием. Мейтцен приводит годы, когда впервые снова заговорили о крепостных в Восточной Пруссии, Бранденбурге, Силезии: середина шестнадцатого века. О Шлезвиг-Гольштинии то же самое говорит Гансен. Если Маурер называет это смягченным крепостным состоянием, то он прав по сраннению с IX—XI вв., когда продолжало еще существовать старогерманское рабство; точно так же прав он, если сравнивать (крепостное право XVI в.) с юридическими полномочиями, которыми располагал господин над своими крепостными, согласно правовым кодексам, еще в XIII в. и позднее. Но сравнительно с фактическим положением крестьян в XIII и XIV вв., а в Северной Германии также и в XV в., новое крепостное состояние было всем чем угодно, но только не смягчением. И особенно после Тридцатилетней войны. Также замечательно следующее: в то время как в средние века различных ступеней крепостной зависимости было так много, что «Саксонское зерцало» (сборник обычного права) отказывается говорить о «праве на своих людей»—со времени тридцатилетней войны дело поразительно упрощается».

Только при явном желании навязать свои мнения Энгельсу можно говорить о том, что в этом письме Энгельс рассматривает крепостничество как особую общественно-экономическую формацию. Энгельс все время подчеркивает, что дело идет о втором издании крепостничества, о подновлении старого крепостничества средних веков. Он сравнивает крепостное право XVI в. со старым крепостным правом IX—XIII в.в. Дальше т. Дубровский ссылается на примечание Энгельса к разделу о «ненасытной жажде прибавочного труда» I тома «Капитала». Вот это примечание: «Это (т. е. развитие барщины—*А. М.*) относится также и к Германии, в особенности к Пруссии на восток от Эльбы. В XV веке немецкий крестьянин, хотя и обязан был нести известные повинности продуктами и трудом, но вообще был почти повсюду по крайней мере фактически свободным человеком... Победа дворянства в крестьянской войне положила этому конец. Не только побежденные крестьяне Южной Германии снова сделались крепостными, но уже с половины XVI в. свободные крестьяне Вос-

точной Пруссии, Бранденбурга, Померании и Силезии, а вскоре и Шлезвиг-Гольштинии были низведены до положения крепостных» [3].

Дубровский эту цитату комментирует следующим образом: «Итак, в этой цитате совершенно четко Энгельсом написано, что до XVI в. господствовали феодальные отношения... но уже с половины XVI в. после крестьянской войны, которой крестьяне ответили на начавшееся их закрепощение, крестьяне были низведены в крепостные» [4]. Основная ошибка т. Дубровского заключается в том, что он рассматривает относительно свободное положение крестьян в XV в., как характерное для феодализма. Но дело в том, что в XIII—XV вв. в Германии происходит уже процесс разложения феодализма, связанный с расцветом торговли и ремесленной жизни германских городов и крестовыми походами. Германские крестьяне начинают освобождаться и переводиться на денежные оброки, но в XVI в. процесс разложения феодализма в силу упадка экономического развития Германии прекращается и происходит восстановление крепостных отношений, существовавших до XIII века.

Энгельс в «Марке» дал совершенно ясную картину эволюции германского феодализма, т. Дубровский обошел эту работу Энгельса, наиболее важную в нашем споре, ибо она бьет по Дубровскому.

Описывая различные формы экспроприации свободных крестьянских общин на заре феодализма, Энгельс приходит к выводу, что «в том и другом случае крестьянские земли превращались в господскую, и самое большее передавались крестьянам в пользование за оброк и барщину. Крестьянин же из свободного земледельца превращался в подвластного, платящего оброк, отбывающего барщину или даже становился крепостным» [5].

С XIII века начинается процесс освобождения крестьян, ликвидация барщины и замена ее денежным оброком. «Вообще около середины XIII столетия,—пишет Энгельс,—наступил решительный поворот к лучшему; подготовили его крестовые походы... Затем, с ростом потребностей у помещиков, гораздо важнее для последних становилось право распоряжения крестьянскими повинностями, чем их личностью. Крепостное право прежних веков, которое заключало в себе еще много черт древнего рабства, давало помещику права, которые потеряли свою ценность; постепенно крепостное право стало ослабевать, и положение крепостных приблизилось к подданству. Так как обработка земли осталась такой же, как и раньше, то увеличения помещичьих доходов можно было добиться только поднятием нови, основанием новых сел. Но это было достижимо лишь путем добровольного соглашения с колонистами—все равно, были ли они собственными крепостными или пришельцами. Поэтому мы всюду

---

[3] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 167.

[4] С. М. Дубровский, К вопросу о сущности азиатского способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала, с. 99.

[5] Фр. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Приложение. «Марка», с. 88.

видим в эту эпоху твердо установленные, большей частью умеренные крестьянские повинности и хорошее обращение с крестьянами, особенно во владениях духовенства. И наконец благоприятное положение вновь привлеченных колонистов опять-таки имело обратное влияние на условия жизни соседних подвластных помещику крестьян, так что и они во всей Северной Германии, продолжая выполнять свои повинности по отношению к помещикам, сохраняли при этом свою личную свободу. Только славянские и литовско-прусские крестьяне оставались несвободными. Однако все это длилось недолго» [6].

В XV веке начинается возврат крепостничества, как результат приостановки разложения феодализма в описанной его форме. Маркс этот поворот ставит в непосредственную связь с попятным движением в общем экономическом развитии Германии.

«Упадок мещанских свободных городов Германии, уничтожение рыцарского сословия, поражение крестьян и усиление, вследствие этого, владетельных прав князей, упадок немецкой индустрии и торговли, основывавшихся на чисто средневековом строе, как раз в тот момент, когда открылся великий мировой рынок и возникла крупная мануфактура; обезлюдение страны и варварское состояние, завещанное 30-летней войной; характер вновь оживших национальных отраслей промышленности, как например мелкого льняного производства, которому соответствовали патриархальные отношения и условия; характер предметов вывоза состоявших главным образом из продуктов земледелия, вследствие чего возрастали почти исключительно лишь материальные источники существования земельного дворянства и увеличивалось его относительное могущество в ущерб городскому населению» [7].

В другом месте Маркс пишет: «Что касается буржуазии, то мы здесь можем указать только на некоторые знаменательные моменты. Достойно внимания то, что полотняная промышленность, т. е. тот род промышленности, который покоится на самопрялке и на ручных ткацких станках, достигла в Германии некоторого значения как раз тогда, когда в Англии эти неповоротливые инструменты были вытеснены машиной.

Знаменательнее всего ее положение по отношению к Голландии. Голландия—единственная часть Ганзы, достигшая торгового значения, оторвалась от Германии, отрезала ее, за исключением двух гаваней—Гамбурга и Бремена—от мировой торговли и с того времени стала господствовать над всей немецкой торговлей» [8].

Вот этот-то экономический упадок Германии, прекративший распад феодализма, способствовал утверждению крепостничества, которое, раз

---

[6] Фр. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Приложение. «Марка», с. 90.

[7] К. Маркс, Собр. Соч. М. Э., т. V, с. 213.

[8] К. Маркс и Фр. Энгельс, Святой Макс, с. 159.

утвердившись, в свою очередь стало тормозить экономическое развитие Германии. Энгельс в «Марке» вскрывает те движущие пружины, которые толкали поместное дворянство на увеличение барщины и оброков. «В XIV—XV столетиях быстро развились и разбогатели города. Особенно отличались художественной промышленностью и повинностью Южная Германия и города по Рейну. Раскошная жизнь городских патрициев не давала покоя поместному дворянству, питавшемуся грубой пищей, одетому в грубую одежду, обставленному неуклюжей мебелью. Но откуда взять эти прекрасные вещи? Разбой на большой дороге становился все опаснее и безуспешнее. Для покупки же нужны деньги. А этого можно было добиться только через крестьян. Отсюда новый нажим на крестьян, увеличение оброков и барщины; возобновляются старания и все быстрее растут усилия превратить свободных крестьян в зависимых, зависимых в крепостных» [9].

Дальше Энгельс рисует процесс превращения феодалов в сельскохозяйственных предпринимателей. «Благородное разбойничье ремесло дворянства уже изжило себя. Если дворянство не желало погибнуть, ему необходимо было выколачивать больше дохода из своего поместья. Единственным путем для этого было—по примеру более крупных владетелей, и особенно монастырей—завести собственное хозяйство по крайней мере на некоторой части своего поместья. Но этой новой форме хозяйства служило препятствием то, что почти повсюду земля была передана крестьянам на оброк». «Помещик экспроприировал часть крестьян. Их хозяйства слиты были в одно огромное господское хозяйство и обрабатывались этими же новыми безземельными или еще оставшимися на своих участках крестьянами в форме барщины». «Капиталистический период на селе возблаговестил о своем пришествии в форме сельскохозяйственного крупного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян».

Для удовлетворения своих потребностей в условиях медленно разворачивающихся торгово денежных отношений помещик организует свое хозяйство, используя старые формы организации труда, завещанные эпохой феодализма, ибо экономическое развитие не подготовило перехода на новую систему организации труда. Приспособив старые формы организации труда, помещик медленно эволюционизировал в сторону превращения в капиталистического с/х предпринимателя, сохраняя массу пережитков прошлого. Так развивался прусский путь аграрной эволюции.

Прекращение процесса освобождения крестьян и возобладание крепостничества обусловлено было также победой дворянства в крестьянских войнах и разорением крестьянских хозяйств в эпоху 30-летней войны.

---

[9] Фр. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке. Прилож. «Марка» с. 90.

«Против этого хищничества помещиков, дворян, церковных владык с конца XV века крестьяне стали подыматься в виде частных разрозненных восстаний, пока в 1525 г. Великая крестьянская война не охватила Швабии, Баварии, Франконии и не распространилась также на Эльзас, Пфальц, Рейнскую область и Тюрингию. Крестьяне были побеждены после ожесточенной борьбы. К этому моменту относится начало возобновившегося всеобщего преобладания крепостного состояния германских крестьян».

«Это превращение вначале все же шло еще довольно медленно. Но вот наступила Тридцатилетняя война. В течение целого поколения в Германии хозяйничала самая разнузданная солдатчина, какую знает история». «Когда наступил мир, Германия лежала беспомощной, растоптанной, растерзанной, истекая кровью; но в самом бедственном положении был опять-таки крестьянин».

Таковы беглые замечания Маркса и Энгельса о крепостничестве в Германии. Эти замечания нужно иметь в виду, переходя к анализу причин перерастания раннего феодализма в крепостничество в России.

Разложение феодализма связано с проникновением в его хозяйственную организацию торгово-денежных отношений. Втягивание крестьянских хозяйств и хозяйства феодалов в рыночные отношения является исходным пунктом процесса разложения феодализма.

«Развитие торговли и торгового капитала повсюду развивает производство в таком направлении, что его целью становится меновая стоимость, увеличивает его размеры, делает его более разнообразным, придает ему космополитический характер, развивает деньги в мировые деньги. Поэтому торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительскую стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого—это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства» [10].

Выше мы уже указывали, что действительное разложение феодальной экономики начинается в связи с развитием начальных стадий промышленного капитализма в виде простой кооперации и мануфактуры и соответствующим этому периоду расширением торговых связей далеко за пределы Европейского континента. Маркс придавал огромное значение в деле разложения феодализма и перехода к новым производственным формам географическому расширению торговых связей в XVI—XVII вв. «Не подлежит никакому сомнению,—и именно этот факт привел к

[10] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 256.

совершенно ошибочным взглядам,—что великие революции, происшедшие в торговле в XVI—XVII вв. после географических открытий и быстро подвинувшие вперед развитие купеческого капитала, составляют главный момент в ряду тех, которые содействовали переходу феодального способа производства в капиталистический. Внезапное расширение мирового рынка, умножение обращающихся товаров, соперничество между европейскими нациями в стремлении овладеть азиатскими продуктами и американскими сокровищами, колониальная система,—все это существенным образом содействовало разрушению феодальных рамок производства. Между тем современный способ производства в своем первом периоде, мануфактурном периоде, развился только там, где условия для этого создались еще в средние века» [11].

Таким условием является прежде всего развитие средневекового городского ремесла. Высоко развитое ремесло в эпоху феодализма является исходной базой для развития мануфактуры (хотя развитие мануфактуры является в то же время отрицанием ремесла). Ремесло готовит почву для развития капиталистической промышленности также тем, что оно подтачивает, разлагает натуральные потребительские формы хозяйствования крестьян и феодалов, тем самым создает базу для развития внутреннего рынка для продуктов возникающей капиталистической промышленности. Вместе с тем высоко развитое ремесло, подтачивая потребительские формы хозяйствования крестьян и феодалов, тем самым готовит почву для более быстрого перехода феодального сельского хозяйства к новым формам производства и новым типам производственных отношений. Кроме того, высокое развитие ремесленных и торговых городов в порах феодализма создает класс промышленной и торговой буржуазии, который вступает с очень раннего периода в борьбу против феодалов за новые производственные отношения в феодальном сельском хозяйстве (за освобождение крестьян). Исторически можно установить, что чем выше развитие ремесленных и торговых городов в недрах феодализма, тем быстрее и чеканнее идет в данной стране развитие новых капиталистических форм промышленности, тем быстрее и отчетливее происходит процесс перехода феодального сельского хозяйства на рельсы новых производственных отношений.

Вот почему выяснение причин своеобразного разложения русского феодализма мы должны начать с выяснения высоты развития процесса общественного разделения труда (выделения ремесла) в эпоху нашего феодализма до XVI в. и выяснения степени проникновения товарно-денежных отношений в среду крестьянских и помещичьих хозяйств в ту же эпоху.

Производственный базис русского феодализма находился на более низком уровне развития, нежели производственный базис западно-евро-

---

[11] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 256.

пейского феодализма. Сельское хозяйство в Западной Европе уже с IX века базируется на трехпольной системе обработки земли; русское сельское хозяйство только в XV—XVI вв. переходит к трехпольной системе, до этого времени господствует подсечная и переложная система ведения сельского хозяйства.

Этот низкий уровень развития производительных сил сельского хозяйства связан с поздно начавшейся колонизацией славянами Ростово-Суздальского края, затянувшейся вплоть до XVI века; с слабым развитием в этом крае земледелия до славянской колонизации, с плохой почвой, неблагоприятными географическими условиями для ведения интенсивного сельского хозяйства. Длительный отрыв от взаимодействия с более передовыми западно-европейскими странами; эксплоатация русских татарами, отвлекавшая массу прибавочного продукта и труда,—все это естественно не способствовало интенсивному росту производительных сил.

Низкий уровень развития сельского хозяйства не давал базы для быстрого процесса общественного разделения труда, т. е. отделения обрабатывающей промышленности от сельского хозяйства в качестве самостоятельной отрасли производства, со своими собственными хозяйственными формами. Западно-европейский феодализм, как мы видели, опирался не только на сельское хозяйство, но и на выделявшееся уже ремесло, на торгово-ремесленные города; русский феодализм опирался только на зачаточную стадию выделения ремесла из целокупного крестьянского хозяйства. В России вплоть до XVI в. города не носили ярко выраженный торгово-ремесленный облик. Преобладало географическое, а не общественное разделение труда, оно и составляло основу развития торгово денежных отношений в эпоху нашего феодализма. Внешняя торговля не затрагивала хозяйства непосредственных производителей—с Запада и Востока к нам шли предметы роскоши, а из России вывозились главным образом предметы охоты (всевозможные шкуры и пушнина) и лесных промыслов. Русский крестьянин эпохи феодализма очень редко выступал на местном или городском рынке в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов и покупателя предметов ремесленных изделий. Связь его с рынком была спорадическая. Русское крестьянское хозяйство до XVI века было очень слабо затронуто торгово-денежными отношениями.

Хозяйственная эксплоатация непосредственных производителей-крестьян феодалами сводилась в основном к сбору с зависимых крестьян оброков в натуральной форме, в состав которых входили и продукты обрабатывающей промышленности. Следовательно, господствовала рента продуктами. Свое собственное сельское хозяйство феодал вел в небольшом размере.

Русский феодал, в противовес своему западно-европейскому коллеге, до XVI в. лишь в незначительной степени был связан с рынком. Не только слабость развития рыночных отношений, но главным образом система ведения сельского хозяйства (подсечная и переложная), а также

характер расселения крестьян при колонизации (селились небольшими группами в 2—5 дворов) и разбросанность этих поселений делала нерациональным ведение своего собственного хозяйства феодалами и определяли господство ренты продуктами.

Однако барщинные отношения уже имели место в эпоху нашего феодализма. Работу по обработке собственной запашки феодала и другие работы в хозяйстве феодала исполняли не только холопы, которые еще задолго до XVI в. шаг за шагом превращались в наделенных земельными участками и инвентарем крестьян, но и собственно крестьяне. Скудный материал, позволяющий нам судить о повинностях крестьян феодалу, указывает на барщину сельскохозяйственную, как на реальную форму эксплоатации крестьян. В жалованных грамотах XV в. крупные вотчинники и монастыри, отказываясь в пользу наделяемого поместьем от тех повинностей, которые раньше несли крестьяне в их пользу, перечисляют эти повинности. Среди них есть и барщина («ни сел моих не пашут», «не надо-б им мое сельское дело делать», «ни дров не гонят, прудов не копают, мостов не мостят и льда не колят и не возят»). Примерно такой же перечень рабочих повинностей мы видим в известной грамоте Константиновского монастыря в XIV в.

На развитие крестьянской барщины указывает и факт довольно широкого развития ссуды инвентарем, скотом или деньгами с условием работать в хозяйстве феодала вместо уплаты процента, так называемое изделье серебро. Таким образом уже в эпоху феодализма наметился процесс вовлечения русского крестьянина в барщинные отношения и сближение его там на барщине с холопами.

Низкий уровень производительных сил, слабая связь с рынком хозяйств как феодала, так и крестьянина, только наметившийся процесс сближения холопов и крестьян, плюс к этому продолжавшийся до XVI в. процесс феодализации так называемых белых земель и крестьян,—все это вместе взятое дает нам основание характеризовать русский феодализм до XVIв. как незаконченный тип феодализма, находившийся в процессе формирования как ранний феодализм.

Характеризуя русский феодализм до XVI в., как ранний, находящийся в процессе своего формирования, мы тем самым ликвидируем один из главных аргументов т. Дубровского, которым он оперировал при характеристике производственных отношений феодализма, как основанных на ренте продуктами. Ссылка его на русский феодализм, где действительно господствовала рента продуктами, теряет свое значение, ибо мы здесь имеем дело с недоразвившимися формами феодализма.

Вместе с тем необходимо указать, что до сих пор в анализе причин, обусловивших медленный темп развития торгово-денежных отношений в России после XVI века и своеобразие развития нашего сельского хозяйства (и промышленности) очень мало обращали внимания на низкий уровень развития экономики нашего феодализма. А между тем в этом

низком уровне развития экономики русского феодализма нужно искать исходный момент, определивший своеобразие исторического развития с XVI века.

Перелом в развитии производительных сил России намечается в конце XV и начале XVI вв. Сельское хозяйство переходит к трехполью, вместе с тем начинается процесс интенсивного общественного разделения труда—выделяется ремесло. Для Запада XVI—XVII вв. расцвет ремесла был уже явлением прошлого, характерным для этого периода является развитие простой кооперации и мануфактуры. Для России же эпоха XVI—XVII века есть эпоха расцвета ремесла. Но отделяясь от непосредственного сельскохозяйственного производства, ремесло в XVI—XVII вв. уже не могло повторить всех фаз своего развития, оно не выделилось в городе, а осталось рассыпанным в порах крестьянских хозяйств нечерноземной полосы, медленно перерабатывая толщу натуральных потребительских крестьянских хозяйств. Процессу выделения ремесла в город мешало, с одной стороны, крепостное право, прикреплявшее крестьян и ремесленников к земле и к личности помещика, а с другой—развитие торгового капитала, опиравшегося как на связь с высокоразвитой Европой, так и на довольно глубокое географическое разделение труда внутри России. Часть ремесла уже с XVII века преобразуется торговым капиталом в форму «кустарного» производства, т. е. в простую кооперацию. Развитие как ремесла, так и начальных форм капиталистического производства, пойдет мимо русского города. «Конечно,—пишет М. Н. Покровский,—Москва XVI—XVII вв. не была похожа на Флоренцию или Антверпен (хотя и была «немного больше Лондона», по словам английского путешественника XVI века Флетчера), но тип старорусского города был тот же, что и средневекового города Западной Европы. Этот тип у нас не достиг такого пышного расцвета, как на Западе. Почему? Потому, что торговый капитал, сложившийся в России позднее чем на Западе, но развившийся быстрее, задушил наше городское ремесло еще в пеленках, превратив его в систему домашнего производства, начиная уже с XVII века» [12].

Маркс намечает три исторические формы превращения ремесла в капиталистическую мануфактуру. Первая форма—постепенный переход ремесленника-производителя, путем накопления капитала, в организатора простой кооперации, а затем и мануфактуры. «Без сомнения, пишет Маркс, некоторые мелкие цеховые мастера и еще большее количество самостоятельных мелких ремесленников и даже наемных рабочих превратились сначала в зародышевых капиталистов, а потом постепенно расширяя эксплоатацию наемного труда, и соответственно, усиливая накопление капитала—в капиталистов sans phrase (вообще)» [13]. «Но необычайная медлительность этого метода отнюдь не соответствовала

[12] М. Н. Покровский, Марксизм и особенности исторического развития России, с. 44.

[13] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 602.

торговым потребностям нового мирового рынка, созданного великими открытиями конца XV века» [14].

Поэтому Маркс характеризует вторую форму как «действительно революционизирующий путь», когда мануфактуры создавались быстрым темпом, путем приложения капитала накопленного в торговле и ростовщичестве к промышленности, опираясь на широко развернувшийся рынок и на быстрый темп концентрации свободных рабочих рук в результате аграрного переворота. «Колониальная система способствовала тепличному росту торговли и судоходства... Колонии обеспечивали рынок сбыта для вновь возникающих мануфактур, а монопольное обладание этим рынком обеспечивало усиленное накопление. Сокровища, добытые за пределами Европы посредством грабежа, порабощения туземцев, убийств, притекали в метрополию и тут превращались в капитал» [15]. «Во главе новой мастерской стоял купец, а не старый цеховой мастер. Почти повсюду между мануфактурой и ремеслом велась ожесточенная борьба» [16].

В III томе «Капитала», в главе «Из истории купеческого капитала», Маркс указывает на третью форму превращения ремесла в мануфактуру, характеризуя ее как реакционную. «Переход от феодального способа производства совершается двояким образом. В противоположность земледельческому натуральному хозяйству и связанному цехами ремеслу средневековой городской промышленности производитель становится купцом и капиталистом. Это действительно революционизирующий путь. Или же купец непосредственно подчиняет себе производство. Какое бы влияние не оказывал последний путь исторически как переходная ступень—примером может служить английский clothier (суконщик) XVII столетия, который подчиняет своему контролю ткачей, все же остававшихся самостоятельными, продает им шерсть и скупает у них сукно—однако он сам по себе не ведет к перевороту в старом способе производства, который скорее консервируется и удерживается при этом как необходимое для него самого предварительное условие... Такие отношения повсюду являются препятствием для действительного капиталистического способа производства и гибнут по мере его развития. Не совершая переворота в способе производства, они только ухудшают положение непосредственных производителей, превращают их в простых наемных рабочих и пролетариев при худших условиях, чем для рабочих, непосредственно подчиненных капиталу, и присвоение их прибавочного труда совершается здесь на основе старого способа производства» [17].

В России процесс перехода от ремесла к мануфактуре совершался во всех указанных формах, но господствующими были первый и третий путь, второй же осуществлялся очень своеобразно. Отсутствие цеховых

---

[14] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 602.
[15] Там же с. 605.
[16] К. Маркс, Нищета философии, Соч. т. V, с. 368.
[17] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 258.

организаций (или слабое их развитие) позволяло ремесленнику скорее нежели на Западе перерастать в мелкого товаропроизводителя на основе простой кооперации, а затем и в мануфактуриста. И действительно мы в XVII и XVIII вв. можем наблюдать эту эволюцию среди ремесленников—крестьян нечерноземной полосы. Но этот процесс происходил очень медленно, несмотря на отсутствие задерживающего фактора ввиде цеховой организации. Накопление капиталов происходило очень медленно, так как ремесленник был крепостным и должен был отдавать большой денежный оброк помещику. Зато прикрепление ремесленников к земле, отсутствие цеховой организации, широкий географический размах рынка давал большой простор охвату и подчинению торговым капиталом этих мелких товаропроизводителей. Ленин в «Развитии капитализма» подчеркивает мелкий характер русских свободных капиталистических мануфактур и огромнейшее распространение эксплоатации торговым капиталом мелких производителей, причем русский мануфактурист выступал больше как скупщик, нежели руководитель капиталистического производства в мануфактуре.

Что же касается наиболее революционной формы превращения ремесла в мануфактуру путем организации торговым капиталом централизованных мануфактур, то этот путь в России принял своеобразный характер. Торговый капиталист имел дело с закрепощаемой, а не освобождаемой от феодальной зависимости рабочей силой; внешний рынок не давал таких могучих стимулов для организации мануфактур как это было напр. в Англии, внутренний же рынок в силу прикрепления огромной массы крестьян развивался очень медленно. Поэтому накопленный в торговле и ростовщичестве капитал оплодотворял крепостническую мануфактуру, основанную на крепостном труде и работавшую (за исключением Урала) на монопольный государственный рынок. Конечно эти мануфактуры не могли послужить основанием для развития прогрессивных форм промышленного капитала, но в тоже время они тормозили развитие и свободных мануфактур, т. к. заполняли имевшийся налицо государственный рынок.

Торговый капитал тем более мог теснейшим образом связаться с крепостной организацией труда в мануфактуре, что само происхождение этого капитала было связано с эксплоатацией прикрепленного крестьянина через барщину, через систему монополий и откупов. В истории России сам помещик очень часто выступал в роли торговца или наоборот торговец-ростовщик, откупщик, монополист становился землевладельцем-крепостником, ибо источник их эксплоатации был один и тот же.

Говоря о русском феодализме до XVI в., мы указывали на слабую связь крестьянских хозяйств с рынком, на слабое проникновение торгово-денежных отношений в толщу крестьянских хозяйств. Русский крестьянин вошел в XVI век с натуральным обликом хозяйства. Его хозяйство было приспособлено больше для уплаты натуральной ренты, нежели

денежной. С XVI в. в нечерноземной полосе вместе с развитием ремесла и начальных стадий промышленного капитализма в порах крестьянских хозяйств и ростом городов происходит процесс втягивания крестьянских хозяйств в торгово-денежные отношения. Но внутренняя экономическая организация крестьянских хозяйств очень туго поддавалась разлагающему влиянию рынка. Процесс товаризации крестьянских хозяйств шел очень медленно, а тем самым русский крестьянин очень медленно превращался из плательщика ренты натуральной в плательщика денежной ренты. Западно-европейский крестьянин (Франции, Англии и т. д.) эту эволюцию проделал еще в эпоху феодализма, так как он уже довольно рано был втянут в торгово-денежные отношения в силу развития ремесла и выделения его в город. Русский крестьянин начинал оборачиваться к рынку в основном только с XVI века. Между тем помещик гораздо быстрее был вовлечен в орбиту торгово-денежных отношений, страсть к деньгам, как к всеобщему эквиваленту, в связи с открывшейся возможностью получать предметы роскоши из Западной Европы и пользоваться плодами городской культуры, развилась у него быстрым темпом. Крепостное право и явилось тем рычагом, посредством которого помещик стимулировал крестьянские хозяйства к развитию товарно-денежных отношений, к выходу на рынок в качестве продавца сельскохозяйственных продуктов для уплаты денежного оброка. Таково, на мой взгляд, чисто экономическое объяснение перехода к крепостному праву вместе с переходом к денежному оброку в нечерноземной полосе.

Маркс пишет, что «при денежной ренте традиционное обычно-правовое отношение между зависимым непосредственным производителем, владеющим частью земли и обрабатывающим ее, и между земельным собственником необходимо превращается в договорное, определяемое точными нормами положительного закона чистое денежное отношение. Поэтому возделыватель-владелец фактически становится простым арендатором. Это превращение, при наличности прочих благоприятных общих отношений производства, с одной стороны, утилизируется для того, чтобы постепенно экспроприировать старых крестьян-владельцев и заменить их капиталистическим арендатором; с другой стороны, оно ведет к тому, что прежний владелец выкупает свое обязательство, выплачивает ренту и превращается в независимого крестьянина, с полной собственностью на возделываемую им землю» [18]. Действительно, указанные процессы происходили в странах Западной Европы начиная с XVI в., подготовленные долгим периодом развития ремесла, городов и торгово-денежных отношений еще в порах феодализма. В России же вместо перехода на договорные чисто денежные отношения, вместо экспроприации массы крестьян и развития фермерства, вместо выкупа крестьянами своих повинностей, идет процесс усиления личной зависимости параллельно переходу к денежной ренте.

---

[18] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. 1, с. 308.

Объяснение этому явлению нужно искать, как было уже указано выше, в том факте, что русский крестьянин не был подготовлен своим историческим прошлым для того, чтобы выступить в качестве арендатора или даже просто плательщика денежной ренты, его нужно было стимулировать в этом направлении.

Фактическая история крестьянской торговли сельскохозяйственными продуктами показывает, что крестьяне выступали на рынке как продавцы сельскохозяйственных продуктов прежде всего для уплаты денежного оброка помещику и государству. Крепостное право было могучим рычагом товаризации крестьянских хозяйств. «Несомненно, что денежные оброки и подати были в свое время важным фактором развития обмена» (Ленин). Вместе с тем необходимо отметить еще одно важное обстоятельство. Довольно большая масса крестьян не черноземной полосы чем дальше, тем больше переходила к неземледельческим промыслам—отхожим, ремеслу, сезонным работам и т. д., свободные отношения означали бы уход этих групп в города из-под эксплоатации помещика. Поэтому помещик, чем мощнее развивались тенденции к внеземледельческим промыслам, тем сильнее зажимал пресс крепостного права, снимая сливки, беря дань с начавшегося процесса развития торгово-денежных отношений и начальных стадий капитализма. Город, сыгравший в Западной Европе огромную роль в освобождении ремесленников из под власти феодала, в России, в силу слабости ремесла и торговли до XVI в., не сформировал в своих стенах революционного класса и не создал условий для превращения бегущих в город ремесленников в свободных. Воздух русских городов не делал крестьян свободными. Класс же торговой буржуазии, быстро сформировавшийся в городах, был заинтересован в крепостном праве, так как оно было мощным орудием, толкавшим крестьян и ремесленников к выходу на рынок, где они, раздробленные, связанные со своим маленьким наделом внеэкономическим принуждением, подгоняемые на рынок для уплаты денежных оброков, попадали в лапы скупщика-торговца, откупщика и т. д.

Маркс в деле усиления эксплоатации непосредственных производителей отводит довольно большую роль ростовщичеству, которое особенно сильно развивается в эпоху начальных стадий торгово-денежных отношений. «С другой стороны,—пишет Маркс,—пока господствует рабство или прибавочный труд съедается феодалами и их челядью и они попадают под власть ростовщичества, способ производства остается тот же; только он становится более суровым. Впавший в долги рабовладелец или феодал высасывает больше, так как из него самого высасывают. Но самый способ производства не меняется» [19].

Если вскрыть сущность производственных отношений, установившихся с XVI в. в оброчной нечерноземной полосе, то никак иначе, как

[19] К. Маркс, Теории приб. ценности, т. III, с. 405.

феодальными их назвать нельзя, это есть прямое переживание феодализма в условиях медленно развивающихся товарно-денежных отношений. Здесь нет надобности останавливаться на том, что крепостное право, стимулируя развитие товарно-денежных отношений в среде крестьян нечерноземной полосы, вместе с тем выступало в качестве силы, тормозящей это развитие торгово-денежных отношений, мешавшей четкому процессу формирования капиталистических отношений в порах крестьянского хозяйства оброчной полосы.

Исходя из теории т. Дубровского никак нельзя объяснить факт широкого развития с XVI в. (в особенности с XVII в.) денежного оброка с одновременным усилением крепостного права. Считать, что мы здесь имеем дело с крепостнической общественно-экономической формацией, нельзя, ибо она, по мнению т. Дубровского, основывается на барщине, считать же, что это пережиток феодализма в крепостной общественно-экономической формации—тоже нельзя, ибо при феодализме, по мнению т. Дубровского, существуют мягкие формы зависимости, а не крепостное право; вместе с тем нельзя же считать пережитком феодализма в недрах крепостничества огромнейшую полосу оброчных имений (45% крепостных крестьян), причем как-то странно географически локализированную в определенном районе. Нет, теория т. Дубровского никак не объясняет развития денежного оброка и крепостного права в нечерноземной полосе. Да он и не пытается объяснить это явление, просто обходя его. Говоря об остатках феодализма в XVIII в., он указывает только на государственных крестьян. «Разумеется,—пишет он, не следует думать, что в России крепостничество целиком вытеснило феодализм. Даже в XVIII веке имелись феодальные пережитки, которые выражались например в наличии так называемых государственных крестьян в северных губерниях, в Сибири и др. районах, в наличии казачества... Поэтому строй дореволюционной России сплошь и рядом называют феодально-крепостническим» [20]. На кого из историков расчитаны эти строки—сказать очень трудно.

Очерченный нами выше темп и характер развития обрабатывающей промышленности определили медленность темпа развития внутреннего рынка для сельскохозяйственных продуктов. Ремесло и начальные стадии капитализма, развиваясь в среде крестьян-землевладельцев нечерноземной полосы, обслуживались сельскохозяйственными продуктами «тутошних» крестьян—денежных оброчников. Северный и др. районы, нуждавшиеся в привозном хлебе, слишком медленно расширяли свои потребности в нем. Города, в силу медленности роста их населения и большой связанности городского населения с своим собственным подгородним сельским хозяйством, также не представляли быстро растущих концентрированных рынков для сельскохозяйственных продуктов.

---

[20] С. М. Дубровский, указ. книга, с. 98.

Этот медленно развивающийся внутренний рынок для сельскохозяйственных продуктов был первой предпосылкой развития, а в дальнейшем определял собой устойчивость крепостного (барщинного) хозяйства. Медленно растущий рынок не давал стимулов для быстрого перехода феодального хозяйства на рельсы товарного производства и капиталистической организации труда. Бурный переворот в английском сельском хозяйстве в сторону капиталистических отношений определился потребностями в шерсти для выросшей суконной мануфактуры, работавшей для европейского рынка.

«Непосредственный толчок к этому в Англии,—пишет Маркс,—дал расцвет фландрской шерстяной мануфактуры и связанное с ним повышение цен на шерсть. Старую феодальную знать поглотили великие феодальные войны, а новая была дитя своего времени, для которой деньги являлись силой всех сил. Превращение пашни в пастбища для овец стало лозунгом феодалов» [21].

В дальнейшем быстрый темп развития капитализма в английском сельском хозяйстве определялся быстрым темпом концентрации городского населения в связи с обезземеливанием крестьян и развитием крупной промышленности. У нас условий для такого переворота не было. К тому же русский феодал (как крупный, так и мелкий) до XVI века очень слабо был связан с рынком, его хозяйство не было приспособлено к обслуживанию рынка, он пользовался в основном натуральными оброками, так что ему трудно было в XVI в. сразу переходить на капиталистические формы ведения сельского хозяйства. Вместе с тем в среде крестьянских хозяйств феодальной России до XVI века не сформировался класс зажиточных крестьян, которые могли бы выступить в качестве капиталистических фермеров [22]. С другой стороны, как простого плательщика денежного оброка феодал мог использовать русского крестьянина только в нечерноземной полосе, и то применяя при этом внеэкономическое принуждение в виде крепостного права. В черноземной же полосе, где только с XVII в. слабо развиваются ремесло и начальные стадии капитализма, крестьянин еще медленнее мог стать таким плательщиком денежного оброка. Поэтому помещик свою жажду в деньгах начинает здесь удовлетворять путем выброски сельскохозяйственных продуктов своего собственного хозяйства на медленно растущий рынок, используя крестьян в качестве рабочей силы. Географическая локализация типов эксплоатации —в нечерноземной полосе денеж-

---

[21] К. Маркс, Капитал, т. I, с. 711.

[22] В Англии процесс создания такого фермера происходил еще в недрах феодализма. «Мы можем проследить его шаг за шагом, так как это медленный процесс, прокатывающийся через многие столетия. Имущественные отношения среди самих крепостных, не говоря уже о существовавших рядом с ними свободных мелких земельных собственниках, были очень различны, а потому и эмансипация их совершалась при очень различных экономических условиях» (К. Маркс, Капитал, т. I с. 735).

ного оброка, в черноземной-барщины—намечается еще в XVI—XVII вв. и окончательно кристаллизуется в XVIII в. параллельно сползанию собственно сельскохозяйственного производства на черноземный юг. Систематическое сползание зернового хозяйства на черноземный юг и Поволжье оказало большое влияние на распространение и укрепление барщины. Сельскохозяйственное производство удалялось от рынков сбыта (нечерноземная полоса и города старого Замосковья), южные же города как центры потребления сельскохозяйственных продуктов росли очень медленно. В виду отдаленности рынков крестьянин черноземной полосы менее всего мог выступить продавцом продуктов своего хозяйства. Организация барщинного хозяйства с доставкой сырья в центр на крестьянских подводах являлась неизбежным выходом при таком положении.

В этом географическом размежевании типов эксплоатации непосредственных производителей-крестьян, присущих феодализму, проявилось приспособление феодальных отношений производства к медленному темпу общественного разделения труда и медленному росту товарно-денежных отношений (или иначе, к медленному темпу развития внутреннего рынка как для продуктов сельского хозяйства, так и обрабатывающей промышленности). В нечерноземной полосе феодал-помещик использовал процесс выделения ремесла и начальных стадий капитализма в порах крестьянских хозяйств, охватив этот процесс крепостным правом и использовав его в своих интересах, в черноземной полосе использовал открывшийся рынок сельскохозяйственных продуктов для получения денег посредством продажи части продукции своего хозяйства, основанного на использовании крестьян как рабочей силы.

В русской марксистской исторической литературе впервые особенно четко связал процесс развития крепостничества с развитием торгово-денежных отношений М. Н. Покровский. Этим объяснение основного явления русского исторического процесса докапиталистического периода поставлено было на новые и твердые рельсы по сравнению с объяснением этого периода буржуазной историей. Но в настоящее время недостаточно доказательства того, что крепостничество связано с торговым капиталом, необходимо показать, почему развитие торгово-денежных отношений привело в России не к разложению феодализма, а к его консервации. Направление, по которому на наш взгляд и нужно итти в деле объяснения этого явления, намечено нами выше. Слабая товаризация помещичьего и крестьянского хозяйств в эпоху русского феодализма до XVI в., слабое выделение ремесла в городе и замедленное формирование класса революционной буржуазии—исходный момент этого пути. Основное в этом типе развития—медленность и своеобразие процесса развития ремесла, и в особенности начальных стадий капитализма с XVI века; этот процесс не мог разложить феодализма, а наоборот дал возможность именно в силу медленности своего развития охватить

феодальными формами рост общественного разделения труда и торгово-денежных отношений.

В интересной статье «Ранняя буржуазная революция в России (Пугачевщина)» тов. Меерсон переход к барщинному хозяйству в России ставит в непосредственную связь с быстро развивавшимся в XVI веке экспортом сельскохозяйственного сырья для Запада.

«Поставщики сельскохозяйственных продуктов для стран промышленных—страны к востоку от Эльбы—исторически были совершенно неподготовлены к тому, чтобы поставить для массового капиталистического сбыта крупное капиталистическое производство; им оставалось использовать существующее полунатуральное крестьянское хозяйство и крупное феодальное землевладение, чтобы создать из них такой экономический симбиоз, который дал бы возможность торговому капиталу хищнической, паразитической эксплоатации производительных сил мелкого производства—на застойной технической базе, сохраняя ее и неизменно ее воспроизводя,—выбрасывать в каналы международного рынка, в промышленные города к западу от Эльбы, массу продуктов питания и промышленного сырья». «К половине XVI в. и аграрная Россия была включена в круг поставщиков сырья для стран к западу от Эльбы». [23]

Крепостное (барщинное) хозяйство, следовательно, есть крупное товарное производство, основывающееся на феодальной системе организации труда и приспособленное к обслуживанию сельскохозяйственными продуктами экономически передовых стран Европы.

Эта точка зрения, логически стройная и довольно интересная, как смелая конструкция, не может быть выведена из анализа действительной сущности крепостного хозяйства и процесса его возникновения. Приводимые самим же Меерсоном факты экспорта сельскохозяйственных продуктов в XVI веке, взятые им у Флетчера, не дают оснований для признания решающей роли экспорта сольскохозяйственных продуктов в судьбах русского сельского хозяйства. Вывозилось почти исключительно сало, кожа и лен с пенькой, тогда как русское сельское хозяйство носило характер почти исключительно зерновой. На базе товаризации отдельных отраслей сельского хозяйства (скотоводства и льноводства) не могло создаться барщинное хозяйство. Оно создалось на базе медленной товаризации зернового хозяйства, работавшего главным образом на внутренний рынок, и в своем дальнейшем развитии оно определялось темпом товаризации именно этого зернового хозяйства. Проблема ликвидации крепостного хозяйства встанет в связи с усилением экспорта зерновых культур в XIX в. и ростом внутреннего рынка для них. Скотоводство и льноводство были просто наиболее товарными частями этого основного зернового хозяйства.

Вместе с тем слишком большой модернизацией будет рассматривать барщинное хозяйство, как товаропроизводящее, уже с XVI века. Только

[23] «Вестник Комм. академии», № 13, с. 44.

отдельные наиболее крупные хозяйства XVII в. (напр. Морозова и Алексея Михайловича) пошли довольно далеко в деле своей товаризации; хозяйство же среднего помещика (см., напр., хозяйство Безобразова, описанное Новосельским, или монастырское хозяйство хотя бы Солотчинского монастыря и т. д.) носит на себе печать потребительского хозяйства, связь которого с рынком не является решающим явлением для внутренней структуры этих хозяйств.

Крепостное (барщинное) хозяйство есть приспособление феодального хозяйства к обслуживанию медленно развивающегося внутреннего и внешнего рынков в интересах удовлетворения выросшей у помещика потребности в деньгах. И только в процессе долгой эволюции оно становится товаропроизводящим.

С точки зрения марксизма совершенно необъяснимо столь длительное существование крупного товарного производства, основанного на феодальной системе организации труда. Тов. Меерсон конечный результат эволюции барщинного хозяйства, как оно сложилось к началу XIX в., принял за исходный пункт его развития. Ссылки на крупные товарные хозяйства, основанные на рабском труде в колониях (и в Америке), не меняют дело, ибо, как пишет Маркс, «в колониях второго типа на плантациях, которые с самого начала имеют в виду торговлю, производят для мирового рынка, существует капиталистическое производство, хотя лишь формально, так как рабство негров исключает свободный наемный труд, т. е. основу капиталистического производства. Но здесь при рабстве негров дело ведется капиталистами. Способ производства, который они вводят, возник не из рабства, но прививается ему» [24].

Барщинное же хозяйство возникает, как развитие феодальной системы организации труда, имея своим исходным моментом потребительское хозяйство помещика, эксплоатирующее труд крестьян. Другое дело, что помещичье хозяйство, выступая на рынке, как хозяйство, имеющее целью производство потребительных ценностей, именно в силу связи с рынком будет проделывать внутреннюю эволюцию в сторону товаропроизводящего. Эта эволюция будет предметом нашего анализа в следующей главе.

Выше мы рассматривали процесс развития крепостных отношений, не касаясь сопутствующих этому процессу классовых битв, войн и т. д. Между тем, как видно из приведенных выше замечаний Энгельса, эти моменты играли огромную роль в возобновлении крепостничества в Германии. То же самое и в России. Не вступая в оценку мнения, высказанного в исторической литературе о том, что темп развития общественного разделения труда и роста товарно-денежных отношений в начале XVI в. сулил быстрый переход страны на капиталистические рельсы, мы

---

[24] К. Маркс, Теории прибавочной ценности, т. II, ч. 2, с. 48.

должны указать на действительно энергичный темп развития общественного разделения труда и роста торгово-денежных отношений в начале XVI века. Но этот темп был снижен опричниной, которая ударила одним концом по крупному феодалу, стороннику удельной раздробленности, а другим по ремесленнику и крестьянину. Участник походов опричников Генрих Штаден в своих воспоминаниях рисует картину грабежа крестьян опричниками. Начавшийся было подъем благосостояния крестьян опять был нарушен; в результате разорения крестьянин терял свою сопротивляемость процессу увеличения эксплоатации. На рост денежных оброков и барщины он реагировал массовым отливом на юг. Сельскохозяйственный кризис 70-х годов XVI в., основной причиной которого является отлив сельскохозяйственного населения на юг (да не только сельскохозяйственного, но и городского), еще больше снизил темп общественного разделения труда и роста внутреннего рынка. Вместо того, чтобы углубляться, рынок как бы расползался. Отход крестьян вызвал бешеную погоню за рабочей силой различных групп феодалов. Всевозможные законы, регулирующие и наконец запрещающие выход, явились результатом этой борьбы.

Ползущего из-под рук крестьянина можно было эксплоатировать, предварительно закрепив его за собой, усилив личную власть над ним. Усиление личной власти, рост и углубление феодального вотчинного режима идут параллельно росту эксплоатации и прекращению выхода крестьян. В этот период крестьяне de facto начинают превращаться в «крещеную собственность», которую продают с землей и без нее, делят и меняют.

Мощный толчек дальнейшему разорению крестьян и ремесленников дан был в эпоху Смуты. Если не в течение целого поколения, как это было в Германии, то в течение многих лет в России хозяйничала та же разнузданная солдатчина. И после Смуты мы видим, как крестьянин за кусок хлеба, за ссуды для нового обзаведения или обновления старого хозяйства идет в личную кабалу, превращается в крепостного. Но эта же смута затормозила и развитие торгово-денежных отношений. Возврат натуральных повинностей (продуктовая рента), на что указывает т. Покровский, только показывает на натурализацию хозяйств непосредственных производителей крестьян. Тем более в итоге экономических потрясений Смуты должно было расти крепостное право, выжимающее денежную ренту из разоренного крестьянина нечерноземной полосы, и барщина, как рациональная форма эксплоатации крестьянина, являющегося плохим плательщиком денежных оброков в черноземной полосе, но зато вполне удовлетворительной рабочей силой при условии медленного темпа развития рынка сельскохозяйственного сырья и непрекращающегося роста потребностей в деньгах у помещика.

III. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КРЕПОСТНОГО (БАРЩИННОГО) ХОЗЯЙСТВА В РОССИИ XVII—XIX ВВ.

Изучение сущности крепостного хозяйства, господствовавшего в России с XVI по первую половину XIX в., представляет для историка марксиста не только чисто научный интерес как изучение одной из форм разложения феодализма и вызревания капиталистических отношений: можно сказать, что чисто научный интерес в деле изучения крепостного хозяйста имеет подчиненное значение по отношению к практически-политическому интересу. Длительное господство крепостного хозяйства и своеобразные черты начальных стадий вызревания капитализма определили собой особенности в развитии русского капитализма, к которым в первую голову относятся противоречия между быстро выраставшим промышленным капиталом и медленным темпом капитализации сельского хозяйства (прусский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, как определил его Ленин). Этот характер развития капитализма определил и соответствующую конфигурацию классовых сил в России. На одном полюсе мы имеем помещика, медленно растущего в предпринимателя (юнкера), сохранявшего массу остатков крепостничества (феодализма), в том числе и абсолютную монархию, и русского капиталиста, связанного с этим прусским путем, с этой полуфеодальной властью, мечтавшего только о более быстром темпе капитализации сельского хозяйства, но тем же прусским путем, и об ограничении в свою пользу, но отнюдь не ликвидации монархии. На другом полюсе пролетариат, быстро выросший и концентрированный, страдавший не только от капитализма, но и от остатков крепостничества, и крестьянство, сохраненное прусским путем и медленно разоряющееся под его воздействием.

Русский революционный марксизм при намечении стратегии революционной борьбы должен был изучить это своеобразие экономического развития и расстановку классовых сил, и, изучая, он должен был обратиться к характеристике крепостного хозяйства, исторически определившего это своеобразие.

Именно с этой точки зрения, с точки зрения влияния крепостного хозяйства на развитие русского капитализма, и подходил к его изучению Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России». Ленин заложил основание для правильного понимания не только русского капитализма, но и русского крепостного хозяйства.

Ленин считал русское крепостное (барщинное) хозяйство как по системе производственных отношений и организации труда, так и по его внутренней экономической структуре, хозяйством феодального типа. В своей статье по поводу 50-летия реформы 1861 г. Ленин писал: «Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)» [25].

---

[25] Ленин, т. XI, ч. II, с. 231.

Говоря о крестьянском и рабочем отделах программы РСДРП, Ленин указывает, что «их коренное отличие состоит в том, что рабочий отдел содержит требования, направленные против буржуазии, а крестьянский— требования, направленные против крепостников-помещиков» (против феодалов, сказал бы я, если бы вопрос о применимости этого термина к нашему поместному дворянству не был таким спорным вопросом). В подсрочном примечании Ленин заявляет: «Я лично склонен решать этот вопрос в утвердительном смысле, но в данном случае, разумеется, не место и не время обосновывать и даже выдвигать это решение, ибо речь идет теперь о запрете коллективного, общередакционного проекта аграрной программы» [26].

Исходя из тождества крепостного хозяйства с феодальным, Ленин, опираясь на главу из III тома «Капитала» о генезисе капиталистической земельной ренты, дал следующую характеристику крепостному хозяйству:

«За исходный пункт при рассмотрении современной системы помещичьего хозяйства необходимо взять тот строй этого хозяйства, который господствовал в эпоху крепостного права. Сущность тогдашней хозяйственной системы состояла в том, что вся земля данной единицы земельного хозяйства, т. е. данной вотчины, разделялась на барскую и крестьянскую; последняя отдавалась в надел крестьянам, которые (получая сверх того и другие средства производства, например лес, иногда скот и т. п.) своим трудом и своим инвентарем обрабатывали ее, получая с нее свое содержание. Продукт этого труда крестьян представлял собой необходимый продукт, по терминологии теоретической политической экономии, необходимый для крестьян, как дающий им средства к жизни, для помещика—как дающий ему рабочие руки; совершенно точно так же, как продукт, возмещающий переменную часть стоимости капитала, является необходимым продуктом в капиталистическом обществе. Прибавочный же труд крестьян состоял в обработке ими тем же инвентарем помещичьей земли; продукт этого труда шел в пользу помещика. Прибавочный труд отделялся здесь, следовательно, пространственно от необходимого: на помещика обрабатывали барскую землю, на себя—свои наделы, на помещика работали одни дни недели, на себя—другие. «Надел» для крестьянина служил таким образом в этом хозяйстве как бы натуральной заработной платой (выражаясь применительно к современным понятиям) или средством обеспечения помещика рабочими руками. «Собственное» хозяйство крестьян на своем наделе было условием помещичьего хозяйства, имело целью «обеспеченее» не крестьянина средствами к жизни, а помещика рабочими руками.

Эту систему хозяйства мы и называем барщинным хозяйством. Очевидно, что ее преобладание предполагало следующие необходимые условия: во-первых, господство натурального хозяйства. Крепостное поместье

---

[26] Ленин, т. IX, с. 292.

должно было представлять собой самодовлеющее, замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром. Производство хлеба помещиками на продажу, особенно развившееся в последнее время существования крепостного права, было уже предвестником распадения старого режима. Во-вторых, для такого хозяйства необходимо, чтобы непосредственный производитель был наделен средствами производства вообще и землею в частности; мало того — чтобы он был прикреплен к земле, так как иначе помещику не гарантированы рабочие руки. Следовательно, способы получения прибавочного продукта при барщинном и капиталистическом хозяйствах диаметрально противоположны друг другу: первый основан на наделении производителя землей, второй—на освобождении производителя от земли. В-третьих, условием такой системы хозяйства является личная зависимость крестьянина от помещика. Если бы помещик не имел прямой власти над личностью крестьянина, то он не мог бы заставить работать на себя человека, наделенного землей и ведущего свое хозяйство. Необходимо, следовательно, «вне-экономическое принуждение», как говорит Маркс, характеризуя этот хозяйственный режим, подводимый им, как уже было сказано выше, под категорию отработочной ренты («Капитал», т. III, с. 324). Формы и степень этого принуждения могут быть самые различные, начиная от крепостного состояния и кончая сословной неполноправностью крестьянина. Наконец, в-четверых, условием и следствием описываемой системы хозяйства было крайне низкое и рутинное состояние техники, ибо ведение хозяйства было в руках мелких крестьян, задавленных нуждой, приниженных личной зависимостью и умственной темнотой»[27].

Во втором примечании к этой характеристике Ленин пишет: «Возражая Генри Джорджу, который говорил, что экспроприация массы населения есть великая и универсальная причина бедности и угнетения, Энгельс писал в 1887 году: «Но это не совсем правильно и исторически... В средние века источником феодального гнета была не экспроприация земли у населения, а наоборот, его прикрепление к земле. Крестьянин сохранял свою землю, но был прикреплен к ней, как серв или виллан, и был принужден нести в пользу господина повинности трудом или продуктом».

Ссылаясь на указания Энгельса на формы эксплоатации в средние века, т. е. в эпоху феодализма, Ленин тем самым подчеркивает общность феодальной формы эксплоатации с крепостнической. В своей работе «Что такое друзья народа», высмеивая Михайловского по поводу его утверждения о принадлежности земли земледельцу в эпоху феодализма, Ленин дает характеристику действительных производственных отношений эпохи феодализма, совершенно тождественную с приведенной выше характеристикой крепостничества [28].

---

[27] Ленин, Развитие капитализма в России, Соч. т. III, с. 139–141.

[28] Ленин т I, с. 105.

В другом месте Ленин пишет, что «отработка крестьян за „отрезанные земли“—прямое переживание феодального способа производства» . Подобная же характеристика отработочной системы как пережитка феодализма имеется и в IX томе Ленина [29].

Все приведенное выше убедительно показывает, что Ленин считал крепостное (барщинное) хозяйство не особой общественно-экономической формацией, а типом феодального хозяйства. Ленин считал крепостное хозяйство известной правильной и законченной системой, но в представлении Ленина эта система была хозяйством феодального типа. Характеристика, данная Лениным системе организации труда и производственных отношений крепостного поместья, целиком и полностью может быть применена к феодальному поместью, напр. Англии X-XIII вв., и вполне подтверждает характеристику феодальных производственных отношений, данную нами в первой главе статьи.

Одно положение Ленина при буквальном его понимании не отвечает действительному характеру русского крепостного хозяйства. Ленин пишет, что преобладание барщинного хозяйства предполагает «господство натурального хозяйства». Ленин в данном случае характеризует крепостное хозяйство как хозяйственную форму феодальной общественно-экономической формации, противопоставляя ее капиталистической форме хозяйства. Конечно в таком случае крепостное хозяйство отличается от капиталистического как натуральное потребительское от товаропроизводящего. Ленин не рассматривал в данном случае крепостное хозяйство в его развитии, внутренней эволюции, это не входило в его задачу. Если же рассматривать крепостное хозяйство с точки зрения его конкретной эволюции а не просто как тип хозяйства, то мы должны будем притти к выводу, что преобладание барщинного хозяйства в России XVII—XVIII вв. не было связано с преобладанием натурального хозяйства. Крепостное поместье с барщинной системой организации труда, как мы видели выше, пришло на смену вотчине русского раннего феодализма, основанной на эксплоатации крестьян в форме ренты продуктами, именно в связи с развитием в экономике России начальных стадий промышленного капитализма и торгового капитала. Оно в своем развитии не представляло собой «самодовлеющее замкнутое целое, находящееся в очень слабой связи с остальным миром», а было довольно тесно связано с рынком. Работа помещика на рынок, в полной мере развивавшаяся действительно, как это указывает Ленин, лишь в последнее время существования крепостного хозяйства, началась еще в XVI веке.

Особенно четко и ярко, как мы уже указывали, подчеркнул эту связь крепостного хозяйства с рынком т. Покровский в III томе «Русской истории с древнейших времен». Выступая решительно против утвердившегося в буржуазной науке мнения о господстве в экономике России

[29] Ленин, т. I, с. 311.

XVIII в. натурального хозяйства, т. Покровский экономическое развитие России XVI—XVIII вв. поставил в непосредственную связь с развитием торгового капитала, и начальных стадий промышленного капитализма. Развитие торгового капитала являлось результатом роста общественного разделения труда и усилившейся торговой связи с Западом, начиная с XVI века, и опиралось на господствовавшее в области производства с.-х. продуктов барщинное хозяйство, а в области обрабатывающей промышленности—мелкое производство ремесленного типа, находившееся в стадии перерастания в простую кооперацию и мануфактуру. Нужно указать, что и Ленин в своей лекции о государстве, прочитанной в 1919 году для свердловцев, считает, что «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму».

Связывая русское крепостное право с развитием начальных стадий капитализма, т. Покровский однако в полном согласии с Лениным не считал крепостничество новой общественно-экономической формацией. Крепостничество, по мнению т. Покровского, есть «новый феодализм», т. е. феодализм, приспособленный к начальным стадиям развития капитализма.

Крепостное барщинное хозяйство уже с XVI века выступает как составное звено в системе общественного разделения труда в качестве поставщика на формирующийся внутренний и внешний рынок с.-х. продуктов, быстрым темпом оттесняя в этой роли мелкое крестьянское производство. В этой объективной роли и заключалась жизненность помещичьего хозяйства и в то же время основная причина его эволюции по пути к разложению.

Выход помещика на рынок в качестве продавца с.-х. продуктов до поры до времени в корне не менял внутренней экономической структуры поместья. Крепостное поместье, как и феодальное, оставалось хозяйством, в основном производящим потребительные ценности, а не меновые. Оно было типом хозяйства, приспособленного в первую очередь к всестороннему удовлетворению потребностей помещика. В нем все экономические явления продолжали оцениваться с потребительской точки зрения.

В своей статье, помещенной в сборнике «От революции к революции», покойный И. И. Степанов дает следующую совершенно правильную и выпуклую характеристику этой экономической структуры поместья:

«В своем чистом виде поместье характеризуется двумя основными особенностями: во-первых, вся хозяйственная жизнь в нем построена на принудительном труде, во-вторых, все экономические явления оцениваются с потребительской точки зрения. Поместье существует для того, чтобы доставить феодалу приличествующее прокормление. Если потребности феодала расширяются количественно, например вследствие возрастания его семьи,—он просто увеличивает размеры оброков и барщины. Так же он

поступает в том случае, когда его потребности развиваются качественно, например когда с развитием обмена новые предметы входят в употребление и, следовательно, повышается тот минимальный уровень, который все еще считается „приличествующим“ для феодала» [30].

«Феодал вообще символизируется желудком, но при товарном хозяйстве, когда обмен делает возможным быстрый (качественный) рост потребностей, он символизируется уже непомерно разросшимся, гипертрофированным желудком» [31].

Основная масса помещиков выступает на рынке не потому, что их хозяйство рассчитано на работу для рынка, а потому, что только через продажу части продукции, произведенной в их хозяйстве, они могут удовлетворить свои качественно и количественно выросшие потребности в условиях начавших усиливаться торгово-денежных отношений. М. Н. Покровский совершенно правильно считает, что «Разница между богатым помещиком екатерининских времен и теперешним крупным буржуа не в их индивидуальном личном хозяйстве, а в социальной основе этого хозяйства. Один эксплоатирует пролетаризированных рабочих при помощи своего капитала, другой—мелких самостоятельных предпринимателей-крестьян при помощи своей власти над ними» [32]. Но он упускает из виду другую принципиальную разницу между капиталистическим и крепостническим поместьем как хозяйствами в первом случае товаропроизводящими, а во втором хозяйством потребительским. Подчеркивание этой характерной черты крепостничества дает нам возможность избежать модернизации крепостничества, сблизить его с феодальным хозяйством и правильно понять, в чем заключалась сущность эволюции помещичьего хозяйства в период XVI—XIX вв. Как раз приводимый т. Покровским в качестве аргумента против оценки крепостного хозяйства как натурального факт о том, что вольно-экономическое общество задавало «для решения публике» задачу: как прожить в Петербурге примерно на двадцать тысяч рублей в год,—блестяще иллюстрирует положение: несмотря на то, что помещики стали связываться с рынком, продавая продукты своих хозяйств, они это делали для того, чтобы прилично прожить в изменившихся экономических условиях.

Отсюда еще одна характерная черта крепостного хозяйства, на которую указывает т. Ленин. «Законом докапиталистических способов производства,—пишет он,—является повторение процесса производства в

[30] И. И. Степанов, От революции к революции, с. 27.

[31] Там же.

«Даже возникшие в рамках земельных владений крепостные хозяйства, совершенно правильно указывает Вернер Зомбарт по поводу зап.-европейского крепостничества, первоначально не являются приобретательскими, но в течение долгого времени остаются хозяйствами, ставящими себе целью покрытие потребностей даже после того, как они (что появляется уже довольно рано) излишек своих продуктов вывозят на рынок». Вернер Зомбарт, «Буржуа», с. 63.

[32] М. Н. Покровский, т. III, с 93.

прежних размерах, на прежнем основании: таково барщинное хозяйство помещиков, натуральное хозяйство крестьян, ремесленное производство промышленников»[33]. Произведенный прибавочный продукт частью проедается в хозяйстве, частью проедается после предварительной реализации его на рынке—деньги употребляются не на покупку новых элементов производственного процесса, а на покупку предметов роскоши. Расцвет крепостной дворянской культуры является прямым показателем экономической сущности крепостничества.

Одно из слабых мест т. Дубровского в обосновании его теории заключается в том, что он не может найти принципиального отличия экономической структуры крепостного поместья от таковой же феодального. «Выше мы приводим,—пишет т. Дубровский,—цитату из Ленина, о том, что крепостное хозяйство являлось натуральным хозяйством, поскольку только капитализм характеризуется товарным производством. Это безусловно верно, но лишь в сравнении с капиталистическим хозяйством, в сравнении же например с феодальным строем крепостное хозяйство характеризуется и большим количеством создаваемого прибавочного продукта, и значительно возросшей денежностью и относительной товарностью всего барщинного хозяйства»[34]. Здесь опять, как и в характеристике производственного базиса «особой крепостнической общественно-экономической формации», т. Дубровской устанавливает отличие крепостничества от феодальной формации чисто количественное. Указывая на большую связь крепостного поместья с рынком по сравнению с феодальным XIV—XV вв., т. Дубровский однако не может сказать, что экономическая структура крепостного поместья стала уже принципиально иная. Нет, крепостное поместье продолжает оставаться, как и поместье феодальное, хозяйством, имеющим целью производство потребительных ценностей.

В связи с этим и утверждение т. Дубровского о том, что «крепостнический землевладелец отличается от феодального пожалуй не меньше, чем капиталистический земельный собственник отличается от крепостнического»[35], приобретает характер ни на чем не основанного заявления, ибо Дубровским не указана принципиально иная экономическая структура крепостного поместья по сравнению с феодальным, представителем которой мог бы выступить крепостник как принципиально отличная фигура хозяйствующего субъекта (или класса). Это очередной теоретический ляпсус т. Дубровского. Сам же он выше указал на то, что крепостное поместье в корне отличается от капитализма, как натуральное от товарного, по отношению же к феодализму только указаны количественные отличия. Смешивание количественных отличий и качественных проходит через всю книгу т. Дубровского.

---

[33] Ленин, т. III, с 37.

[34] С. М. Дубровский, указ. выше книга, с 85.

[35] Там же, с. 93.

Но если бы мы ограничились констатированием того положения, что крепостное (барщинное) хозяйство как по системе производственных отношений, так и по внутренней экономической структуре является хозяйством феодального типа, и свели бы все отличия его от феодального хозяйства к бóльшей связанности с рынком, мы не оттенили бы этим действительного своеобразия крепостного (барщинного) хозяйства, просмотрели бы действительную историческую роль барщинного поместья, как своеобразного пути разложения феодализма и вызревания капитаизма. Крепостное хозяйство, если его рассматривать с этой точки зрения, представляет собой (в своем движении) форму разложения феодализма и в то же время форму внедрения капитализма в сельское хозяйство.

«Америка особенно наглядно подтверждает эту истину, которую подчеркнул Маркс в III томе «Капитала», именно, что капитализм в земледелии не зависит от формы землевладения и землепользования. Капитал застает средневековье и патриархальное землевладение самых различных видов: и феодальное, и «надельно-крестьянское» (т. е. зависимо-крестьянское), и классовое, и общинное, и государственное и т. д. Все эти виды землевладения капитал подчиняет себе. Но в различной форме, различным способом» [36].

В Англии процесс внедрения капитализма в феодальное сельское хозяйство пошел бурным темпом, быстро переводя феодальное поместье в капиталистическое или ликвидируя совсем собственное хозяйство феодальных лендлордов и формируя крупного капиталистического фермера. Во Франции процесс внедрения капитализма шел медленно, он шел через крестьян, выделяя среди них мучительно долго класс крупных фермеров, отстраняя феодала от роли предпринимателя, сводя его роль к собиранию денежных оброков. В России ни тот, ни другой путь, как мы видели, не был возможен. Капитализм в сельское хозяйство России внедрялся через помещичье хозяйство, как единственную форму, обслуживающую рынок, начиная с XVI века (крестьянин был оттеснен с рынка, ибо он превратился в рабочую силу), но в силу медленного темпа развития рынка для с.-х. продуктов этот процесс шел страшно медленно. Вся история крепостного барщинного хозяйства есть история превращения его из хозяйства потребительского в товаропроизводящее, а помещика из потребителя в сельскохозяйственного предпринимателя.

М. Н. Покровский в своей статье «Крестьянская реформа» в «Истории XIX в.» Граната пишет: «Читателю уже известна сущность той перемены, которую пережило помещичье хозяйство на протяжении второй четверти XIX века. Ее, эту перемену, можно кратко охарактеризовать словами историка прусского крепостного права: «Барин стал сельским хозяином». Около этого превращения феодала в предпринимателя вертится, можно без преувеличения сказать, вся экономическая история

[36] Ленин, Новые данные о законах развития капитализма в земледелии. Капитализм и земледелие в США, т. IX, с. 201.

России за те сорок лет, которые прошли между гибелью декабристов с одной стороны и выстрелом Каракозова с другой».

Подмеченный процесс превращения феодала в сельского хозяина особенно быстро происходил в начале XIX века, но этот процесс начался уже в XVI веке, и третий том «Истории России с древнейших времен» посвящен доказательству именно того, что помещик уже в XVII-XVIII вв. становится на стезю предпринимательства.

Помещик в XVI-XVII вв. расширяет свое хозяйство (запашки), ибо он иначе не получит денег, которые ему нужны для удовлетворения своих выросших потребностей, он субъективно еще не выступает в качестве сельскохозяйственного предпринимателя, ставящего себе целью работу для рынка и подчиняющего этой цели всю внутреннюю структуру поместья. Он еще потребитель и свою связь с рынком рассматривает, как необходимое звено в деле удовлетворения своих потребностей. Но его хозяйство по отношению к рынку (если смотреть с точки зрения системы общественного разделения труда) выступает с самого начала как единственная форма сельскохозяйственного производства, являющаяся составным звеном в системе общественного разделения труда, могущая удовлетворить объективно развивающийся вслед за развитием общественного разделения труда рынок. Крестьянское хозяйство оттеснено с рынка, помещик, не имея возможности использовать крестьянина как денежного арендатора в виду слабой товарности крестьянского хозяйства, использовал его в качестве рабочей силы. Но эта объективная роль поместья как звена в системе общественного разделения труда и будет основной силой, толкающей и самого помещика на путь предпринимательства.

Маркс указывает то звено, посредством которого феодал втягивается в предпринимательство. «Конечно,—пишет он,—торговля будет оказывать большее или меньшее влияние на общества, между которыми она ведется; производство она все более и более будет подчинять меновой стоимости, потому что наслаждение и потребление она ставит в большую зависимость от продажи, чем от непосредственного потребления продукта» [37].

Процесс эволюции «линяния» феодального поместья в капиталистическое в форме барщинного крепостного хозяйства занял в России долгий период времени в силу медленности развития рынка для сельскохозяйственных продуктов. Сама эта форма перерастания тормозила темп внедрения капитализма тем, что процесс перерастания шел на основе закрепощения крестьян, а не отделения их от средств производства; в силу этого процесс формирования капитализма, а потому и внутреннего рынка на другом полюсе—в промышленности шел очень медленно.

Но именно потому, что крепостное поместье выступает с самого начала как потребительское феодальное, оно могло основываться на

[37] К. Маркс, Капитал, т. III, ч. I, с. 254.

барщинной системе. Процесс внедрения товарности в помещичье (барщинное) хозяйство в течение долгого времени происходил на базе барщинной системы, не ставя вопроса о ликвидации этой феодальной системы организации труда потому, что само поместье вплоть до XIX в. все еще не превратилось в товаропроизводящее. Количественные изменения в помещичьем хозяйстве XVIII в. в сторону усиления в нем элементов товаропроизводства отражались только на усилении эксплоатации крестьян, но пока не ставили вопроса о ликвидации всей системы. «Медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплоатации крестьян,—пишет Ленин,—которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах, вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи, а не на свои только потребности»[38].

Только в XIX в. в связи с быстрым темпом расширения внутреннего и внешнего рынка товаризация помещичьего хозяйства решительно пойдет вперед. Конечный результат эволюции крепостного хозяйства из потребительского в товаропроизводящее на основе феодальной (барщинной) системы организации труда и производственных отношений можно выразить словами Фр. Энгельса, относящимися к германскому крепостному хозяйству: «Капиталистический период на селе возблаговестил о своем пришествии в форме сельскохозяйственного крупного производства на основе барщинного труда крепостных».

И в связи с этим в XIX в. встанет новая проблема—ликвидации феодальной системы организации труда, чем и будет заполнен XIX в. и часть XX в.

С этого исходного момента начинается у Ленина анализ двух возможных путей капиталистической эволюции русского сельского хозяйства, прусского и американского.

В своей работе «Аграрная программа социал-демократии в русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин следующим образом характеризует эти два возможных пути проникновения капитализма в сельское хозяйство: «Гвоздем борьбы являются крепостнические латифундии, как самое выдающееся воплощение и самая крепкая опора остатков крепостничества в России. Развитие товарного хозяйства и капитализма с абсолютной неизбежностью кладет конец этим остаткам. В этом отношении перед Россией только один путь буржуазного развития. Но формы этого развития могут быть двояки. Остатки крепостничества могут отпадать и путем преобразования помещичьих хозяйств и путем уничтожения помещичьих латифундий, т. е. путем реформы и путем революции. Буржуазное развитие может итти, имея во главе крупные помещичьи хозяйства, постепенно становящиеся все более буржуазными, постепенно заменяющие крепостнические приемы эксплоатации буржуазными; оно

---

[38] Ленин, т. I, с. 340.

может итти также, имея во главе мелкие крестьянские хозяйства, которые революционным путем удаляют из общественного организма «нарост» крепостнических латифундий и свободно развиваются затем без них по пути капиталистического фермерства. Эти два пути объективно возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства „гроссбауэров“ („крупных крестьян“). Во втором случае помещичьего хозяйства нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплоатацию на землях феодалов-помещиков-юнкеров. Во втором случае основной фон—перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера».

Действительно два пути ломки феодальных производственных отношений, феодальной системы организации труда наметились в XIX в., но предпосылки прусского пути, исторические корни его уходят к XVI в., и жизненность прусского пути была определена долговековой эволюцией нашего сельского хозяйства, во главе которой шел помещик. Тот факт, что в XVI веке помещик не ушел от производства, а стал заводить свое хозяйство, пускай в интересах удовлетворения своих непосредственных потребностей, но с самого начала выступая как звено в системе общественного разделения труда, тот факт, что помещичье хозяйство и помещик, будучи звеном этой системы, постепенно проделывали эволюцию в сторону товаропроизводства, является исходным моментом прусского пути внедрения капитализма, сущность которого была сформулирована Лениным в связи с ломкой феодальной системы организации труда. И именно тот факт, что помещик очень медленно расставался с феодальной системой организации труда, объясняется (помимо целого ряда экономических моментов) тем, что он на этой системе проделал большую эволюцию из потребителя в предпринимателя и пытался использовать ее, уже будучи предпринимателем.

Вернемся к процессу перерождения помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее. Прежде всего нужно указать, что не все помещики проделали эту эволюцию, масса мелкопоместных крестьян и помещиков далеких районов, оторванных от более или менее сносных дорог к рынку, вплоть до реформы 1861 г. сохранили потребительскую установку. Но это только подтверждает нашу характеристику крепостного хозяйства как типа феодального хозяйства. Известная группа помещиков в деле удовлетворения своих потребностей в деньгах пошла по линии наименьшего сопротивления (для потребителя), она закладывала и

перезакладывала свои имения и т. д. Следовательно не весь класс феодалов-помещиков перерастает в товаропроизводителей, а лишь отдельные звенья этого класса. Диференциация в самой среде феодалов-помещиков идет именно по линии приспособления их хозяйств к работе на рынок, к превращению из типа потребителя в товаропроизводителя, хотя и связанного в системе организации труда с массой пережитков прошлого.

Конкретный исторический анализ должен отправляться не только от признания решающим в истории аграрной эволюции России XVI—XIX вв. процесса перерастания помещичьего хозяйства из потребительского в товаропроизводящее, не только изучать этапы этого перерастания, но также и темп и характер этого перерастания в хозяйства различных групп помещиков. Вместе с тем необходимо указать, что и отдельные статьи помещичьего хозяйства, вступившего на путь товаризации, товаризировались по-разному. Медленнее всего товаризировалось собственно зерновое хозяйство в силу медленности развития рынка для этой статьи. Медленностью товаризации зернового хозяйства объясняется вообще медленность перерождения помещичьих хозяйств. Быстрее товаризировались технические культуры, скотоводство и т. д. Наряду с товаризацией технических культур идет промышленное предпринимательство дворянства: «Логически и хронологически,—пишет т. Покровский,—интенсивное барщинное земледелие пришло у нас позже крепостной индустрии. Хлеб как товар становится очень выгоден в 80—90 гг., промышленное предприятие давало раньше барыши, с которыми не могло сравниться никакое сельское хозяйство».

Тов. Дубровский, исходя из своей теории крепостничества, как особой общественно-экономической формации, неверно разрешает вопрос о сущности промышленного предпринимательства дворянства.

«Как мы указывали выше,—пишет т. Дубровский,—для феодализма было характерно, что в ренту продуктами входили не только сельскохозяйственные, но и промышленные продукты. В эпоху же крепостничества, когда в деревне у крестьян домашняя промышленность еще соединена с земледелием, в помещичьих хозяйствах начинается выделение собственных промышленных заведений. Таким образом создается цельное крепостническое хозяйство со своим крепостным сельским хозяйством и крепостной промышленностью» [39].

Тов. Дубровский упускает из виду «маленькое» обстоятельство, что в это время (XVIII в.) в России уже имелись налицо в области обрабатывающей промышленности начальные стадии настоящего капитализма, формировавшиеся под оболочкой крепостного права в порах крестьянских хозяйств и хозяйств ремесленников нечерноземной полосы. Мы уже имеем не только простую кооперацию, но и свободную мануфактуру и домашнюю систему капиталистической промышленности.

---

[39] С. М. Дубровский, указ. выше книг, с. 85.

Рост общественного разделения труда вплотную поставил вопрос о создании крупных форм промышленности. В этой связи промышленное предпринимательство дворянства выступает как одна из форм использования феодалом развивающегося процесса общественного разделения труда в своих интересах.

Вотчинная мануфактура возникает как прямое развитие феодального ремесла, получая широкое распространение у нас в России в силу того, что предшествующее экономическое развитие не выделяло ремесленников из-под власти феодала в свободные города. Опираясь на свою власть над ремесленниками, вотчинник и мог организовывать мануфактуры.

С этой точки зрения они являются итогом технического развития ремесла, но в рамках вотчины, а не в городе. Прямым приспособлением феодального хозяйства к торгово-денежным отношениям они являются также потому, что работали на сырье, производимом в данном поместье, выступая таким образом как бы подсобным предприятием при основном сельскохозяйственном производстве, перерабатывая непоглощаемое рынком сырье. По структуре производственных отношений они являлись прямым продолжением феодализма, основываясь на принудительном труде мелких самостоятельных производителей. Выступая с самого начала как предприятия товаропроизводящие, они не выступали как капиталистические предприятия не только потому, что основывались на принудительном труде, а также и потому, что в них отсутствовал и другой признак капитализма: они не были производствами с расширяющимся производственным базисом, процесс производства в них повторялся каждый раз на прежнем основании.

Деньги за реализованные на рынке товары, произведенные в вотчинной мануфактуре, в основном шли на удовлетворение потребностей помещика, ибо и рабочая сила и сырье воспроизводились в прежних размерах средствами помещичьего с.-х. производства. Это была просто наиболее денежная часть помещичьего хозяйства. Не они послужили исходными формами для развития промышленного капитализма у нас в России. Для превращения их в капиталистические нужен был бы длительный процесс их перерождения. Не создавая базиса для развития настоящих капиталистических форм крупной промышленности, вотчинные мануфактуры в то же время тормозили развитие этих форм, так как они замещали их на рынке—так же как барщинное сельское хозяйство до поры до времени вполне замещало на рынке сырья капиталистического предпринимателя.

Промышленное предпринимательство дворянства не является специфически русским явлением. Во многих странах на заре развития капитализма феодалы использовали свои права на сырье, рабочие руки и государственную власть для наживы через организацию промышленных предприятий. Вернер Зомбарт в цитированной нами работе «Буржуа», указывая

на факт промышленного предпринимательства дворянства, вместе с тем отмечает, что они носили полуфеодальный отпечаток [40].

Крепостное (барщинное) хозяйство основывалось на эксплоатации хозяйств мелких самостоятельных производителей крестьян: не экспроприируя их, не уничтожая их как самостоятельных производителей, помещик отвлекал прибавочный труд, использовал инвентарь крестьянина, держал его на маленьком наделе, сводя производство крестьянина на себя к производству только необходимого жизненного минимума. Отсюда противоречие между крепостным (барщинным) хозяйством помещика и хозяйствами мелких самостоятельных производителей, противоречие, углублявшееся с одной стороны в связи с усилением эксплоатации помещика вместе с эволюцией его хозяйства в сторону товаропроизводящего, с другой—в связи с тем, что, несмотря на нивеллирующий пресс барщины, несмотря на отвлечение прибавочного труда, хозяйства барщинных крестьян все же втягивались в орбиту торгово-денежных отношений, в крестьянине под воздействием рынка просыпался инстинкт товаропроизводителя, стремление к расширению своего хозяйства. Выход на путь самостоятельного хозяйствования загораживал помещик. Отсюда острая борьба крестьян против помещиков, против барщины, за землю, за самостоятельность, против отвлечения прибавочного труда.

«Целый ряд произвольных в порядке крепостнического правосознания действий помещика вел к тому, что эта крестьянская собственность уменьшалась и уменьшалась, помещик отнимал землю у крестьянина и мешал ему хозяйничать, а крестьянин хотел хозяйничать. На фоне этого развертывается перед нами длинный ряд крестьянских революций. Смутное время, революция Хмельницкого на Украине, восстание Стеньки Разина и наконец Пугачевский бунт к концу XVIII века» [41].

Эта борьба, на первый взгляд ведущаяся во имя уничтожения эксплоатации, в условиях развивающегося хотя и медленно рынка для сельскохозяйственных продуктов, объективно была борьбой не только за уничтожение помещичьей эксплоатации, но и за то, чтобы крестьянское хозяйство, а не помещичье выступило в качестве поставщика сырья на

---

[40] «Полуфеодальный отпечаток—это прежде всего означает, что эти предприятия наполовину еще находятся под влиянием принципа покрытия потребности. Именно тем удерживаются они под этим влиянием, что по большей части своей целью только и ставят использование принадлежащих землевладельцу производительных сил: этим их ограничением стесняется и стремление к наживе. Это обстоятельство ясно сознавалось стремившимися к прогрессу людьми, как препятствие свободному капиталистическому развитию, когда например в начале XIX столетия констатировали относительно силезских рудников (94), что „землевладелец здесь—собственник железной руды, и выплавляет ежегодно лишь столько, сколько возможно при тех запасах дров, которые не могут быть им использованы д[illegible]ми путями“».

[41] М. Н. Покровский, Очерки по истории революционного движения в России XIX и XX в.в., с. 9.

этот рынок, выступило в качестве составного звена в системе общественного разделения труда, ибо в основе стремления помещика к усилению эксплоатации лежала его связь с рынком; эта связь с рынком придавала крепостному (барщинному) хозяйству жизненность, устойчивость и силу.

Таким образом не только эволюция русского сельского хозяйства в сторону капитализма по прусскому пути уходит корнями в XVI—XVII вв., но и борьба крестьян за американский путь, особенно четко проявившаяся после реформы 61 г. в связи с выходом крестьянских хозяйств на рынок, уже намечалась в скрытой форме, в форме борьбы против барщинной эксплоатации в XVI—XVII вв. Известное преобладание прусского пути после реформы 61 года до Октябрьской революции и могло осуществиться в силу постоянных поражений крестьянских выступлений в XVII—XVIII вв.

ДИСКУССИЯ О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЯХ [1]

I

Прения по докладу С. М. Дубровского: «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала»

ОТКРЫТЫЕ ЗАСЕДАНИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ СЕКЦИИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ ОТ 17 И 24 МАЯ 1929 г.

А. Малышев Тов. Дубровский цитировал «Введение к критике политической экономии» Маркса, где говорится об общественных формациях: азиатской формации, античной, феодальной и капиталистической. Получилось интересное явление: азиатский способ производства у Маркса имеется, у т. Дубровского нет; крепостнический способ производства у Маркса не имеется, у т. Дубровского имеется. По двум основным вопросам как будто бы т. Дубровский расходится с Марксом. Поэтому я начну критику доклада т. Дубровского с вопроса о том, как смотрел Маркс на феодализм и крепостничество. Маркс вопросом феодализма занимался в связи с генезисом капитализма, и он все время указывал, что капиталистический способ производства происходит из элементов разложения феодализма. Такова классическая формула экономической структуры буржуазного общества. Исходным пунктом является здесь строй феодальный, разложение его и освобождение элементов для нового строя. Таким образом, если бы между феодализмом и капитализмом лежал еще новый способ производства и новая общественно-экономическая формация—крепостническая, Маркс должен был бы из ее разложения выводить происхождение капитализма. Однако он везде исходным пунктом принимает феодализм и из его разложения берет основные предпосылки происхождения капитализма. То же мы находим и в «Анти-Дюринге» и в других

---

[1] Печатаемые ниже доклады открывают собой серию докладов, организованных Секцией по изучению докапиталистических формаций (преобразованной из социологической секции) и посвященных проблемам социально-экономических формаций. Доклады и прения печатаются в сокращенном изложении. Что касается доклада С. М. Дубровского, то редакция лишена возможности поместить его изложение, т. к. докладчик не представил исправленной стенограммы своего выступления. Заключительное слово т. Дубровского дается в проредактированном докладчиком виде.

С содержанием доклада С. М. Дубровского можно ознакомиться по его брошюре: «К вопросу о сущности «азиатского» способа производства, феодализма, крепостничества и торгового капитала» (Изд. научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР. М., 1929.). Доклад был зачитан до выхода в свет этой брошюры и явился ее авторефератом.

крупных работах Энгельса. Тов. Дубровский не опроверг ни этих определенных высказываний Маркса, ни всего духа учения Маркса, говорящего о том же: что капитализм возник из феодализма. Тов. Дубровский считает, что первой характерной чертой феодализма является натуральное хозяйство, соединенное с промышленностью и земледелием. (Это уже не совсем верно, так как упускается из виду город, который является составной частью феодализма, хотя, конечно, город служит в то же время и отрицанием феодализма, язвой, разлагающей феодализм). Во-вторых, производство прибавочного продукта сосредоточено исключительно в крестьянском хозяйстве, на основе чего господствует натуральная рента. Это утверждение противоречит всему известному фактическому материалу. Возьмите классическое феодальное поместье Англии XI—XIII вв. Оно зиждилось не только на производстве крестьянского хозяйства, но и на барщине. Чтобы опровергнуть это, нужен новый фактический материал, которого Дубровский абсолютно не приводит.

Еще больше сомнений вызывает утверждение Дубровского, что основой взаимоотношений крестьянина и феодала были отношения свободного держания. Ссылаясь на одно примечание Энгельса к работе Маркса «Рабочий день», Дубровский говорит о свободном феодальном крестьянине. Но ведь для Маркса крепостные отношения—это основа феодализма. Едва ли в Обществе историков-марксистов найдутся товарищи, которые не знают переписки Маркса и Энгельса о новом крепостничестве, о смягчении крепостного права в Германии. Из этих писем и из всех материалов, помещенных в сборнике Адоратского, ясно, что с точки зрения Энгельса немецкий крестьянин до XIII в. был крепостным. В XIII в. под влиянием крестовых походов и упадка Германии начинается смягчение крепостного положения крестьян, но затем возобновляется вторичное закрепощение крестьян, причем степень закрепощения зависела от того, какая в данном районе господствовала форма ренты. При отработочной ренте зависимость была более суровой, при натуральной—более мягкая.

Позиция Дубровского характеризуется особенно ярко, когда он говорит о русском феодальном крестьянине. Одним из основных завоеваний нашей марксистской историографии в области средневековой истории является утверждение (в противоположность всем буржуазным историкам, Соловьеву, Чичерину, Ключевскому), что русского крестьянина до XVI в. нельзя ни в коем случае трактовать как свободного держателя. Это совершенно превратное представление, от которого мы уже отошли, перешагнули его, а т. Дубровский нас тащит обратно туда. (Дубровский: «М. Н. Покровский об этом пишет»).

Я покажу вам заключительное слово т. Покровского по моему докладу в ИКП, где он говорит, что я поддался в известной степени тому же самому искушению, но ясно, как божий день, что нужно крепостное право выводить из феодального бесправия и личной зависимости, в которой крестьяне находились в эпоху феодализма. Я не знаю, где т. Покровский солидаризировался с Ключевским и другими историками, которые считают нашего крестьянина свободным арендатором частновладельческих земель. Это неверное представление о концепции Покровского. Даже такой буржуазный историк, как Павлов-Сильванский, не постеснялся выступить против своих собратьев с решительным заявлением, что нельзя характеризовать русского крестьянина как свободного крестьянина. Даже такой юрист-историк, как Беляев (не молодой, а который умер) писал статью о феодальных отношениях и тоже решительно высказывался за то, что русский крестьянин не был свободным. Буржуазная наука вслед

за марксистской также постепенно становится на эту точку зрения, а т. Дубровский тащит нас назад. Конечно, русский феодализм отличался от западноевропейского. Но т. Дубровский забывает простой факт, что русский феодализм XIII—XIV—XV вв. это не есть экономически окончательно созревший феодализм. Он находился в процессе созревания, ибо он слишком поздно начал свое развитие. Как известно, Ростовско-суздальская Русь является вариантом, а не продолжением Киевской Руси. Она вырастала до известной степени на собственном корне, и поэтому развитие феодализма в России нужно считать с XII—XIII вв. Процесс феодализма шел у нас чрезвычайно медленно, и поэтому классическим феодализмом с точки зрения его экономического развития приходится считать крепостничество. Когда в России развился торговый капитал, он снял политическую голову русского феодализма. Крепостные отношения в России не являются новой общественно-экономической формацией, а есть превращенная форма феодальных отношений. Тов. Дубровский заявляет, что те, которые отрицают крепостническую общественную формацию, те решительно расходятся и порывают с Лениным. Это неверно. Вот, что пишет Ленин по поводу крепостничества:

«Положение 19 февраля,—говорит Ленин (т. XI, ч. 2),—есть один эпизод в смене крепостнического (феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)».

Ленин считал русских помещиков феодальным классом, и он часто говорит о военно-феодальном империализме, о феодальных отношениях и т. д. В лекции, прочитанной Лениным в Свердловском университете, он говорил о трех общественно-экономических формациях: рабовладении, крепостничестве и капитализме. Ясно, что здесь под крепостничеством Ленин понимал феодализм, ибо не мог Ленин, говоря об общественно-экономических формациях, говорить о крепостничестве и не говорить о феодализме. Крепостничество и феодализм для Ленина были синонимами.

Я остановлюсь еще на торговом капитале. Тов. Дубровский, исходя из своей концепции, должен был сделать вывод, что главной фигурой, которая у нас представляла государство, был крепостник, что русская монархия объединялась на крепостнике. Но русское крепостничество является продуктом закрепления феодальных отношений под влиянием развития торгового капитала. (Дубровский: «Правильно»). Что выражала собою наша монархия? Она выражала переходный период от феодализма к капиталистическому хозяйству. В этот переходный период рост денежных отношений, рост торгового капитала и толкал помещиков на закрепощение крестьян и в то же время являлся опорой для абсолютной монархии. Неоднократно приводимая теперь цитата Ленина (она приводилась и здесь) совершенно ясно говорит о том, что у нас создание абсолютной монархии происходило на базе развития буржуазных отношений, т. е. на базе торгового капитала.

Поэтому совершенно прав М. Н. Покровский, когда он эту эпоху рассматривает как эпоху создания крепостного хозяйства под воздействием и при активной роли торгового капитала. Крепостное хозяйство выступает у него как активная сила, руководящая историческим процессом, ибо крепостное хозяйство является лучшей и наиболее приспособленной формой, в которой может оперировать торговый капитал. Вот это слияние торгового капитала с крепостным хозяйством и составляло сущность переходного периода от XVII к XVIII веку, к развитому торгово-промышленному капитализму. В заключительном слове у нас в

ИКП, в прениях по докладу т. Дубровского, М. Н. Покровский точно и определенно характеризовал свою точку зрения на происхождение русской монархии, что ее социальной сущностью являлись помещики и торговый капитал. Такую же двуединую формулу вы можете найти и у Ленина. Двуединая формула: помещики и торговый капитал. Если мы будем стоять на точке зрения фактов, а не простых умозаключений, то нельзя себе мыслить период крепостного хозяйства как бы оторванным от русского торгового капитала. Русский торговый капитал и русское крепостное хозяйство представляли собою в известном смысле нечто слитное и единое. Конечно, как и в каждом единстве, и в этом происходит внутренняя борьба. Но это было нечто единое. То и другое шло вперед, одно другое оплодотворяло.

Если мы станем на эту точку зрения, то вполне понятно, что торговый капитал в создании русской монархии несомненно играл огромную роль. Он создавал эту русскую абсолютную монархию, он давал ей соки, которыми она могла жить. Русская абсолютная монархия является представительницей крепостного хозяйства и слившегося с ним, живущего в его недрах, разлагающего его торгового капитала.

Л. Мадьяр. Начну с указания Маркса, что в общих чертах можно наметить как прогрессивные этапы экономического формирования общества—азиатский, античный, феодальный и буржуазный способы производства.

Тов. Дубровский же считает, что прогрессивными эпохами в экономическом формировании общества были: родовой строй, феодализм, крепостничество и буржуазный строй. Он не признает две общественные формации, которые фигурируют у Маркса, и он вводит новую общественную формацию—крепостничество, которое якобы отличается от феодализма. Тов. Дубровский заявил, что азиатский способ производства как особая общественная формация фигурирует у Маркса только в «Введении к критике политической экономии». Здесь Маркс говорит: «Буржуазная экономия лишь тогда дошла до понимания феодального, античного и восточного общества, когда началась самокритика буржуазного общества». Из этой формулировки видно, что, во-первых, способ производства у Маркса и общество—это то же самое: это совокупность всех производственных отношений и, во-вторых, что азиатский способ производства то же самое, что восточное общество. В статьях об Индии вы найдете совершенно точное описание восточного общества в Индии. Возьмите далее «Капитал» (т. I), где Маркс говорит о товаре: «Древнеазиатский, античный и т. д. способы производства, превращения продукта в товар, а следовательно и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая однако становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни».

В чем заключается азиатский способ производства по Марксу? Я цитирую из письма (с. 195):

«Во-первых, общественное сооружение—дело центрального правительства; во-вторых наряду с этим все государство, если не считать немногих крупных городов, распадается на деревенские общины, являющиеся совершенно самостоятельными единицами».

Вот первый и второй признак. Третий признак—отсутствие частной собственности на землю. Цитирую опять из письма (с. 15):

«Основу всех земельных порядков на Востоке (Бернье говорит о Турции, Персии, Индостане) он совершенно правильно видит

в том, что там нет частной земельной собственности. Вот настоящий ключ даже к восточному небу».

А Энгельс отвечает ему так: «Отсутствие земельной собственности является на самом деле ключом ко всему Востоку: в этом заключается вся политическая и религиозная история Востока. Почему восточные народы не дошли до земельной собственности, не дошли даже до феодальной собственности?».

И дальше:

> «Мне кажется, что причина главным образом в климате и свойствах почвы, в особенности в связи с пустыней и т. д. Первым условием земледелия здесь является искусственное орошение, а это является делом или общины, или областного, или центрального правительства».

Об отсутствии на Востоке феодальной собственности говорится в «Капитале» (т. Мадьяр приводит соответствующую цитату).

Итак, национализация земли и отсутствие частной собственности на землю,—вот характерные черты восточного общества.

Теперь перейдем к конкретным примерам.

Один из моих оппонентов, т. Сафаров в «Проблемах Востока», указывает, что в восточных странах—восточный феодализм. Но это не восточный феодализм, а азиатский способ производства. Например Китай. Мои оппоненты говорили о государственном феодализме. Но в этих эпохах, о которых они говорили, был не государственный феодализм, а азиатский способ производства. Я не отрицаю, что в истории Китая также были периоды, когда процесс феодализации начинался и когда он очень далеко зашел. И если вы спросите, можно ли схему азиатского способа производства применить во все времена ко всем восточным странам, ко всей Азии, то я решительно заявляю, что нет, что это было бы опасной шаблонизацией.

Относительно Китая надо сказать, что к концу династии Сунов и династии Мингов в начале эпохи, после завоевания манчжурами Китая, в отдельных частях страны был феодализм в чистом виде,—было закрепощение крестьян, было даже 30 тыс. беглых крестьян. Но эта территория, заселенная 14 млн. душ населения, составляет незначительную часть Китая. На Яве голландцы застали известный процесс феодализации. Словом, нет никакого шаблона! Но при анализе надо все-таки сохранять основной принцип, что способ производства составляет известную тотальность, известную совокупность. Соединение земледелия с промышленностью—вот признак азиатского способа производства. Ясно, что соединение земледелия с промышленностью было при всяких докапиталистических способах производства. Только паровая машина по-настоящему отделяет земледелие от промышленности или орошение. В Индии в настоящее время огромные оросительные системы составляют элементы государственного капитализма, а не восточного общества. Но в прошлом это было иначе. То же самое в Египте. Можно взять отдельно государственную форму, соответствующую азиатскому способу производства, а именно восточную деспотию. Разве только в Азии была восточная деспотия? Маркс говорил о восточной деспотии в Испании. А общественные работы? При капитализме больше общественных работ, чем при азиатском способе производства. Но вы берите тотальность, берите совокупность, как эти четыре основных признака указаны Марксом и Энгельсом.

Как возникает азиатское общество?

«В каждой такой общине возникают с самого начала некоторые общие интересы, охранение которых должно быть введено отдельным личностям, хотя и под надзором всего общества, таковы: решение споров, подавление захватов отдельными личностями излишних прав; надзор за водоемами, в особенности в жарких странах, наконец, религиозные функции. Подобных должностных лиц мы находим в первобытных обществах всех времен как в древнейшей германской марке, так и в современной Индии. Само собою разумеется, что эти лица снабжаются известными полномочиями и зачаточной государственной властью.

Нам необходимо только установить тот факт, что полномочное господство повсюду вытекало из общественных должностей и было устойчиво только тогда, когда выполняло свои общественные обязанности. Многочисленные деспотии, поднимавшиеся и падавшие в Персии и Индии, все отлично помнили свою первейшую обязанность: заботиться об орошении долин, без которого в этих странах невозможно земледелие».

Вот, товарищи, роль деспотии в восточных странах!

Тов. Дубровский подверг сомнению: признавал ли Ленин азиатский способ производства? Ленин, полемизируя с Плехановым, который считал, что в допетровской Руси существовал азиатский способ производства, об этом совершенно ясно говорит.

Он подвергает сомнению (т. IX, с. 410) существование азиатского способа производства в допетровской Руси, выявляет ошибку Плеханова в том, что он смешивает существование национализации при двух разных общественных формациях. Но он вовсе не отрицает азиатского способа производства.

Наконец т. Дубровский как член нашей партии должен не только платить членские взносы и работать в организации, но и признавать программу Коминтерна. А в программе Коминтерна говорится, что имеются страны, где существуют остатки азиатского способа производства.

Теперь о политических выводах. В этих вопросах малейший уклон от марксизма может иметь роковые последствия в наших политических действиях.

Тов. Дубровский отрицает азиитский способ производства, при котором рента совпадает с налогом, а вот в бомбейском президенстве существует все еще такая форма эксплоатации: английский империализм выступает как верховный собственник земли и собирает налог, который почти совпадает с рентой. В связи с этим в Бардели было большое крестьянское движение против этого налога. На больших территориях Индии огромная часть земли находится в руках помещиков, но одна часть—в руках крестьян, и верховный собственник земли там английский империализм. Мы должны мобилизовать этих крестьян против верховного собственника земли в лице английского империализма. Далее. Во многих частях Китая крестьяне платят в 16 раз больше налога, чем прусский крестьянин. И тут мы видим остатки азиатского способа производства, при котором налог совпадает с рентой. Мы будем мобилизовать крестьянство против налога-ренты? Да, будем. Также в Голландской Индии. Голландский империализм мобилизовал долгое время крестьян на общественные работы точно так же, как раньше всякая восточная деспотия. Есть там эти остатки азиатского способа производства? Конечно есть.

Надо бороться против этого? Конечно надо, хотя я подчеркиваю, что в Индии феодальные остатки играют сейчас куда более важную роль, чем остатки азиатского способа производства.

Тов. Дубровский сделал историческую ошибку. Он считает, что Маркс знал об азиатском способе производства уже в 1848 году. Маркс не мог знать его в 48 году, только в 53 году он додумался до осознания азиатского способа производства. Это случилось потому, что как раз тогда вопросы об Индии и Китае стали актуальными. И вот целый путь развития проделало по этому вопросу сознание даже такого крупнейшего, гениальнейшего человека, как Маркс. Мы не такие крупные, не такие гениальные люди и с большим трудом, с большими сомнениями, с огромнейшими ошибками доходим мы до понимания марксовой концепции об азиатском способе производства. И мы очень благодарны т. Дубровскому, что он поставил перед нами этот вопрос. Но т. Дубровский поставил этот вопрос неправильно. Наша задача не в борьбе против понимания марксова учения об азиатском способе производства. Наша задача в конкретном изучении истории восточных стран и тем самым и азиатского способа производства.

Мы живем в период социалистического соревнования. Я, т. Дубровский, вас вызываю и заявляю, что через год представлю нашему обществу работу о движущих силах индийской истории, без понимания которых нельзя понять движущие силы индийской революции. Я вам предлагаю написать тоже работу об Индии. Попытайтесь объяснить историю Индии на фоне вашей схемы. Я думаю, что это социалистическое соревнование будет очень полезно для индийских товарищей.

А. Мухарджи [2]. Мы до сих пор достаточно занимались талмудизмом и теперь пора перейти к фактам. Настаивать на том, что в Индии вообще в восточных странах существовал особый способ производства— значит солидаризироваться с шовинистическими элементами Индии и других стран, которые настаивают на том, что восточные страны отличаются каким-то особым специфическим азиатским строем производства и что вследствие этого Индии свойственен какой-то особый процесс эволюции, совершенно отличный от того, который имел место в капиталистической Европе. С таким утверждением необходимо всячески бороться. Хотя у Маркса и встречаются указания на азиатский способ производства, но эти указания встречаются лишь дважды: во «Введении к критике политической экономии» и в гл. 22, т. III «Капитала». Нигде в другом месте Маркс не говорит об азиатском способе производства. Исходя из своеобразия исторического развития Индии, сторонники Ганди настаивают на сотрудничестве классов и на создании единой национальной партии.

Одним из основных признаков азиатского способа производства считают систему каст. Но касты распространяются далеко не в одной Индии. Маркс считал («Капитал» т. I, гл. XIV), что касты свойственны не только всем человеческим обществам, но и животному и растительному царству. Касты были не только в Индии, но в Ассиро-Вавилонии, в Египте, в Испании, в Древнем Риме и т. д. В Ригведе, рисующей общество за 2—2½ тыс. лет до нашей эры, нет указания на касты, а есть указание на две основных категории населения: на арийцев и неарийцев, причем под арийцами в данном случае подразумеваются землевладельцы, для которых остальная часть населения является рабами. Это—рабское общество. Дальнейшее развитие индусской истории идет по пути феодализации,

---

[2] Тов. Мухарджи говорит на английском языке.

причем феодализация, вопреки утверждению Мадьяра, началась не со времени Акбара, а за тысячу лет до того. Тот же строй, который существовал при Акбаре, вполне может быть назван крепостническим: Акбар прикрепил крестьян к земле и возложил на них ответственность за орошение и торговые пути. Крепостническая система в Индии со времени Акбара просуществовала до 1733 г., когда завоеватели-англичане нанесли этой системе решительный удар. Окончательно же она была разрушена только в 1857 г. в результате восстания сипаев.

Затем т. Мухараджи вновь ставит вопрос о необходимости критического подхода к цитатам. Нельзя повторять все время цитаты из Маркса, не считаясь с конкретными фактами. Ведь после прочтения книги Моргана Маркс и Энгельс значительно изменили свою точку зрения на развитие общества. Если бы Марксу были известны не только книги Мюллера и других прислужников капитала, которые в то время работали над вопросами истории Индии, а были бы известны более поздние работы, в частности опубликованные в начале XX в., он без сомнения значительно изменил бы свою точку зрения. Ленин в 1919 г. в лекции о государстве говорит уже совершенно иначе: азиатский способ производства, не особый способ производства, а крепостнический способ производства существующий еще в отсталых азиатских странах. Тов. Мухараджи готов признать, что в азиатских странах существуют значительные остатки прежних систем, но это представляет собою только варианты развития, а не какие-нибудь особые способы производства.

Говоря о программе Коминтерна, по поводу которой здесь бросался упрек т. Дубровскому, что он с нею не согласен, т. Мухараджи указывает, что эта программа разрабатывалась без индусов, без их содействия, и, как он выразился, людьми, которые прочитали только две книги по индийской истории и недостаточно знакомы с этим вопросом.

Обращаясь к вопросу о крепостничестве, т. Мухараджи никак не может принять теорию т. Дубровского о существовании крепостнического способа производства. Торговый капитал, в лице Ост-индской компании, играл выдающуюся роль в развитии Индии после Акбара, и поэтому никоим образом нельзя отделить феодальную и крепостническую основы от торгового капитала.

И. Минц. Советская школа марксистов-историков в своем развитии прошла три стадии. Первая стадия, которую можно назвать условно методологической, когда мы брали материал, подобранный и разработанный идеалистами-историками, и переводили его на марксистский язык. Вторая стадия, когда мы попытались перейти к изыскательской работе и самим находить эти материалы. Наконец теперь мы вступили в третью стадию, когда на основе подобранного нами материала мы вновь возвращаемся к вопросам методологии. Здесь приходится согласиться с т. Мадьяром, что т. Дубровскому принадлежит известная заслуга в постановке методологических вопросов на основе новых материалов, в частности добытых уже советской школой историков. Но только в этом его заслуга.

Остановимся на вопросах феодализма, крепостничества и торгового капитала. То, что мы знаем из Маркса и привыкли называть феодализмом, то т. Дубровский разбил на три, именно три, а не две составные части. Большинство здесь говорило о феодализме и крепостничестве, но никто не упомянул третьей общественной формации, выкроенной из того же феодализма,—о строе свободных товаропроизводителей. Каждая из этих формаций по Дубровскому базируется на особых производственных

отношениях, характеризующихся различными видами ренты: для феодализма у него берется натуральная рента, для крепостничества — отработочная и для свободных товаропроизводителей—денежная.

Замечания относительно последнего вида ренты носят у Дубровского случайный характер, и остается неясным, как денежная рента, уплачиваемая в результате внеэкономического принуждения и тем резко отличающаяся от ренты капиталистической, может лежать в основе строя свободных товаропроизводителей. Теперь о других видах ренты. Никто из марксистов не отрицает, что при переходе от одной формы ренты к другой происходит известное развитие производительных сил. Но Дубровский этим не ограничивается и утверждает, что переход от натуральной ренты к отработочной или денежной влечет за собой не столько известные изменения в экономике, сколько коренной переход к новой системе общественных отношений. Такая постановка вопроса в корне расходится с взглядами Маркса, который резко подчеркивал, что превращение одной ренты в другую является простой метаморфозой, не меняющей экономического базиса формации.

Тов. Дубровский позволил себе слишком вольное обращение с цитатами. Для того чтобы доказать, что крепостничество, по Энгельсу, является самостоятельной формацией, он привел место из письма Энгельса к Марксу по вопросу о том, что «мы, дескать, с тобой, Маркс, согласны в вопросе оценки крепостничества». Я повторю эту цитату:

«Я рад, что по вопросу об истории крепостничества мы, выражаясь коммерческим стилем, действуем согласно».

Дальше идет знаменитое место:

«Несомненно, крепостное отношение не является специфической средневековой феодальной формой. Мы встречаем его всюду, где завоеватели заставляют старых жителей обрабатывать землю» и т. д. Мысль Энгельса какая? До сих пор считали, что крепостные отношения характерны только для того периода, который, собственно, назывался феодализмом, а я нашел, говорит он, что имеются и другие эпохи, которые характеризуются крепостничеством.

Это письмо написано после того, как Энгельс послал старику Марксу письмо, в котором спрашивает, «каково твое мнение о моей точке зрения на крепостничество в Восточной Пруссии в XVI в. Я считаю, что оно не возникло, а является только повторением, вторым изданием» и т. д. (У нас этого письма нет, но из ответа Энгельса видно, что Маркс согласился с ним, что крепостничество XVI в. является не новой формацией, а вторыми зданием, повторением старых господствовавших в эпоху феодализма отношений).

Переходим к вопросу о крестьянских войнах. Эти движения и Марксом и Энгельсом и всеми нами считались прогрессивными. Дубровский же, расчленяя феодализм и крепостничество, вынужден допустить двоякое объяснение: либо крестьяне, будучи при феодализме свободными, боролись теперь при переходе к крепостничеству за возврат к старому, либо крестьяне боролись за то, чтобы перескочить через крепостничество прямо к строю свободных товаропроизводителей. Таким образом т. Дубровский перепрыгивает через целую формацию, выдумывает новую некрепостническую эволюцию по аналогии с некапиталистической эволюцией.

Основная ошибка т. Дубровского в том, что он совершенно неправильно справляется с тем, что в философии носит название принципа сведения. В пору борьбы с механистами их в частности упрекали в этом—и эту же ошибку проделывает теперь т. Дубровский. Такую

сложную социальную категорию, как крепостничество в России XVII—XVIII вв., он вместо того, чтобы разложить на простые элементы для исследования, для анализа, законсервировал эти отдельные элементы, каждый из них превратил в самостоятельную формацую и таким образом отбрасывает нас не только к позиции механистов, но еще дальше назад— к позиции Дюринга, на которого Энгельс обрушивался как раз за попытку при анализе разложить явления на простейшие элементы таким образом, чтобы каждый из них законсервировался.

Вторая ошибка т. Дубровского в том, что он не сумел показать, как один и тот же феодальный базис, в зависимости от конкретной обстановки, может дать различные разновидности, хотя он и приводит соответствующую цитату из Маркса о роли исторических условий. Дубровский повторяет общие истины, что торговый капитал не создает ни особого способа производства, ни соответствующей политической надстройки, а только разлагает старые общественные отношения. Но это неверно. Маркс никогда не говорил, что торговый капитал только разлагает старые отношения. Он всегда подчеркивал, что переход от феодализма к капитализму возможен двояким путем. Первый путь—революционный—идет через ремесленника, превращающегося мало-помалу в промышленника. Это—путь революционизирующей техники. Второй путь, когда купец овладевает промышленностью, становится товаропроизводителем (см. «Капитал», тт. I—III, ч. 1, гл. 20). И вот на этом втором пути возможны случаи, когда торговый капитал не разлагает, а именно консервирует старые феодальные отношения. Здесь мы можем сослаться на Россию. При этом я оговариваюсь, чтобы возразить т. Мадьяру. Последний в этом отношении согласился с т. Дубровским, говоря, что торговый капитал, когда овладевает производством, тем самым организует производство, т. е. становится промышленным капиталом. Но бывает, что торговый капитал овладевает прибавочным продуктом, и в этом случае он не противостоит производителю непосредственно, а пользуется какой-то промежуточной ступенью. И вот крепостничество было той ступенью, той формой, через которую торговый капитал подошел к русскому мелкому производителю и овладел его прибавочным продуктом. Когда такое овладение происходит, тогда промышленному капиталу приходится отвоевывать свое место путем насилия над торговым капиталом. Ошибки Дубровского в том, что он смешал товарный капитал и капитал торговый в собственном смысле слова. Под товарным капиталом Маркс понимал временную, переходящую форму промышленного капитала. Если мы представим себе весь капиталистический процесс в целом, то найдем одну часть этого капитала в товарной форме, обслуживающей процесс обращения. Он становится торговым капиталом только в том случае, когда становится функцией самостоятельного класса, класса купцов. Естественно, что этот класс без борьбы не сдаст позиций. Когда мы говорим о борьбе капитала с промышленным капиталом, мы не говорим о борьбе двух экономических категорий, а говорим о борьбе двух классов, каждый из которых является носителем той или иной системы. Этого не понял т. Дубровский, когда взял под обстрел формулу М. Н. Покровского.

И. Рейснер. Тов. Дубровский избрал остроумный способ нападения на азиатский способ производства: он расчленил феодализм и крепостничество в надежде, что азиатский способ производства полностью потонет в одной из этих стадий. Попробуем на историческом материале Северной Индии (она изучена лучше других частей) проверить, переходит ли

феодализм в крепостничество. Мусульманские завоеватели вторгаются в Индию в XI в., а в XII в. Сев. Индия находится целиком под властью мусульман. Возникает условное земледержание за ту или иную службу и крестьянские наделы или так называемая икта. Первоначально икта не переходила по наследству, а спустя лет 50 отношения застывают, и икта становится наследственной. Первоначально иктодар только собирает налоги, затем— он получает право юрисдикции, охоты—словом наблюдается типичный процесс феодализации. Однако уже в конце XIII в. султаны проводят чрезвычайные реформы (1296—1297 гг.), которые как будто бы резко обрывают начавшийся процесс феодализации: султан конфискует все земли, устанавливает власть чиновников над крестьянами, получает по налогу 50% урожая, устанавливает государственную таксу на зерно, проводит массовые ирригационные работы. Словом мы находим грандиозную восточную деспотию, где нет и следа начавшегося процесса феодализации. Еще позже процесс феодализации вновь дает о себе знать. Складывается шестирядная феодальная иерархия, появляется коммендация, икта становится наследственной, зато помещичья наследственная собственность совершенно исчезает. В XVI—XVII вв. в связи с грандиозным развитием торгово-ростовщического капитала и денежных отношений, когда в каждой деревне был свой ростовщик, а индийские товары вышли на мировой рынок (текстильные изделия Индии проникают и в Бразилию и на Филиппины), процесс феодализации должен был бы, казалось, завершиться переходом к крепостничеству, а вместе с тем и к развитию. помещичьей собственности на землю. В действительности дело обстояло иначе. Источники (т. Рейснер зачитывает целый ряд свидетельств индусских и английских авторов) говорят, что в Индии в это время не существовало класса помещиков, но что жесточайшая эксплоатация крестьян осуществлялась чиновниками, которые не только не могли передать подвластные им земли по наследству, но даже обычно сидели на этих землях всего каких-нибудь 2, максимум 4 года. Какой же в это время господствовал тип отношений? И в Индии и в Зап. Европе мы встречаемся с общиной и с соединением земледелия с ремеслом. Но община в Индии совсем не та: она отличается исключительной застойностью— мы ее находим и задолго до нашей эры и вплоть до английского владычества. Совсем не та и форма соединения земледелия с ремеслом. На Западе это соединение осуществляется первоначально внутри крестьянской семьи, а затем господский двор отрывает ремесло от общины и сосредоточивает у себя основные виды ремесленного производства, что дает, с одной стороны, начало системе баналитетов, а—с другой, приводит к развитию ремесленного труда не внутри общины, а в господском поместье. В дальнейшем это ведет к тому, что феодал становится собственником части орудий и средств производства, а на следующей стадии это приводит к разделению труда между городом и деревней. В Индии же община развивает разделение труда внутри себя и сохраняется в качестве замкнутого хозяйственного мирка, который остается устойчивым, несмотря на колоссальную эксплоатацию, когда в качестве налога выбрасывается 50% урожая.

В Западной Европе хозяйство сеньора все больше сплетается с общиной и разлагает ее, в Индии же община сохраняет свою самостоятельность, и чиновная знать целое тысячелетие сидит под ней, не разрушая ее основ. Эта чиновная знать эксплоатирует общину, но и выполняет определенные функции в производстве: ирригация и надзор за ней, а также сосредоточение сырьевых запасов на случай

недорода и голода; в этом случае из собранных запасов снабжается все население.

Путь, предложенный Дубровским, совершенно отрицает своеобразие восточного развития. Он ведет нас не вперед, а назад. Со времени Маркса наука дала массу нового материала, и теперь мы можем не только констатировать в Индии наличие этого застойного уклада, но под азиатским способом производства мы можем обнаружить основные элементы классовых противоречий и, сорвав с застойной азиатской истории ее священный ореол, которым ее окружила буржуазная наука, обнаружить те же самые законы экономики, которые, правда, несколько иным способом, но обнаруживаются в своем непреложном действии.

Нам надо вернуться обратно к Марксу. Обвинение же нас, «азиатофилов», в восточном шовинизме ровно ни на чем не основано. Наша задача в том именно и состоит, чтобы вопреки индийским националистам, которые окутывают индийскую историю туманом мистицизма, найти в этой истории законы классовой борьбы.

И. Татаров. Тов. Дубровский в качестве общего методологического положения выставил следующее: для него важен вопрос о том, какой уклад господствует, а господствующий уклад у него и есть формация. Это, конечно, не верно.

Такая постановка вопроса о господствующем укладе представляет очень удобное положение, которое позволяет т. Дубровскому спокойно, как выражался здесь т. Рейснер, переворачивать страницы истории одну за другой. (Тов. Дубровский: «Это Рейснер переворачивает, а не я»). Это вполне применимо к вам, потому что у вас все формации гладко укладываются. Если я приведу вам пример, касающийся конкретной формации, то вы на это скажете, что и так есть и этак есть. Сосуществует ряд укладов и почему-то один делается господствующим. Это чрезвычайно удобный способ прятаться и не отвечать по существу. И вот почему целый ряд явлений, связанных с торговым капиталом, связанных с феодализмом и не имеющих места в крепостнических отношениях, вы никогда не сумеете обнаружить и определить их истинную природу, если у вас будет господствовать принятая вами система укладов.

Когда мы говорим о торговом капитале, то мы прежде всего себе представляем его отношение к феодализму как момент разложения или момент консервации. Тов. Минц тут уже в прошлый раз приводил всем известное место у Маркса относительно двух путей: революционного и консервативного. Строго говоря, Маркс говорит о трех путях, но основными являются, конечно, два пути. Так вот, если мы говорим о торговом капитале и о путях перехода феодализма к новому способу производства—к буржуазному,—то здесь прежде всего нужно выяснить, какой тип феодальных отношений мы имеем, и, во-вторых, какой торговый капитал разлагает феодализм. Консервируемые торговым капиталом феодальные отношения представляют собой во втором своем дополненном и измененном издании то, что зависит от «характера самого старого способа производства», говоря словами Маркса. Поэтому все то, что делает торговый капитал, может быть понято, если будет выяснено существо феодальных отношений.

Для понимания конкретного своеобразия русского феодализма надо к тому же иметь в виду, как складывался феодализм в центральной России, в Московской Руси. Обычно изображают дело так, что Московская Русь имеет исходным пунктом колонизационный поток Киевской

Руси. Это, конечно, неверное представление. Археологические работы, особенно ленинградских ученых, в частности Спицына, историко-географические данные Любавского подтвердили, что ни о каком колонизационном потоке масс говорить не приходится. Можно говорить и нужно говорить о колонизации феодалов из Киевской Руси. Феодалы действительно перекочевывали, причем надо сказать, что феодализм в Киевской Руси был типом, приближающимся к типу северно-европейского феодализма. Феодалы переходили в Московскую Русь, феодализм в лице завоевателя-князя с его дружиной оседал на почве общины. Как далеко пошло освоение феодализмом новых районов и насколько глубоко ушло дальнейшее развитие русского феодализма? Достаточно посмотреть на те отношения, которые консервировал торговый капитал, чтобы уяснить себе этот вопрос. Прежде всего посмотрите, как располагается торговый капитал. Торговый капитал располагается кольцом вокруг Московской Руси. Торговый капитал пробивает себе ряд дорог в Ростово-Суздальскую землю, в Смоленскую. Когда мы говорим о разложении феодализма, о развитии феодальных отношений, мы пропускаем ту страницу истории, которая называется Литовско-русским государством: будучи связующим звеном феодальных отношений, оно служило и каналом для торгового капитала. Торговый капитал проникал в Центральную Русь, заставал там только что начавшийся процесс освоения феодализма, севшего на почву развивающейся и существующей общины, и задерживал все дальнейшее развитие феодализма в том его конкретном виде, какой уже успел сложиться.

Торговый капитал у нас существует и как купеческий капитал. Но у нас очень часто упускают из виду и фигуру ростовщика. Это опять-таки имеет большое значение для того, чтобы представить себе тот комплекс отношений, который возникает в связи с разложением феодальных отношений.

Процесс разложения феодализма торговым капиталом идет так, что мы не можем сравнить воспроизведенные крепостничеством у нас феодальные отношения с развивающимся феодализмом или процессом его разложения в ряде мест Западной Европы. Крепостничество у нас воспроизводит неразвитые, или точнее, недоразвитые феодальные отношения. Этот процесс воспроизводства недоразвитых отношений можно иллюстрировать целым рядом фактов. (С места: «Что вы называете развитыми и неразвитыми отношениями?»). Я сейчас поясню. Если вы возьмете для примера недоразвитых и развитых отношений недавно вышедший второй том Сборника грамот коллегии экономии, посмотрите там всю сумму грамот с конца XV по XVII век, начиная от жалованных грамот и кончая отводными записками, как людей садили на новосадные земли, отводили ее и т. д. Возьмите другой пример, что такое закладничество? Изменение форм закладничества—вспомните спор между Павловым-Сильванским, Сергеевичем и Владимирским-Будановым—говорит о том, что закладничество на определенной стадии существовало в определенных формах, в одной—в XIII, в другой в XVII в. Сергеевич ищет признаков закладничества в разных эпохах, оспаривая черты сходства с патронатом. Его ошибку Павлов-Сильванский правильно подметил. Но что характерно для закладничества? То, что его «недоразвитые» черты, существовавшие при определенном порядке отношений, господствовавшие в XIII в., воспроизводятся на новой основе в XVII в., хотя способ производства остается старым. Это вполне отвечает тому, что говорил Маркс.

Таких примеров можно привести целый ряд. Если мы обратимся к общему вопросу для всего феодализма, и для европейского и для русского, то вы увидите, что напр. все отношения барского двора повторяются и в XIII и в XVII вв., причем в XVII в. крепостнические отношения дают нам такую форму отношений, которая характерна для развитого крепостничества и вместе с тем для ранних стадий феодализма.

Вывод: торговый капитал не создает никакой формации, крепостничество целиком воспроизводит все те черты, весь тот рисунок, который намечался у нас в феодальных отношениях. Так он его со всеми изменениями и донес до эпохи капитализма. Нет ничего удивительного, что капитализм нашел у нас землевладение в формах, которые капитализм никак не устраивал, которые были для капитализма неудобными и он должен был их снова реорганизовать, «пересоздать», как говорит Ленин.

Все эти соображения дают нам основание говорить о том, что крепостничество не представляет собой формации. Крепостничество у нас закрепляло, воспроизводило те противоречия, которые существовали при феодализме, при тех своеобразных отношениях, которые определялись конкретными условиями развития феодализма и конкретными условиями проникновения торгового капитала. В крепостничестве отпластовался целый ряд переходных ступеней от ранней общины до более или менее развитых феодальных отношений.

А. Удальцов. Я согласен с т. Дубровским по двум пунктам его доклада:

1) Мы не можем считать азиатский способ производства за особую общественную формацию, (здесь я сделаю только оговорку к формулировке т. Дубровского); 2) торговый капитализм также не составляет особой общественной формации. Не согласен же я с ним, когда он разделяет феодализм и крепостничество в самостоятельные общественные формации.

Прежде всего об азиатском способе производства. Тут надо различать две стороны проблемы: во-первых, как сейчас следует смотреть на этот вопрос и, во-вторых, как в известный период времени смотрели на этот вопрос Маркс и Энгельс. Я не могу не признать, что Маркс первоначально считал азиатский способ производства за особую общественную формацию. Когда Маркс в конце 50-х годов в предисловии к «Критике политической экономии» дал классическую формулировку последовательности развития способов производства—азиатский, античный, феодальный и буржуазный—тогда он, выделяя особый азиатский способ производства, имел в виду этим иллюстрировать способ производства, который предшествовал и рабовладельческому, и феодальному. В поисках этой доклассовой формации Маркс на основе тех материалов, которые предоставляла ему современная наука, и остановился на азиатской общине. Но оказалось, что кроме азиатской общины существовала также община у древних германцев («марка»), у ирландцев, славянская община («мир») и т. д. Словом, эта форма производства лишилась современем своих азиатских особенностей. В дальнейшем у Энгельса встречается уже иная постановка вопроса («Происхождение семьи, частной собственности и государства»). Первая формация у Энгельса—это уже не азиатский способ производства, а родовое общество, родовая община, которую он не локализует в Азии.

Значит ли это, что для Азии мы должны считать полное тождество общественных отношений с теми, какие мы имеем на Западе? Нет, мы можем признать, что в Азии существует известный вариант той же

общественной формации, которая существует на Западе. Поскольку мы находим там феодализм,—это особый азиатский вариант феодализма. Там сохранилась в гораздо большей степени от предшествующих эпох та община, которая и послужила первоначально для Маркса конкретным примером для его представления о первобытной общественной формации, предшествующей и рабовладельческому и феодальному обществу. Вот почему можно говорить об азиатском варианте феодализма. Превращать же этот вариант в особую формацию, говорить даже, как это некоторые делали в прениях, об особом пути происхождения классов в восточном обществе, в отличие от происхождения классов на Западе, нет никакой необходимости.

Теперь о торговом капитализме. Вопрос о торговом капитализме и вопрос о крепостническом способе производства, — это не два вопроса, как представляется т. Дубровскому, а один.

Тов. Дубровский признает, что между феодализмом и капитализмом существует промежуточная общественная формация, только это не торговый капитализм, а крепостничество. Он считает, что неправильно характеризовать общественную формацию особенностями в области обмена, — нужно обращаться к способу производства. Поэтому ту общественную формацию, которую другие теоретики называют торговым капитализмом, т. Дубровский называет крепостничеством, указывая, что в основе его лежит барское хозяйство. Таким образом т. Дубровский стоит на той же позиции, что и сторонники самостоятельной формации торгового капитала, только называет ее иначе.

Почему же у русских историков появляется идея о необходимости признать между феодализмом и капитализмом промежуточную формацию? Когда русские историки впервые начали социологически подходить к изучению русского общественного процесса, они могли из примера западно-европейской истории почерпнуть, что, с одной стороны, существовал феодализм, который отождествляется обычно с понятием средневековья, с другой — капитализм. Если перенести такое представление на русский общественный процесс, то средневековье (феодализм) заканчивается как будто к XVI в., а затем мы имеем капитализм примерно с середины XIX в. Три века оказываются беспризорными.

Что тут делать? Можно ли возвести эти три столетия в особую формацию, или считать, что это—эпоха первоначального развития капитализма, или наконец, что это—последний этап в развитии феодализма. Самое простое — возвести эти три беспризорных века в самостоятельную общественную формацию. Однако это неправильно.

Обратимся к аргументации самого т. Дубровского. В основе феодального способа производства он видит лишь индивидуальное мелкое хозяйство крестьянина, а для периода крепостничества характерно барщинное хозяйство. Однако и крестьянский надел, и барское хозяйство оба вместе составляют элементы феодального поместья.

И вот на первый взгляд можно было бы говорить как будто о двух укладах. Но т. Дубровский очень злоупотребляет термином «уклад». Ленин, интерпретируя мысль Маркса из предисловия к «Критике политической экономии» о смене способов производства, употребляет слово «уклад» в смысле формации, то есть способа производства (феодальный уклад, буржуазный и т. д.), а не так, что уклад есть лишь часть какой-то формации, как это мыслит т. Дубровский.

Возвращаясь к хозяйству феодального поместья, мы должны признать, что в некоторых случаях центр тяжести хозяйства лежит в крестьянских

наделах, в других — в барском дворе. Это зависит от того, развивается ли в рамках данной формации торговля или же она сокращается, а также и от организации этой торговли, т.е. торгует ли крестьянин, платя денежные оброки помещику, или же торгует сам помещик, организуя соответствующим образом свое хозяйство.

Обратимся к конкретному примеру, хотя бы к Франции эпохи Каролингов (VIII—IX вв.). Здесь мы увидим одновременно оба «уклада»: крестьяне несут барщину и платят оброки в натуральной и денежной форме. В дальнейшем после норманского нашествия мы наблюдаем некоторый упадок торговли, так как морские пути оказываются отрезанными. Франция переходит теперь к аграрному типу развития и мы имеем обстановку, типичную для феодализма (Франция X—XI вв.). Возьмем теперь «старый порядок». Центр тяжести лежит здесь на крестьянском дворе; дворянство не ведет или очень мало ведет собственное хозяйство; среди повинностей значительное место занимает натуральный оброк. Словом все характеризует т. Дубровскому именно феодализм и пришлось бы признать, что если для русской истории сначала мы имеем феодализм, а потом крепостничество, то для Франции характерен ход развития, совершенно обратный, — сначала крепостничество, а потом феодализм. Тов. Дубровский искусственно разорвал единую феодальную формацию на каких-то два самостоятельных уклада и пытается из преобладания того или другого уклада создать две самостоятельные формации. Но все это совершенно неправильно. Ведь что отрицает феодально-общественную формацию, как возникает новое качество на смену старому качеству феодального строя? Капитализм принципиально противоположен феодализму, отрицает его, дает новое общественное качество. Капитализм характеризуется общественной организацией труда, а феодализм характеризуется индивидуальным характером труда. Вот две принципиальных характеристики, ничего промежуточного между ними найти нельзя.

Кроме того, т. Дубровский не принял во внимание одну весьма существенную черту в характеристике феодализма, что в помещичьем классе есть две фракции: крупное помещичье (боярское, баронское) землевладение и мелкопоместное дворянство (рыцарство). На основе того, как складываются отношения между этими двумя фракциями, мы имеем своеобразную политическую ситуацию. Например, в сущности вся история Англии представляет собой борьбу этих двух фракций за власть. Когда приобретают власть крупные землевладельцы, бароны, тогда вы имеете классическую форму феодального государства, так называемое рассеяние суверенитета. Когда же большая сила за мелкопоместным рыцарством, вы имеете более централизованное феодальное государство. Совершенно то же самое в России (борьба между боярщиной и дворянством, опричниной) и во Франции в эпоху Каролингов. Государственная власть опирается и здесь на тот же класс мелкопоместного рыцарства, которое превращается в служилое сословие. И здесь имеется секвестр церковных земель, раздел их на служилые поместья (бенефиции) и т. д. Но характерно то, что каждая из этих фракций связана в большей или меньшей степени с торговлей; в то время как класс мелкопоместного рыцарства связан обычно с торговлей, крупное землевладение связано с нею гораздо меньше. При усилении или ослаблении торговых связей вы видите преобладание тех или других общественных слоев. Но все это в пределах одной и той же формации.

Наконец, т. Дубровский характеризовал свои общественные формации, в частности феодализм, статически, а поэтому он и должен был прийти к

необходимости признать еще какую-то новую формацию. Если бы он характеризовал феодализм диалектически, в его развитии, в связи с конкретными общественными условиями, его два уклада уложились бы прекрасно в пределах одной формации.

Закончу замечанием, что Ленин, по-моему, не противополагал крепостничество феодализму. Он обыкновенно в одних и тех же случаях употребляет то термин «феодальный» и «полуфеодальный», то термин «крепостнический» и «полукрепостнический», и часто на одной и той же странице в одном месте говорится «полуфеодальный», в другом—«полукрепостнический». Можно сослаться и на уже цитированные здесь страницы, которые свидетельствуют, что Ленин считал помещика-крепостника тем же феодалом. Мы признаем для капитализма стадию промышленного капитала и стадию империализма. Такая же периодизация может иметь место и в отношении феодальной общественной формации, рассматриваемой диалектически в ее развитии.

А. Ломакин. За последнее время мы наблюдаем оживление борьбы на различных участках идеологического фронта и в том числе на научном поприще. Это конечно не случайное явление. Оно вызывается тем, что марксизм в СССР стал господствующим учением, вытесняющим старую буржуазную науку и тем самым порождающим сопротивление буржуазных идеологов. При этом обостряющаяся за последнее время классовая борьба находит одно из своих выражений в обостренных дискуссиях в самых различных областях науки. Мы имеем дело не только с откровенными выступлениями буржуазных ученых, но и с проявлением буржуазного влияния на некоторых марксистов, которые объективно сползают на позиции немарксистские и даже антимарксистские и потому встречают решительный отпор со стороны революционных марксистов. Такова дискуссия среди наших философов, между механистами и диалектиками, продолжающаяся в течение 5 лет, или дискуссия среди экономистов, между так называемыми коно-бессоновцами и рубинцами.

Марксист, находящийся в объятиях буржуазной идеологии, представляет довольно печальное зрелище, хотя и не новое. Но нет худа без добра. Ожесточенная теоретическая борьба имеет тот плюс, что марксисты обратили большее внимание на вопросы методологии и что в этой борьбе оттачивается сталь нашего методологического оружия.

До последнего времени казалось, что историки-марксисты несколько отстали на этом общем фронте идеологической борьбы и что даже дискуссия вокруг книги проф. Петрушевского недостаточно выравняла наш фронт. Но в самые последние дни намечаются известные сдвиги и в нашем направлении. Такова дискуссия, которая недавно происходила в ИКИ, или настоящая дискуссия.

Застрельщиком в настоящей дискуссии выступает т. Дубровский. Но это небольшая честь, поскольку т. Дубровский объективно пытается ревизовать учение марксизма в целом ряде решающих положений, именно—учение об общественно-экономических формациях, т. е. основу исторического материализма. В ИКП т. Дубровский собирался сконструировать особый, крепостнический способ производства в отличие от феодального. Здесь, в Обществе историков-марксистов, т. Дубровский развивает по сути дела ту же точку зрения, но еще более ухудшенную за счет отрицания того способа производства, который Маркс называл азиатским. И в конечном счете получается то, что т. Дубровский отрицает или пересматривает ряд решающих положений исторического материализма.

Здесь я хочу остановиться на проблеме азиатского способа производства. Тов. Дубровский выступил с презабавным утверждением, будто азиатский способ производства сконструирован Плехановым и Троцким и будто по этому вопросу у Маркса имеются только случайные замечания. Начиная с 50-х годов вплоть до самых последних работ, Маркс и Энгельс стоят на точке зрения азиатского способа производства. Наша задача состоит в том, чтобы собрать и свести в систему все «случайные» замечания Маркса и Энгельса на этот счет, проанализировать их и проверить их на новом фактическом материале, накопленном наукой за последнее время.

Каковы же специфические пути восточного общества?

Тут дело вовсе не в соединении земледелия с домашней промышленностью и не в наличии непосредственных отношений господства и подчинения. И то и другое в известной мере наблюдаются во всех докапиталистических формациях, включая сюда и восточное общество и античность. Суть дела в том, что на Востоке нет частной собственности на землю. У Маркса на этот счет есть совершенно прямые указания:

> «Если не частные земельные собственники, а государство противостоит им (мелким производителям—*А. Л.*), как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах возможно, что отношение зависимости имеет политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому господству.
>
> «Государство здесь—верховный собственник земли. Суверенитет здесь — земельная собственность, концентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей». («Капитал» т. III, ч. 2, с. 327).

Эта формулировка нуждается в ряде дополнительных, поясняющих замечаний.

1. Указание Маркса, что «государство здесь верховный собственник земли», при этом Маркс отнюдь не имеет в виду государя как собственника земли. На этот счет в буржуазной науке весьма распространен предрассудок, будто в восточных странах собственником всей земли является именно государь. Блестящая критика этого предрассудка дана Розой Люксембург в «Накоплении капитала».

2. Утверждение Маркса, что «земельная собственность концентрирована в национальном масштабе». Эту национализацию земли, основанную на азиатском способе производства, Плеханов смешивал с национализацией, основанной на капиталистическом способе производства. За эту ошибку Ленин на IV съезде партии упрекал Плеханова, но это не значит (как кажется Дубровскому), что вся концепция Плеханова на азиатский способ производства никуда не годится.

В данном случае Плеханов не ревизовал, а развивал Маркса, и учиться нам у него отнюдь не зазорно.

3. Нельзя смешивать «пользование» или «владение» землею с собственностью на землю (см. М а р к с, Теории прибавочной стоимости, т. III, с. 323). На Востоке было владение землею, но частной земельной

собственности не было. И Маркс дает объяснение, почему на Востоке не появилось частной собственности на землю. По его мнению (то же считал и Энгельс), причина заключается в географических условиях и в исключительной роли искусственного орошения («Письма об Индии»).

Какое же место надо отвести восточному обществу в ряду социально-экономических формаций? В «Основных вопросах марксизма» Плеханов показал, что после книги Моргана, открывшего родовое общество,— восточное общество с точки зрения его исторической прогрессивности следовало бы поместить между родовым и феодальным. Эта поправка Плеханова чрезвычайно важна. Она является развитием взглядов Маркса, изложенных например в «Письмах об Англии» (т. X), где Маркс, говоря о шотландских кланах, анализирует их общественно-экономическую структуру, напоминающую в некоторых существенных чертах общественно-экономическую структуру восточных обществ, и прямо проводит аналогию их уклада с укладом древних азиатских государств.

Теперь вопрос об антагонистических социальных силах восточного общества. Маркс, говоря о различных способах докапиталистической эксплоатации, различает три способа присвоения прибавочного продукта: 1) рабовладельцем, 2) феодалом и 3) государством, т. е. правительством восточных стран, облагающим данью население. Это указание Маркса дает ключ к пониманию социальных сил восточного общества. Выражаясь несколько грубо, в восточном обществе можно видеть 2 основных социальных силы: мелкое крестьянство и бюрократию, которая на Востоке гораздо больше, чем в других странах, выступает в качестве особой социальной силы (т. Ломакин приводит ряд цитат, подтверждающих эту точку зрения: «Теории прибавочной стоимости» т. III, с. 327; «Капитал», т. I, с. 393; т. III, ч. 1, с. 370 и т. III, ч. 2, с. 327; «Архив Маркса и Энгельса» т. I, с. 373).

Своего рода философию происхождения государства на Востоке вы найдете в «Анти-Дюринге», где Энгельс прослеживает процесс выделения правящей бюрократии, которая с неизбежностью превращается из организатора производства в особый эксплоататорский слой, живущий за счет ограбления и разорения народных масс.

Исходя из этого, можно определить две характерных черты государственной власти на Востоке: она выступает, с одной стороны, в качестве представителя народных масс в деле организации искусственного орошения, составляющего основу восточного земледелия; с другой,—в лице целой иерархии чиновников она выступает в качестве эксплоататора народных масс на почве управления и взимания налогов.

В этом ключ к пониманию, почему через всю историю азиатских государств красной нитью проходят народные, крестьянские революции, которые играли роль своего рода клапана, выпускающего сгустившийся пар, поскольку обнаруживались процессы феодализации в среде правящей бюрократии, обратной стороной чего являлось обнищание и вымирание народных масс. На этой почве возникает народная революция, которая возглавляется мелким и частью даже крупным чиновничеством и приводит к образованию нового «народного» правительства со всей необходимой бюрократической иерархией. И далее история снова как бы повторяется.

Итак, суммируем специфические черты восточного общества:

1. В цепи социально-экономических формаций оно стоит выше родового, но ниже феодального. Оно вырастает из родовых отношений и имеет постоянные тенденции к перерастанию в феодальное общество, тенденции, прерываемые народными революциями.

2. Существование азиатских обществ определяется географическими и естественно-техническими условиями. Это — речные долины, пролегающие среди полосы пустынь; отсюда — необходимость системы искусственного орошения как основы земледелия в восточных странах, заботы о поддержании которой составляют первостепенную обязанность восточных правительств, центральных или областных, и общин.

3. Специфические черты общественно-экономического уклада азиатских государств состоят в общенародной собственности на землю, в отсутствии частной и феодальной собственности, до которой, по выражению Энгельса, восточные народы еще не дошли; мелкий производитель является владельцем, но не собственником земли; прибавочный продукт в виде налога поступает в распоряжение государства в лице иерархии чиновников.

4. Основные антагонистические социальные силы в восточном обществе — это мелкий производитель, как эксплоатируемый, и правящая бюрократия как эксплоататор, который постепеннно обогащаясь, превращаясь в ростовщиков и помещиков, тем самым усиливает гнет народных масс.

5. Длительность существования азиатских государств объясняется неизменностью их экономической структуры, обусловливаемой в значительной мере периодическими народными революциями, которые являются своего рода основным условием равновесия восточных обществ, что обрекает их на неподвижное, застойное состояние, прерываемое вторжением империализма.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО С. М. ДУБРОВСКОГО

С. Дубровский присоединяется к заявлению т. Ломакина, что идеологическая борьба имеет политическое значение, но отводит от себя обвинение в ревизии Маркса и Ленина. Напротив, в этом повинны его оппоненты: Ломакин с его построением надклассовой бюрократии, сторонники «азиатского способа производства», боровшиеся вместе с Троцким против линии Коминтерна в китайском вопросе, и др. Политическое значение имеют и споры о крепостничестве. Определение русского самодержавия как диктатуры крепостников — ленинское определение. Ленин выдвинул его в борьбе с ликвидаторами справа и слева. Отрицают ленинское учение о крепостном хозяйстве как особой хозяйственной системе именно те, кто не признает ленинского учения о самодержавии как диктаруре крепостников.

Тов. Дубровский разделяет своих оппонентой на три группы: «азиатофилов», «антикрепостников» и промежуточную группу, представленную А. Д. Удальцовым. Возражая т. Мадьяру, докладчик указывает, что ссылка его на цитату из Маркса об азиатском способе производства в России («Капитал», т. III. ч. 1, с. 318) бьет именно по теории азиатской формации: если в России такого способа производства не было (с чем согласен т. Мадьяр), то либо Маркс ошибался, устанавливая его для России, либо он говорил не об особой формации, а лишь о сходстве производственных порядков, которые царили в эпоху феодализма как в Азии, так и в России. Правильно конечно последнее. «Азиатофилы» конструируют особый азиатский способ производства, исходя не из специфических производственных отношений, классовой структуры общества и способа эксплоатации, а из вторичных признаков: государственной

власти над ирригационными сооружениями и национализации земли. Согласно т. Ломакину способ эксплоатации в азиатских обществах сводится к взиманию дани; но государство, взимающее дань, должно же являться господством определенного класса! Национализированная земля также не становится там общенародной собственностью, как очевидно думает т. Ломакин, она объявляется собственностью классового государства. Именно феодалы как господствующий класс владели национализированной землей и они же использовали водоснабжение для эксплоатации крестьян.

Если стать на противоположную точку зрения—бесклассового государства—классовая борьба в азиатских обществах становится непонятной. Между тем движущей силой этой борьбы был именно классовый антагонизм между крестьянством и феодалами или крепостниками. Тов. Мадьяр не различает понятий: конкретные азиатские общества и абстрактно взятая азиатская формация. Абстрактно взятая формация основана на одном определенном способе производства, а конкретное общество может включать в себе разные способы производства, разные уклады, разные классовые отношения. Тов. Удальцов упрекал докладчика в формальном понимании уклада, но его понимание совпадает с ленинским. В азиатском обществе, о котором писал Маркс, определяющим является именно феодальный уклад, которому могли быть подчинены разные другие общественные уклады: родовые общины, рабовладельческий уклад и пр. Рабовладельческий уклад имелся и в ряде других обществ, например, в античном, в средневековой Европе, в южных штатах Америки и т. д. Напротив, невозможно указать ни одного примера, где бы особый «азиатский уклад» существовал при наличии других укладов. Это понятно, так как нет специфически азиатского способа производства, соответствующих производственных отношений.

Маркс никакой специфической системы эксплоатации для азиатских обществ не указал, хоть для всех классовых общественно-экономических формаций способ эксплоатации им был определен. Плеханов и Троцкий внесли понятие азиатского способа производства в русскую историю; напротив Ленин утверждал, что никакой национализации земли в допетровской Руси не было, что концепция Плеханова — это утрировка либерально-народнических взглядов. Тов. Дубровский отмечает, что т. Мадьяр сделал большой шаг вперед в смысле признания наличия феодализма в некоторых районах Китая. Тов. Дубровский надеется, что он дойдет до полного признания феодализма в Китае.

Касаясь выступления т. Мухарджи, т. Дубровский констатирует, что Мухарджи привел данные о наличии крепостничества в истории Индии во второй половине XVIII в. и первой половине XIX в. Господство туземных феодалов осложнилось здесь колониальным положением страны, которое означало подчинение всей Индии в целом английскому торговому капиталу в лице Ост-Индской компании, но это не значит, что в Индии господствовали не феодалы, а торговый капитал.

Переходя к выступлению т. Рейснера, докладчик подчеркивает правильную, по его мнению, мысль последнего, что нельзя понять феодализма на Востоке, если не отграничить его от крепостничества. Но т. Рейснер неправ, отводя такое исключительное место власти индийского чиновника и забывая о его классовом характере. Только при малой наблюдательности и слабом политическом сознании бюрократия может представляться как самостоятельная эксплоатирующая сила, стоящая вне рамок классового государства.

Тов. Ломакин в лагере «азиатофилов» защищает теорию о надклассовом характере абсолютизма, которую он неудачно защищал в Институте красной профессуры. Это конечно не случайно, так как «внеклассовость» бюрократии особенно усердно доказывается в отношении восточных обществ. Ссылаясь на статью Ленина «Что такое друзья народа»?» и ряд положений Маркса, докладчик выясняет классовую сущность бюрократии.

Затем докладчик переходит к другой теме дискуссии: к вопросу о феодализме и крепостничестве. Он утверждает, что никто из оппонентов не сумел доказать, что докладчик неверно определяет способы производства, характеризующие феодализм и крепостничество. Все возражения сводились к тому, что в данном конкретном обществе встречались и феодальный способ производства и крепостной.

Возражая т. Татарову, докладчик говорит, что нельзя при определении абстрактно взятой формации исходить из конкретного общества, в котором имеются разные уклады. Так например в России во второй половине XIX в. мы находим необычайно сложный переплет капитализма с крепостничеством. Разобраться во всем этом можно, лишь установив предварительно основные признаки крепостничества и капитализма. Это справедливо и для тех обществ, где смешаны признаки феодализма и крепостничества.

На примере Румынии Маркс наглядно показал коренное различие, существующее между крестьянином, который платит ренту, и крестьянином превращающимся в раба, в собственность боярина. От настоящего раба крестьянин в эпоху крепостничества отличается только тем, что в его пользовании находятся средства производства, которых нет у раба.

М. Н. Покровский в своих работах отметил, что в XVI—XVII вв. в русской истории наступает перелом, что новая эпоха уже не является феодализмом, он назвал ее «торговым капитализмом». Конечно крестьянин и при феодализме не был свободен, существовало внеэкономическое принуждение, но все же положение крестьянина в крепостных латифундиях XVIII в. было принципиально отличным от его положения при феодализме XV—XVI вв. Новый крепостнический способ эксплоатации зарождался уже в предшествующую формацию (закупы и пр.), чтобы достичь полного развития в XVII—XVIII вв.

Маркс, желая уяснить себе экономические отношения в России, намеревался заняться русскими земскими материалами. Ленин этими материалами занимался и сделал свои выводы о крепостничестве, как особой крепостнической системе и о самодержавии в России как диктатуре крепостников. Те цитаты из Маркса и Ленина, в которых понятия крепостников и феодалов не отграничены друг от друга, не опровергают взглядов докладчика, ибо эти цитаты имеют в виду не абстрактно взятую формацию, а конкретные общества, с существующими укладами—феодальным и крепостническим.

Останавливаясь на выступлении т. Малышева, т. Дубровский отмечает, что т. Малышев уклонился от признания ленинского понимания самодержавия как диктатуры крепостников. Далее тов. Малышев указывал, что по Марксу капиталистическое общество вырастает из феодального. Но Маркс имел в виду конкретные общества: Англию, отчасти Францию. Там крепостничество действительно имелось только в форме уклада. В России же капитализм вырос не из феодального, а из крепостного общества.

Переходя к возражениям т. Минцу, докладчик прежде всего отмечает ряд методологических ошибок т. Минца. Он опровергает мнение, будто

бы он феодализм разбил на три уклада: феодализм, крепостничество и строй свободных товаропроизводителей. Последний строй (по Марксу—парцеллярных крестьян)—отнюдь не относится к эпохе феодализма. Все деление это—выдумка т. Минца. Неосновательно также и др. мнение, высказанное т. Минцем, будто из признания крепостничества особой формацией вытекает признание крестьянского движения как реакционного, а именно, что крестьянство боролось с более прогрессивным крепостничеством. Этот вывод т. Минц основывал на том, что-де перепрыгнуть от феодализма к капитализму, минуя крепостничество, нельзя. Тов. Дубровский доказывает прогрессивность крестьянского движения в борьбе и против феодализма, и против крепостничества за некрепостнический путь развития.

Тов. Минц совершенно превратно представляет себе борьбу промышленного капитала с торговым в виде борьбы фабриканта с купцом. Бывали лишь групповые столкновения вроде тех, которые нередко происходят и внутри класса промышленных капиталистов. Но промышленная буржуазия, фабриканты, никогда у нас основной движущей силой революции не были. Тогда на первом демократическом этапе революции была борьба против крепостничества за американский путь развития против русского. Эту борьбу против диктатуры крепостников вели конечно не фабриканты, а крестьянство под руководством пролетариата. Промышленники же революционной силой в России никогда не были.

Тов. Татаров выступил с концепцией особого типа недоразвитого феодализма в России. Он склоняется к точке зрения своеобразия русского исторического процесса. Между тем Ленин считал, что в России был такой же феодализм, как и на Западе. Конечно формы феодализма были различны в Азии, Западной Европе и России, но классовые отношения были повсюду одни и те же. Неправильно и другое утверждение оппонента, будто в России феодализм был окружен кольцом торгового капитала. Это—капитал, витающий в облаках, а по Марксу купеческий капитал, не создавая своего способа производства, проникал в поры существовавшего общества. Так и было в России XVII—первой половины XIX—вв.

Наконец докладчик отмечает, что он расходится с т. Удальцовым в вопросе о том, будто бы Маркс признавал особый азиатский способ производства. Что касается вопроса о феодализме и крепостничестве, то т. Удальцов правильно отметил, что в истории России между эпохами собственно феодализма и промышленного капитализма лежит длительный период (с XVI в. до средины XIX в.), который характеризуется развитием барщинного хозяйства. Этот экономический базис (совершенно специфический) имел и свою надстройку в виде диктатуры крепостников. В вопросе об укладах докладчик считает себя последователем Ленина и рассматривает учение об укла́дах как средство уяснить «сцепление самых различных способов производства, соподчинение господствующему укладу прочих укладов» и проч. Докладчик соглашается, что ни в Англии, ни во Франции крепостничества как формации не было (оно существовало лишь как уклад), но думает, что это не противоречит его схеме. Это вяжется и со всем тем, что говорилось о классовой борьбе в английской революции.

П. Кушнер (председатель) считает основной тезис докладчика, будто Маркс не признавал специфического азиатского способа производства, недоказанным. Другой вопрос, продолжал ли бы Маркс стоять на этой точке зрения, если бы он располагал теми данными, которыми

пользуется современная наука о восточных обществах. Для ответа на этот вопрос необходимо выяснить, какими источниками пользовался Маркс, конструируя азиатскую формацию. Такая работа еще не проделана. В своей концепции крепостничества как особой формации т. Дубровский пошел дальше М. Н. Покровского, который нигде не называет торговый капитализм специфической формацией. С точки зрения М. Н. Покровского влияние торгового капитала создает крепостные отношения, но эти последние составляют лишь одну из фаз феодализма. В таком понимании эпоха торгового капитализма шире крепостничества. Тов. Дубровский не доказал своего тезиса, но с другой стороны нельзя утверждать, что оппоненты его окончательно опровергли. Вопрос остался—открытым. В дальнейшем необходимо точнее разработать понятия формации и уклада, так как дискуссия обнаружила некоторую методологическую беспомощность ее участников, а затем приступить к конкретному изучению феодальных обществ и др. формаций. Изучение докапиталистических формаций дело тем более настоятельное, что антимарксисты бьют именно по этому слабому месту.

Доклад А. Ефимова

II

«КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ У МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА И ИХ ВЗГЛЯДЫ НА СТРУКТУРУ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ»

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

Маркс основой формаций в некоторых своих высказываниях считает форму эксплоатации («К.», т. I, гл. 7), в других—способ соединения рабочей силы и средств производства («К.», т. II, гл. 1). Противоречие между этими высказываниями лишь кажущееся, так как здесь идет речь о двух моментах одного и того же единства—производства: эксплоатация—это обратная сторона специфической общественной формы соединения рабочей силы и средств производства.

Если общественные отношения рассматриваются с точки зрения производителя, то на первый план выступает вопрос о форме соединения производителя со средствами производства, а следовательно, и о форме зависимости производителей от собственников условий труда. Оборотной стороной отношения производителя к средствам производства будет отношение собственников к главным условиям труда.

Итак, два охарактеризованные только-что, наиболее специфичиские момента не исключают друг друга, но являются моментами одного и того же противоречивого и находящегося в непрестанном движении и развитии единства, каковым является способ производства или формация.

Формация, или, что то же, способ производства,—это единство производственных отношений и производительных сил. Поэтому, изучая формацию, ни на минуту не следует забывать, что развитие производственных отношений определяется развитием производительных сил, но центр нашего внимания мы должны сосредоточить на форме эксплотации. Многочисленные споры о том, какая форма эксплоатации в основе той или иной формации,—это результат неучета того, что основные отношения формации диалектичны и развиваются до своей противоположности. Так, феодальное единство, развиваясь из родового, в первой стадии имеет базой большое количество мелких собственников. Затем крестьянская собственность перекрывается феодальной, и крестьянин из собственника земли превращается в владельца и из свободного—в крепостного. Феодальные отношения развиваются до своей противоположности. В буржуазном обществе развитие специфических форм стоимости от товарной к капиталистической идет путем превращения равенства автономных товарных производителей в свою противоположность—в «принудительное отношение»; собственность непосредственного производителя на средства

производства превращается в отсутствие у него собственности и в собственность капиталиста. Развитие рабства идет от рабства родового общества, когда раб включается в семью и является владельцем средств производства, доплантационной системы, когда раб работает при чужих условиях труда. Наконец, при азиатском способе производства исходное отношение--собственность родовой общины на условия труда—превращается в коллективное владение и прикрывается собственностью государственной, причем коммуны продолжают существовать, становясь базой для своего отрицания—для деспотии. Итак, каждая формация, зарождаясь в лоне предыдущей, развивается до своей противоположности, но это не значит, что формация теряет свою качественную определенность. Понятие формации предполагает формацию в ее наиболее полно развитом виде, при котором основное принудительное отношение имеет развитое и полное выражение. С другой стороны, внутри каждой формации происходит неравномерное развитие производительных сил и общественных отношений. Формация—не застывший кристалл. Возникновение каждой новой производительной силы становится в противоречие с общественными отношениями. До поры до времени в процессе борьбы это противоречие разрешается в пределах данной формации, но наступает такой момент, когда такое разрешение противоречий становится уже невозможным. Тогда наступает революция и происходят кризисы, во время которых формируются новые производственные отношения, появляются новые формации.

Переходим к различию между формацией и укладом. Процесс развития формаций в известной мере заключается в том, что внутри общества с господством одного способа производства появляются те отношения, пока еще деформированные, которые будут характерны для следующей формации. И наоборот, в последующих формациях сохраняются деформированные остатки предыдущих формаций. Это и есть уклады. Можно привести много примеров, когда уклад, входящий в данную формацию [1], деформируется: в горной Сванетии родовой старшина аула вызывает соседнюю общину на социалистическое соревнование по распространению 3-го займа индустриализации или по организации красного обоза для сдачи хлеба социалистическому государству. Это уклад, который подчинен совершенно новой формации [2], но уклад, который еще не уничтожен. Или возьмем племя южной Америки Уитото. Представители этого племени уже католики, хотя они помнят свои предания, которые относятся к их прежней религии. Вождь племени—агент каучуковой кампании.

В полном смысле развитой из антагонистических формаций является только капиталистическая формация, так как здесь имеет место наиболее полное и простое разделение общества на классы. Общества же докапиталистические имеют более сложную конструкцию, чем капиталистические. Так, в рабовладельческом обществе необходимым и характерным моментом является надстройка из свободных людей—не только рабовладельцев, как патриции и всадники в Риме, но и свободных античных

[1] В этом месте при вторичной правке стенограммы докладчиком сделана следующая ремарка: «Здесь грубый ляпсус. Не в данную формацию, а в данное общество—*А. Е.*».

[2] При вторичной правке стенограммы докладчиком сделана следующая ремарка: «Отмечаем неправильность этой формулировки, допущенной в докладе. Хотя и несомненно, что в данном случае родовой уклад деформируется под влиянием (социалистического уклада, однако здесь нельзя еще говорить о социалистической первой фазе коммунистической) формации».

пролетариев и крестьян; здесь общество строится «в два этажа». В качестве примера можно взять древний Рим, афинскую демократию, Южные Штаты Сев. Америки в XVII в. и т. п. Крепостнические общества также имеют внутри себя другое общество—общество свободных людей. В качестве частичной базы феодального общества—Маркс называет свободных крестьян и ремесленников: в феодальном обществе соприсутствует уже будущая буржуазная формация в своей первоначальной форме простого товарного производства.

Таким образом формацию мы определяем по тому типу отношений, который накладывает свой отпечаток на пережитки всех прошлых отношений и зачатки будущих. Всякая формация—это пестрое явление, но имеющее одну общую оболочку, которая определяется господствующим типом производства [3]. К числу укладов в марксистской литературе принято относить не только пережитки определенной формации, как таковой, но даже определенные отрезки формаций, имеющие известные (хотя и не решающие) отличия в структуре. Так, например, государственный капитализм самостоятельной формацией не является, но он характеризует определенный этап в развитии и распадении капитализма. Например, при социализме сохраняются элементы государственного капитализма, они входят в состав первой фазы коммунистического общества. Значит, здесь термин «уклад» применен еще к более частному явлению [4]. Но мы должны отделять от формации такие моменты, как ростовщический и купеческий капиталы, которые не являются ни формацией, ни общественным укладом. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что ростовщический и купеческий капиталы относятся к производству внешне, не являются производственными моментами. Здесь от производственных отношений обособляются вторичные производственные отношения. Несмотря на то, что ростовщический капитал возникает из производства, из того накопления, которое в самом производстве происходит,— эти вторичные производственные отношения обособляются от производства и оказывают обратное влияние на производство, причем купеческий капитал может оказывать и революционизирующее и консервирующее влияния в зависимости от того, в какой форме он развивается.

Далее докладчик, подчеркнув, что общественные отношения—это не «расстановка» людей, а их деятельность, переходит к вопросу об абстрактном характере формаций. Не верно утверждение буржуазных теоретиков (Макс Вебер и др.), что формация Маркса не более как идеальные типы, ни в коей мере не соответствующие действительности. Формации чрезвычайно ценны тем, что они являются и теоретическим выражением действительности и орудием познания действительности,—таким орудием, которое дает возможность сколь угодно близкого к адэкватному познания действительности. Формация, конечно, абстракция, но, в отличие от идеальных типов, она вполне реальна. При изучении ряда капиталистических или рабовладельческих обществ берутся основные

---

[3] При вторичной правке стенограммы докладчик в последних двух фразах слово «формация» заменил словом «общество», а слова «пестрое явление, но имеющее одну общую оболочку», заменил «пестрое целое».

[4] Авторское дополнение к стенограмме: Повторение отмеченной ошибки и, кроме того, весьма неудачная формулировка по вопросу о госкапитализме. Госкапитализм в Германии в период войны—тот же капитализм-формация в особой стадии и особых (военных) условиях. В СССР госкапитализм-уклад, в 1921 году союзник социалистического уклада, в настоящее время госкапитализм находится в стадии ломки социалистическим укладом.

структурные отношения, которые встречаются во всех обществах и реально существуют в каждом из них. Мысленное выделение основных черт экономической структуры, общих для всех этих обществ, и даст нам ту реальную абстракцию, которую Маркс называет общественно-экономической формацией. При анализе формации Маркс применяет и другую абстракцию. Он допускает, что капиталистический способ производства распространяется на весь мир («К.», т. I, с. 456, по изд. 1928 г.). Однако из этих абстракций не следует, что в исторических обществах налицо только два основных класса данной формации. Иначе пришлось бы допустить, что формация не развивается, так как развитие формации в том и состоит, что происходит уничтожение старых способов производства (Ленин, Собр. соч. 3-е изд., т. XVII, с. 262).

Соотношение между логическим[5] и историческим может быть ближе определено на следующем примере: логически капиталистическая формация развивается из феодальной. Между феодальной и капиталистической формациями не лежит какой-либо третьей формации. Между тем исторически между эпохой феодализма и эпохой развитого капитализма лежит эпоха торгового капитализма. Однако здесь нет никакого разрыва между «логическим» и «историческим». Логически также предполагается, что феодализм не мгновенно перешел в капитализм. Предполагается, что в недрах феодального общества зарождается буржуазное общество и что по мере его развития изменяется и самый характер феодального общества.

После известного критического периода перед нами уже не последняя стадия феодального, а первая фаза буржуазного общества. Эпоха торгового капитализма имеет два лица: одно, обращенное к прошлому,— и это будет последней фазой феодализма, другое, обращенное к будущему,—когда перед нами уже первая фаза капиталистической формации. Дореволюционная Франция показывает нам один из вариантов разложения феодального общества. Период революции—критический переход от последней фазы феодализма к первой фазе капитализма. После революции во Франции еще не промышленный капитализм, там еще продолжается эпоха торгового капитализма. В этот период происходит развитие машинного производства. Только к 30-м гг. во Франции к власти окончательно приходит буржуазия и здесь оформляется капиталистическое общество.

II. РАЗВИТИЕ ВЗГЛЯДОВ МАРКСА И ЭНГЕЛЬСА НА КЛАССОВУЮ СТРУКТУРУ ВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Взгляд Маркса и Энгельса на классовую структуру восточных обществ претерпевал весьма значительные изменения в разные периоды их жизни. Первая наметка постановки вопроса о восточной форме производства встречается в «Немецкой идеологии», где, перечисляя различные исторические формы собственности, соответствовавшие различным ступеням в развитии разделения труда, Маркс говорит только о родовой собственности, об общинной (государственной, а в дальнейшем частной) и феодальной или сословной. Об особой восточной собственности здесь нет упоминания. Те же взгляды встречаем мы и в«Нищете философии» (гл. Г, § 2) (1844—46 гг.). Нет упоминаний об азиатском способе производства и в «Коммунистическом манифесте» (1847). Здесь первым

---

[5] Имеется в виду диалектическая логика.

историческим, антагонистическим отношением названо отношение свободного и раба, т. е. первым классовым обществом названо рабовладельческое общество. Та же картина и в «Наемном труде и капитале» (1849). В период между «Нищетой философии» и выходом в свет I тома «Капитала» Маркс в переписке дает материал, отчетливо характеризующий его точку зрения на азиатское общество. В письме Энгельсу от 2 июня 1853 г., давая отзыв о книге Франсуа Бернье, Маркс в числе бедствий, постигших Индостан, упоминает «гражданские войны, вторжения, завоевания, голод». Раз речь идет о «гражданских войнах», то нужно полагать, что имеется в виду классовое общество. Однако в конце того же письма Маркс выражает сомнение в правильности допущенного им выражения «гражданские войны».

Итак, либо Маркс и Энгельс считали восточные общества рабскими обществами с государственным владением рабов, либо—что совершенно противоположно этому—они считали эти общества доклассовыми, патриархальными с господством родовых отношений и родовой собственности. По крайней мере в тех работах, которые мы назвали, в числе классовых обществ азиатские общества не встречаются. Наконец по тем или иным причинам, Маркс и Энгельс могли обойти молчанием исторически наиболее древний вид классовой собственности, если только они считали азиатские общества классовыми. Свою точку зрения Маркс яснее выразил в письме об Индии (22 июня 1922 г.), где говорится: «Индия... не смогла избегнуть участи завоевания, и вся ее прошлая история, если вообще о таковой может итти речь, является историей последовательных завоеваний, которым она подвергалась. Индийское общество не имеет никакой истории, по крайней мере никакой известной истории».

Но Маркс («Коммунистический манифест») историей считал лишь историю классовых обществ, следовательно в 1853 г. общественный строй Индии не представлялся ему классовым. Эта оценка находилась в соответствии с тогдашним состоянием науки. Тогда общепризнанным было мнение, что частной собственности на основные производства в Индии не существует, что классы собственников заменились государством-завоевателем-собственником, облагавшим покоренных данью.

Однако и здесь делается оговорка («Индийское общество не имеет... никакой известной истории»), показывающая, что Маркс допускал возможность существования в Индии классов, которые не были еще открыты.

Затем докладчик переходит к сравнительной характеристике взглядов Маркса и Гегеля на ступени развития общества и устанавливает роль Гегеля в генезисе марксовой концепции социально-экономических формаций, начиная свой анализ с общих историко-методологических предпосылок Гегеля.

Тот или иной характер народа, по Гегелю, зависит от местных природных условий. Наиболее благоприятен в этом отношении умеренный климат, так как, только удовлетворив основные потребности, человек может обратиться к возвышенному (в жарких и холодных странах эта возможность на первых ступенях развития исключена). Затем благоприятствуют территории плодородных речных долин, в которых земледелие—основа хозяйства и где раньше всего появляется земельная собственность. Эти территории благоприятнее горных областей, где жители занимаются только скотоводством. Их культура неизмеримо ниже земледельческой, и при столкновении тех и других горные племена скотоводов способны лишь на разрушение. Считая, что действительное начало

всеобщей истории связано с началом правового государства, Гегель в то же время подчеркивает, что настоящее государственное управление устанавливается только тогда, когда уже имеется различие сословий, когда богатство и бедность становятся очень велики и наступает такое соотношение, что значительное число людей не может уже удовлетворить свои потребности так, как они привыкли.

Эти данные говорят, что хотя и в мистифицированной форме, но совершенно отчетливо Гегель связывал вопрос об «историчности» того или иного народа с вопросом о наличии разделения по богатству и бедности и с вопросом о существовании государства, как сказали бы мы, в обществе с наличием классов (Гегель этого вывода в такой форме не делает). В других случаях условием историчности Гегель выдвигает покорение одного общества другим.

Гегель неоднократно подчеркивает, что человечество имеет своим началом восток и что «Азия—это часть мира всяких начал, всяких исходов». Подобные же представления имеются и у Маркса, причем как Гегель, так и Маркс в данном случае находились в несомненной зависимости от неоспоримой для начала XIX столетия теории великого переселения народов. Для Азии по Гегелю характерна субстанциональная свобода. Не субъективная, которая заключается в том, что каждая личность самостоятельна по отношению к государству, имеет право иметь земельную собственность и ряд других прав, признанных и защищенных государством, а субстанциональная, т. е. такая, при которой личность растворена в известной группе или в государстве, и когда свободной волей обладает эта группа или государство, а личность не имеет своей воли, отличной от воли группы или государства.

В результате на Востоке общество остается стабильным. Там мы видим подобие царства сна, «неисторическую историю», причем «историческое» Гегель характеризует прежде всего наличием развития и, во-вторых (в данном случае), покорением одних обществ другими. Такова общая историко-методологическая установка Гегеля. Его высказывания о конкретных восточных обществах касаются главным образом Индии и Китая. В Китае Гегель основой общества видел патриархальность, а объединение китайцев в государство объяснял нашествием и господством Монголов. В Китае все основано на семейных отношениях. Личность растворена в субстанциональном единстве семьи. Монарх господствует в качестве патриарха и все китайское государство покоится на моральной семейной связи. Китай по Гегелю—страна абсолютного равенства и все различия создаются только участием в управлении страной. Но в Китае нет никакой свободы, и деспотия—неизбежный способ управления. Поскольку там нет частной собственности, там нет и частных интересов.

Индия же в представлении Гегеля—новая ступень в развитии человечества. Здесь субстанциональным единством является не семья, а каста, и вся Индия, как единство, состоит из этих каст. Отсюда известная свобода особенностей, которая отсутствует в Китае. Здесь взамен природных отличий людей на первый план выступают кастовые отличия. Единство, в котором это разделение должно прийти к завершению, носит религиозную форму, и так возникает теократическая аристократия и деспотизм.

Понятие историчности для Востока у Гегеля связывается с завоеванием патриархальными дикими кочевниками патриархальных же мирных земледельцев долин и с восстанием свободных жителей долин против

завоевателей. Другой момент историчности на Востоке Гегель усматривает в произвольных притеснениях раджами индийского народа. Однако в собственном смысле, Гегель еще не считает это историей может быть потому, что в Китае и Индии он не находит еще различия по богатству и бедности (кроме некоторых привиллегий браминов в Индии—брамины не платили налогов за свои земли), не находит различия сословий (кроме каст в Индии), не находит и правового государства. В Индии царит самый дикий произвол раджей, но Гегель никак не может объяснить на чем он базируется. «Если в Китае все—государство, то индийская политическая действительность—это только народ». В Индии нет никакого государства, так как здесь нет ни личной, ни субстанциональной свободы. Если в Китае моральный деспотизм, то то, что еще может быть названо в Индии политической жизнью—это деспотизм без какого-либо основания, без правил морали и религиозности, наихудший позорный деспотизм. Взгляды Гегеля оказали несомненное влияние на выработку марксова понимания восточных обществ. В ранних работах Маркс под «азиатскими способами производства» подразумевает производство замкнутых, самодовлеющих общин с общественно организованным внутри общины ремеслом. Здесь рисуется сеть изолированных, замкнутых общин, которые производят самостоятельно и только периодически подвергаются ограблению племенем-завоевателем, либо в форме «потока и разграбления», либо в виде дани, собираемой сборщиками. Азиатская формация, о которой Маркс упоминает в 1859 г., это—архаическая родовая формация, а не «первобытная» орда голых, обросших шерстью людей, хотя некоторые вульгарные критики Маркса подсовывают ему такое понимание архаической формации, забывая, что доклассовое общество имеет свою длинную историю и в своей последней фазе знает зачатки собственности, классов и даже государства. Эта точка зрения Маркса сохраняется и в I т. «Капитала», который перерабатывался вплоть до 1875 г., хотя встречающиеся здесь характеристики восточных обществ и даны с большою осторожностью.

Об азиатской формации в I томе упоминаний нет; что касается азиатского «способа производства», то обычно речь идет о широкой базе производства в восточных обществах, об общинном способе производства, причем об его древнейшей форме,—той форме, которую Маркс раньше называл азиатской (азиатская община—первобытный коммунизм).

Перемена взглядов Маркса на азиатское общество произошла в промежуток времени с 1875 по 1877 г., когда Маркс работал над проблемой ренты. Изложение этих окончательно оформившихся взглядов мы находим в рукописи о ренте, которая вошла в III т. В этом томе, хотя и встречаются старые формулировки (они объясняются тем, что в III т. вошли и такие фрагменты, которые были написаны одновременно и даже раньше I тома), но в основном проводится новая точка зрения на азиатское общество, как на общество классовое. В отделе «Отработочная рента» Маркс показывает, что если непосредственный рабочий остается владельцем средств производства и условий труда, то отношения собственности необходимо будут выступать, как отношения господства и подчинения. Следовательно, непосредственный производитель будет несвободен (крепостничество с барщинным трудом, которое может смягчаться до простого оброчного обязательства). Но он ведет самостоятельное хозяйство (земледелие и деревенско-домашняя промышленность), и эта самостоятельность не уничтожается тем, что как например в

Индии, мелкие крестьяне соединены в родовую общину, так как здесь речь идет только о самостоятельности по отношению к номинальному землевладельцу.

При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее. Данная форма как раз тем и отличается от рабского или плантаторского хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно.

Если владельцу земли противопостоит не частный собственник, а государство (как это наблюдается в Азии), то рента совпадает с налогом. Но Маркс подчеркивает, что при номинальном отсутствии земельной собственности на Востоке существует особая разновидность фактической земельной собственности, а именно частное владение землей, которое бывает не только крестьянским частным владением и пользованием, но и «сатрапским» и даже вотчинным владением землей.

В застойных восточных обществах, где сила традиций чрезвычайно велика, при номинальном отсутствии частной собственности (юридической) возможно появление фактической собственности. Формально земля на Востоке принадлежит падишаху, шах-ин-шаху, «сыну солнца» или даже самому Аллаху, но фактическая собственность может быть и у крестьян и у господствующих классов, которые заинтересованы в закреплении их имущества. Поэтому сатрап—это не только сборщик ренты, но и получатель ее по праву владения, которое фактически является закрепленным обычаем видом неписанной собственности. Основные классы здесь будут те же, что и в феодальной формации: государственные крестьяне и помещики—агенты государства. Вот почему азиатское общество—вариант феодального, а не самостоятельная формация.

В чем же отличие восточного и западного феодализма? Отчетливый ответ на это дают письма Маркса к Засулич. Маркс говорит, что «сельская община, будучи последней фазой примитивной формации общества, является в то же время фазой перехода ко вторичной формации, т. е. переходом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности». Маркс констатирует, что еще в середине XIX в. в ряде восточных стран до самого появления европейцев сохранялась первобытная коммунистическая община с коллективной собственностью на землю, в Европе же в период классового расслоения общества община разлагалась и земля становилась частной (в первую очередь семейной) собственностью при сохранении (и то не везде) альменды.

В период классообразования в восточных обществах действуют одновременно две противоположные тенденции: 1) связанности, коллективности производственного процесса и собственности на главное условие труда—землю и 2) образования частного наследственного владения и собственности. Чем резче выражена первая тенденция, тем отчетливее азиатский характер классообразования, причем в таких случаях консервирование общины идет сверху. Образующаяся централизованная деспотия в известных случаях начинает вести борьбу с «наследственностью» сатрапов и проводит принцип «артельности», перемещения сатрапов из одной провинции в другую, смещая сатрапов за отказ от выполнения повинностей и т. д. В итоге складывается действительная или фактическая национализация земли и ренты (это не устраняет того, что в лице сатрапов мы видим скрытых фактических владельцев земли). В чем же причина национализации земли? Несомненно, что в древнейшие периоды

эта «национализация» могла явиться надстроечным выражением некоторых моментов коллективности производственного процесса. Если мы учтем, что «заботы об орошении» охватывают лишь некоторые стороны производственного процесса, не затрагивая его основных моментов, то соответственно и «национализацию» земли и ренты следует рассматривать, лишь как некоторые элементы национализации, которые превращаются в голую фикцию в тех случаях, когда в восточной стране отсутствует центральная система орошения, требующая централизованного вмешательства в производственный процесс. Эта юридическая фикция может получать поддержку путем влияния торгового капитала, от моментов завоевания и т. п.

Конкретным примером восточного общества могут служить те части Азербайджана, которые ряд столетий находились под властью Персии, а в XVIII—XIX вв. были захвачены Россией. Здесь, в долине Куры и Аракса, земледелие возможно только при условии орошения, здесь же происходили постоянные вторжения кочевников в долины, населенные по преимуществу армянами. В этих условиях и сложились отношения, охарактеризованные выше, как специфически азиатские (докладчик приводит фактический материал, почерпнутый главным образом из «Актов археологической комиссии Кавказского Края»).

В заключение докладчик выдвигает «рабочую гипотезу» о судьбах прибавочного продукта в различных формациях. Рабский способ производства возможен только при сравнительно очень высоких естественных производительных силах. В феодальном же обществе естественные производительные силы могут быть ниже, но общественные производственные силы, в том числе и рабочая сила, там стоят на гораздо более высокой ступени. Для всех предкапиталистических обществ характерно, что прибавочный продукт (в основной массе—*А. Е.*) не включается в производство; здесь мы не имеем расширенного производства, прибавочный продукт в значительной мере употребляется непроизводительно. На базе рабских и крепостнических (в том числе и восточных феодальных) обществ мы имеем расцвет пышной надстроечной культуры господствующих классов при относительно застойном производстве, когда прибавочный продукт идет на непроизводительное потребление, вкладывается в существующее производство, не революционизируя его основ, не употребляясь на существенное изменение орудий труда, напр., на массовую замену орудий машинами.

Итак, существуют следующие качественные показатели производительных сил феодального и рабовладельческого общества: прибавочный продукт уже существует. Он создает классовое расслоение и является объектом монополии одних классовых групп, но этот прибавочный продукт не служит для революционизирования техники, отбирается у производителей и в значительной мере непроизводительно потребляется. В этом качественное отличие между уровнем развития всех докапиталистических формаций с капиталистической, в которой (до поры до времени) прибавочный продукт включается в производство и ведет к его расширению [6].

[6] При этом в каналах обращения и у ростовщиков возможно значительное накопление прибавочного продукта, который из этих каналов, с одной стороны, и из среды самого производства—с другой, в известный момент и в известных общественных условиях может быть обращен для революционизирования старой производственной техники. В этот период, когда под влиянием импульсов к расширению производства торговый капитал из производственного общественного отношения становится одним из моментов производства,—уже намечается возможность разрушения старого способа производства.

Дальнейшие исследования тенденций буржуазного развития восточных обществ могли бы ближе подвести к вопросу о возможности перехода от первичной формации к капитализму несколькими путями—непосредственно через рабовладельческое общество или обязательно и через феодальное общество, относя к числу последних и восточный феодализм. Но этот вопрос очень сложен. Мы не будем сейчас на нем останавливаться и ограничимся лишь самой общей постановкой вопроса.

ПРЕНИЯ

С. Дубровский. Докладчик совершенно правильно поставил вопрос о необходимости изучать взгляды Маркса и Энгельса в их развитии. Но это относится ко всякой схеме, даже и невполне марксистской, а в том числе и к схеме самого т. Ефимова. Здесь не трудно доказать, что свои «гегелевские идеи» он почерпнул от т. Волина. Тов. Волин занимает в вопросе об азиатском способе производства примиренческую позицию. Он признает азиатский способ производства, но лишь как особый вид феодализма и считает его основным признаком наличия патриархально-первобытной коммунистической общины и т. д. Эту же позицию обосновывает т. Ефимов, ссылаясь на развитие взглядов самого Маркса. Он доказывает, что Маркс в определенный период не был марксистом и до 70-х годов считал, что вся азиатская деспотия—надклассовая организация.

Но перейдем к основному—к определению общественных формаций. Маркс в основе формации видит ту специфическую форму, в которой неоплаченный продукт высасывается непосредственно из производителя. В этом отношении эксплоатация является центром для определения способа производства. Хотя в стенограмме доклада есть кое-какие оговорки, но все же т. Ефимов принимает часть за целое и ставит знак равенства между формацией и способом производства. Способ производства составляет экономическую структуру общества, на которой возвышаются всякие надстройки, и формации—это единство базиса и надстроек. Но могут быть способы производства, которые вовсе не являются формациями. Например, простое товарное производство, связанное с парцелярной земельной собственностью. Маркс в «18 брюмера» совершенно ясно указывает, что этот способ производства вовсе не создает своей формации, что крестьяне не могут сами себя представлять, что их должны представлять другие классы. Этот же способ производства во Франции после революции 48 года был главным и имел громадное значение для всех политических надстроек, но он не определял их.

Отсюда открывается путь для понимания ленинского учения об укладах, которое имеет особенно большое значение применительно к конкретным обществам. Можно утверждать, что всякое конкретное общество содержит в себе остатки предшествующих общественных образований и зачатки будущих. Так, даже в самом типичном феодальном обществе вы найдете остатки патриархального и рабского общества и зачатки капиталистического способа производства. Только различая уклад и формацию, можно дать правильный анализ госкапитализма. В Германии госкапитализм не является укладом. А в советском обществе это—уклад, и Ленин его отделяет от частнохозяйственного капитализма. Троцкистское понимание госкапитализма, как определенной господствующей у нас системы, уже достаточно разоблачено. Ведь в частнохозяйственном, капиталистическом предприятии вы имеете отношения между наемным

рабочим и капиталистом (нэпман и рабочий, кулак и батрак), а в государственно-капиталистическом предприятии (концессия, арендованное предприятие) кроме отношений между наемным рабочим и капиталистом есть еще и взаимоотношения между капиталистом и диктатурой пролетариата.

Вот еще пример ленинского понимания укладов. Ленин выделяет социализм и коммунизм от переходной ступени к социализму—от диктатуры пролетариата. Вне всякого сомнения это не разные формации, но если вы возьмете их в историческом развитии, здесь будут разные уклады. В переходную эпоху диктатуры пролетариата мы имеем целый ряд хозяйственных образований, например колхозы. Их нельзя причислить к последовательно социалистическим предприятиям, так как в них не государственная, а индивидуальная собственность на средства производства. Но колхоз это и совсем не то, что простое товарное или мелкотоварное производство. Это особое явление, это новая советская форма производственных отношений.

Ленинское учение об укладах дает очень много также и для понимания предшествующих общественных формаций. В частности, без него не понять конкретных азиатских обществ. Тов. Ефимов говорит чудовищную вещь, что во всех азиатских обществах (Азербайджан, Индия, Катай) был один способ производства всегда, во все времена Ведь это чистейшее азиатофильство, утверждающее об особом пути развития азиатских народов.

Какова точка зрения Маркса и Энгельса на развитие азиатского общества? Тов. Ефимов пытался доказать, что Маркс в 50—60-х годах считал азиатское общество первобытно-коммунистическим. Но это абсолютно неправильно. Нелепо думать, что Маркс, зная о власти богдыхана, мог в Китае не видеть классового общества.

И дальше. Я обращаюсь к письмам об Индии. Ведь здесь достаточно четко Маркс говорит, что у этого правительства были особые ведомства: военное ведомство, которое грабило народ, финансовое, которое тоже грабило свой народ. Замечательный первобытный коммунизм, где имеется какая-то власть, которая грабит свой народ! Вы нигде не найдете у Маркса утверждения об особом азиатском способе производства, также как не найдете и особого античного способа производства: как в Азии, так и в античном обществе были разные уклады. Единственное место, где Ефимов признает наличие у Маркса правильной установки,—это III том «Капитала». Только здесь Маркс стал «марксистом», только здесь, написав о ренте, он нашел классы. Но ведь это совершенно не соответствует развитию идей Маркса.

Несколько слов об Азербайджане. Переход к Азербайджану в работе Ефимова—это казалось бы шаг вперед в сторону конкретного изучения восточного общества. Но, уловив там феодализм и крепостничество, т. Ефимов совершенно не понял того способа эксплоатации и способа производства, который характеризует данное конкретное общество—Азербайджан. Почему я делаю все время упор на уклады? Да просто потому, что Маркс и Ленин, а потом и Покровский все время упирают на это. Покровский писал об особом крепостническом обществе. И это, действительно, чрезвычайно много помогает нам в смысле изучения конкретных обществ. Вполне понятно, что вы можете иметь феодализм там, где вы не будете иметь барщины, где вы не будете иметь крепостничества. Я категорически утверждаю, что сторонники того взгляда, что если нет эксплоатации барщиной (а есть эксплоатация продуктами), то

там нет феодализма, говорят чудовищную вещь. А как быть в том случае, когда нет барщины, а имеется рента продуктами? Вы заявляете, что феодализм это то, где имеется эксплоатация барщиной. Отдельные китаеведы заявили, что если бы там был феодализм, то там были бы замки. барщина, без которой нет феодализма. Вот почему стали конструировать особый азиатский способ производства.

Тов. Ефимов не понял разницы между феодальной и крепостнической эксплоатацией. Маркс показал на основании анализа Румынии,—а Румыния, как пить дать, похожа на Азербайджан,—что там мы имели дело с оформлением крепостничества. Совершенно ясно, что оформление крепостничества в Азербайджане шло под влиянием диктатуры крепостников в России. Все, что относится у Маркса к характеристике крепостничества, целиком относится к данному этапу феодализма Азербайджана. Если вы правильно отметите разницу между феодальной эксплоатацией и крепостнической эксплоатацией, тогда для вас будут совершенно очевидны те этапы развития, которые претерпевает феодальное общество. Нелепица—думать, что каждое феодальное общество обязательно должно перейти к феодализму через крепостничество. Нигде нет такой исторической схемы. Это только одни вымыслы и больше ничего.

Несколько слов о господствующем способе производства. На этот счет существует большая путаница. Стоит ли здесь упоминать, что господствующий уклад определяется не арифметически? Ведь в 1918—1921 гг. у нас арифметически господствовал не социалистический уклад, а мелкобуржуазная стихия, но диктатура пролетариата все же существовала и не вопреки экономике, а как раз наоборот. Рассуждать иначе, исходя из арифметических подсчетов, это значит скатиться к меньшевизму и утверждать, что диктатура пролетариата у нас существует вопреки экономике.

Возьмем теперь Францию. Там господствующим укладом был феодализм, но развитие в недрах феодализма крепостничества давало известное измененное качество всей формации, которое, правда, не дошло до той меры, какой достигло крепостничество в России. В России мы имели крушение старых феодальных качеств, во Франции—крепостничество не дало своего качества. Что касается Англии, то здесь имел место переход от феодализма к капитализму, в основном минуя крепостничество, хотя крепостнический уклад там был налицо. В России же был переход от феодализма к крепостничеству и от крепостничества к промышленному капиталу. Это достаточно хорошо показал Покровский. Я сейчас специально пишу статью, где на основании фактов Покровского, по-моему необычайно убедительных, говорю о том, о чем говорил Покровский, а именно, что в России феодализм благополучно разрушился в XVI в. и что родился новый класс—класс помещиков, который вступил в борьбу со старым классом—боярством. Таким образом мы должны заявить, что бояре и крепостники—это разные классы. Покровский говорит, что это разные классы. Крепостники—это тот класс, который сверг власть феодалов и который в опричине утвердил диктатуру крепостников. Во всяком случае в России мы имели существование диктатуры крепостников на базе крепостнического способа производства, тогда как другие страны до крепостничества не дошли.

Мне сегодня рассказали, что некоторые историки доказывают, что может быть не только мирное врастание феодализма в крепостничество, но может быть врастание капитализма в социализм. Об этом говорилось на съезде востоковедов. Так можно договориться до какой-угодно

чепухи. Но, если бы вы взяли проблему феодализма и крепостничества в Азербайджане, вы открыли бы несомненно факт трансформации феодализма в крепостничество, отрицание крепостничества, развитие капиталистического способа производства (который там был, конечно, очень слабо развит), затем отрицание и феодально-крепостнического способа производства, наконец, революцию, которая сметет остатки феодально-крепостнических отношений и расчистит путь в процессе ожесточенной классовой борьбы для социалистического переустройства.

Я кончаю. К сожалению, т. Ефимов остался на прежней примиренческой позиции. Он от азиатского способа производства только отчалил. Я пожелаю ему, чтобы он скорее ликвидировал азиатский способ производства и окончательно с ним порвал.

О. Трахтенберг. Я буду говорить только о теории формаций.

В этом вопросе надо начинать с начала: с производительных сил и с производственных отношений. Мы все время говорим об единстве производительных сил и производственных отношений, но не всегда имеем в виду взаимное проникновение этих двух начал. Некоторые, если не откровенно, то затушеванно представляют себе эти два начала, как две какие-то «отдельные» силы, существующие рядом: здесь—производительные силы, а там—производственные отношения. С этим надо сразу и раз навсегда покончить. Тут действительно нужно говорить о настоящем диалектическом единстве, о взаимном проникновении двух этих начал. Производительные силы—это единство средств производства и рабочей силы, но как соединяются рабочая сила и средства производства? Для того, чтобы производительные силы стали производительными силами, надо, чтобы эти два элемента соединились. Они соединяются в общественной среде, и способ соединения рабочей силы и средств производства—это уже будет определенным производственным отношением. Так при капитализме соединение происходит в товарной форме, когда рабочая сила превращается в товар. Это значит, что сами производительные силы для того, чтобы стать производительными силами, а не быть двумя разными элементами, должны соединяться в определенной форме производственных отношений. Без производственных отношений не может быть и производительных сил. Отсюда и социальный (в классовом обществе—классовый) характер производительных сил.

Теперь можно определить, что же такое способ производства. Самую основу тех исходных производственных отношений, которые оформляют производительные силы, делают их самими собой, проникают во внутрь этих производительных сил,—эту основу и надо называть способом производства. Способ производства—это та форма, в которой происходит реализация производительных сил. Эта же форма зависит от распределения средств производства и от характера их соединения с рабочей силой. Сделав это положение исходным, мы получаем два основные типа: когда средства производства от непосредственных производителей 1) отделены и 2) не отделены. В первом случае у нас классовые способы производства, причем характер соединения средств производства и непосредственных производителей есть вместе с тем определенная форма эксплоатации. Антагонистическими способами производства Маркс считает рабский, феодальный и капиталистический, причем он ясно говорит, что это и есть три разные типа соединения рабочих сил со средствами производства. Я считаю, что азиатского способа производства, «как такового»,—нет. Что же касается рабства, то здесь надо различать целый ряд градаций, начиная от рабства в патриархально-родовом строе и кончая плантационной

системой в Южных штатах Америки. Античность же и рабский способ производства это не одно и то же. Далее феодализм. Единый в существе феодальный способ производства тоже прошел целый ряд градаций. Феодализм легко может быть понят из противопоставлений (их делает Маркс) феодального способа производства капиталистическому.

Перейдем теперь ко второму типу способа производства, где средства производства не отделены от рабочей силы. Здесь соединение рабочей силы и средств производства тоже имеет свое место, но это будут уже не производственные отношения как отношения господства и подчинения, а производственные отношения технического порядка. Когда мы будем различать здесь определенные способы производства, на первое место выступает момент распределения средств производства (или «субъекта» средств производства). И если мы возьмем общество в целом, как субъект средств производства, мы имеем коммунистическую формацию. Маркс в «Критике Готской программы» и Ленин в «Государстве и революция» отличали две ступени бесклассового общества: социализм и коммунизм. Ленин подчеркивал целый ряд признаков, в том числе формулированных еще Бабефом и Сен-Симоном (каждому «по потребностям» или каждому «по его работе»). Иными словами, Ленин различает две ступени бесклассового общества не по признаку разных способов производства (на обеих ступенях классов уже нет, и средства производства принадлежат уже всему трудовому обществу), а по разным формам распределения (базирующимся на различном уровне производительных сил). Итак, внутри одной формации возможно наличие некоторых вариаций вторичного порядка.

Теперь возьмем в качестве «субъекта» общину,—мы получим различные оттенки доклассовых порядков от родового строя до так называемой аграрной коммунистической общины или разные этапы, которые в целом можно объединить под названием первобытно-коммунистических образований. Дальше идет совершенно неоформленное образование, которого фактически на земле теперь не существует,—это так называемый первобытный дородовой строй. В итоге получается два типа неантагонистических образований: доклассовое и бесклассовое (коммунизм) общество. Тут возникает вопрос: куда отнести такое соединение средств производства и рабочей силы, когда они объединены, но в порядке не общественной, а частной собственности (мелкое производство крестьян или ремесленников)? Для правильного ответа на этот вопрос надо помнить, что способ производства и формация—это понятия не совершенно идентичные. «Сущностью» формации в диалектическом смысле слова является конечно способ производства; из этого способа производства вытекает та или иная совокупность вторичных форм экономической структуры; наконец, этот костяк обрастает надстроечным «мясом». Надстройка — это форма выявления экономического содержания. В этом смысле слова она конечно не имеет самостоятельного значения. Так надо понимать «отожествление» Марксом и Лениным формаций со способом производства. Это видно из определенных высказываний Ленина в работе «Что такое друзья народа». Вспомним далее слова Маркса о том, что в различной конкретной исторической среде один и тот же экономический базис может иметь различное экономическое выявление. Исходя из этих конкретно-эмпирических вариаций, мы должны различать понятия основных и вторичных, или вспомогательных, формаций (терминология условная, я на ней не настаиваю). Пример: социализм и коммунизм. Здесь способ производства один, но есть отличие, и оно в той же экономике, но уже выросшей на почве

данного основного способа производства. Возможно, здесь лучше всего говорить о «ступенях», «этапах» так называемых основных формаций.

Конечно вариации надстроечных явлений не представляют собою никакой вариации формаций. Тут нет разных формаций даже «вторичного» типа, но различные типы надстроек должны быть безусловно приняты во внимание. Например две формы политической организации: централизованный и децентрализованный феодализм. Тут о двух формациях не может быть и речи. Но эти вариации нужно принять во внимание для различия двух конкретных типов общества. Если сущность всякой формации—это способ производства, то не всякий способ производства превращается в формацию, т. е. в реально, конкретно существующее особо-общественное качество. Некоторые способы производства не развиваются до степени формации, они остаются на ступени несамостоятельных способов производства, включающихся в формацию в порядке «укладов». Лучший пример тому—«парцелярное мелкое производство».

Мы подошли к вопросу об укладах. То понимание формаций, о которых я только что говорил, есть известного рода абстракция в диалектическом (не веберовском) смысле слова. Но какова конкретизация этой абстракции? Конкретно—значит в связи. Формация не существует в конкретном обществе, как нечто чистое. Она существует как сложное единство, как единство, в котором данная формация есть нечто доминирующее. Затем в эту доминирующую формацию включаются уже не на правах равноправных формаций, а на правах «укладов» другие напластования.

Уклады состоят из различных элементов: из пережитков формаций, из зачатков будущих формаций и из тех элементов, которые, подобно мелкой парцелярной собственности, никогда формацией не были и никогда ею не станут.

Это надо отличать от того, что я назвал вторичной формацией. То, что я назвал «этапом», «ступенью» формации имеет единый способ производства с различными экономическими вариантами, исходящими из данного способа производства. А здесь есть уклады, у которых совершенно иные способы производства, ничего общего с доминирующим способом производства не имеющие.

М. Зоркий. Учение Маркса о социально-экономических формациях — это фундамент марксистско-ленинской теории революции. Именно поэтому оно не в фаворе у всяческих ревизионистов, и заслуга Ленина состоит в том, что уже в своих ранних произведениях он подчеркнул решающее значение этого учения. Это значение выступает особенно ярко, когда мы имеем дело с проблемой перехода от одной формации к другой, — иными словами, с проблемой революции. Антидиалектическое мышление неизменно пытается каким-либо образом обойти методологические трудности проблемы. Этим объясняются разнообразнейшие попытки запереть диалектику переходного периода в какую-нибудь особую клетку, выдумать особые промежуточные квазиформации.

В докладе недостаточно развернуто поставлен вопрос о специфичности социально-экономической формации. Из основного «закона движения» каждой формации вытекает целый ряд ее конкретных своеобразных черт. Пример: общие соображения относительно связи базиса и надстроек относятся, разумеется, и к феодальной и к капиталистической формациям, но тип связи в каждой из формаций будет существенно отличным. Так, говоря о роли государственной надстройки, было бы

неправильно ограничиваться указанием на то, что при капитализме государство успело дальше отодвинуться от базиса, а при феодализме еще недостаточно отдиференцировалось. Здесь налицо качественно иная роль государства, вытекающая из особенностей феодального способа производства.

Тов. Ефимов выдвигает «рабочую гипотезу» по вопросу о судьбах прибавочного продукта в различных формациях. Приложим эту «рабочую гипотезу» к одной из докапиталистических формаций,—допустим, к феодальной. Следуя за мыслью т. Ефимова, мы вынуждены будем допустить, что при феодализме: 1) «прибавочный продукт не включается в производство»; 2) «вкладывается в существующее производство»; 3) «вкладываясь», он «не революционизирует» основ производства; 4) он не употребляется на «массовую замену орудий машинами». «Включается» ли прибавочный продукт в производство? «Революционизирует» ли он «основы» данного производства? Вот в чем существо проблемы. На первый вопрос т. Ефимов отвечает отнюдь не диалектическим «и да и нет»; на второй—категорически «нет». При такой постановке вопроса выход из феодального общества в капиталистическое становится совершенно необъяснимым.

В какой же форме шло развитие производительных сил в недрах феодального общества? Ни феодальное поместье, ни город не знали технических революций; но значит ли это, что производительные силы стояли на месте? Разумеется, нет. Техника оставалась рутинной, но развитие производительных сил находило выражение в отделении от земледелия одной отрасли промышленности за другой.

Перехожу к вопросу о том, как у т. Ефимова «логическое» связывается с «историческим».

«Формации чрезвычайно ценны (?) тем,—говорит т. Ефимов,—что они (?) являются теоретическим выражением действительности и орудием познания действительности,—таким орудием, которое дает возможность сколь угодно близкого объективного познания действительности». И дальше: «формацию мы определяем по тому типу отношений, который накладывает свой отпечаток на пережитки всех прошлых отношений и зачатки всех будущих. Всякая формация—это очень пестрое явление, но имеющее одну общую о б о л о ч к у, которая определяется господствующим типом производства и общественными отношениями, свойственными этому типу производства». С этой точки зрения мы должны были бы заключить, что современная мировая экономика (за вычетом СССР)—это и есть капиталистическая формация. Тов. Ефимов игнорирует различие в единстве логического и теоретического. Но как же быть с производственными отношениями, которые обусловливают пестроту конкретного исторического данного общества? Тов. Ефимов объявляет их у к л а д а м и, а уклады оказываются секторами в н у т р и формации, имманентными ч а с т я м и формации.

Может быть главным достижением нашей дискуссии будет то, что она внесет некоторую ясность в вопрос о сущности уклада и поможет этой ленинской категории прочнее войти в наш научный обиход. Правда, Ленин употребляет иногда термин «уклад», как синоним слова «формация», как популярное разъяснение этого слова, и говорит о феодальном укладе, буржуазном укладе и т. д. Но наряду с этим Ленин употреблял термин «уклад» и в ином смысле, не совпадающем со значением слова «формация».

Тов. Ефимов в подтверждение своего понимания уклада приводит ряд примеров. Вот индейское племя в Южной Америке Уитото. Вожди

этого племени католики и агенты каучуковых компаний. У т. Ефимова есть и такая формулировка: «Россия первых десятилетий XX в.—это есть крепостнический уклад в мировом капитализме». Итак, по т. Ефимову, капиталистическая формация это тесное переплетение различных типов производственных отношений, включая сюда и передовой капитализм, и капиталистически «просвещенных» Уитото и крепостничество Российской империи, причем эти различные уклады в одной «оболочке» и суть составные элементы капитализма. Приемы ленинского анализа переходной экономики (знаменитые пять укладов) Ефимов механически распространил на формации—капиталистическую, феодальную и т. д. С точки зрения т. Ефимова, подобно тому, как в капиталистической формации срастаются в одно целое каучуковые компании, патриархальные Уитото, крепостническая Россия и т. п. «уклады»—точно так же горное племя сванов, концессионный Хлородонт (и «кулацкие гнезда?») благополучно вросли «в состав первой фазы коммунистического общества». Но наша переходная экономика не есть какая-либо особая формация. Если т. Ефимов вообразил, что уже существует социалистическая формация, то сходную ошибку допустил и т. Дубровский, который в своем каталоге формаций объявил хозяйство переходного периода особым способом производства. Эта постановка вопроса чревата грубейшими политическими ошибками.

Все значение понятия «уклад» выступает наглядно при изучении переходного периода. Формация развивается и движется на основе своей собственной закономерности. В своем движении она из себя самой развивает свои противоречия. Вот почему возможна наиболее абстрактная теория каждой формации и для понимания «генеральной линии» исторического развития можно отвлечься от укладов: эта линия определяется сменой формаций. Но наш *переходный период нельзя понять, отвлекаясь от укладов*. И в то же время ни один из этих укладов, взятый сам по себе, не может объяснить движения всей переходной экономики в целом,—движения, сущность которого состоит в борьбе двух формаций.

Перехожу к вопросу о стадиях капитализма. Ленин придавал ему огромное значение. В полемике с В. В. он писал: «наш автор не считает нужным различать отдельные стадии капитализма, хотя делает вид, будто следует теории автора «Капитала» (т. III. с. 420). Маркс же различал *две* стадии капитализма: 1) *мануфактурную* (в Западной Европе это XVI-XVIII вв.) и 2) *стадию машинной индустрии*. Эта марксова периодизация странным образом полузабыта, в то время как ходячая схема толкует о торговом «капитализме» и о «смене» его промышленным. У Маркса и у Ленина такой схемы вы не найдете (зато у Богданова найдете).

Последнее замечание. Трибуна нашего общества—трибуна боевая. При постановке каждого вопроса мы обязаны установить, какие противники стоят против нас на данном участке теоретического фронта, какая категория этих противников является наиболее опасной,—и эту категорию мы должны в первую очередь атаковать.

Какие извращения марксовой теории социально-экономических формаций являются наиболее опасными в данный период? Во-первых, разумеется, всякие виды риккертианства. Не подлежит, однако, сомнению, что с этой трибуны мы открытой проповеди риккертианства не услышим. Выступления апологетов Макса Вебера и Петрушевского (я имею в виду Неусыхина) были возможны только в ранний период истории нашего

общества. Мне кажется, что гораздо опаснее теперь различные вариации богдановщины, особенно ее утонченные формы—например, «социология» Бухарина. Бухарин рассматривает социально-экономическую формацию, как «совокупность расположенных на определенный манер людей». Бухарин, правда, не скатывается до таких вульгарных попыток, как попытка выдумать особые промежуточные формации. Но Бухарин от этого воздержался не при помощи своей методологии, а вопреки ей. У т. Дубровского (я говорю об его недавно вышедшей брошюрке, в которой выдвинута «теория» крепостнической «формации») есть очень много общего как раз в области методологии с Бухариным. И тем не менее, в отличие от него Бухарин приходит в общем к тому же перечню формаций, какой мы находим у Маркса; но это происходит не потому, что Бухарин придерживается той же методологии, что и Маркс, а потому, что уже добытые марксизмом готовые выводы Бухарин пытается обосновать при помощи своей собственной, по существу—богдановской, псевдомарксистской методологии. Таков обычный прием богдановцев.

Тов. Дубровский тешит себя иллюзией, что его работа не имеет ничего общего с бухаринской «социологией». Не представляет никакого труда разбить эту иллюзию. На с. 19 брошюры т. Дубровского сосредоточена вся его социологическая премудрость. Из нее явствует: 1) способ производства «определяется» производственными отношениями; 2) способ производства плюс производственные отношения «образуют» уклад; 3) уклад «определяем» ими, т. е. опять-таки производственными отношениями; 4) уклад есть совокупность производственных отношений... Если бы кто-либо заявил, что прочитанная мною цитата—попросту бессмысленный набор слов, то я решительно возразил бы. Здесь есть одна мысль, сформулированная очень определенно: производственные отношения есть «расстановка людей в процессе производства» Эта расстановка «определяет» и «образует» все остальное.

Нетрудно показать, что т. Дубровский, выступая против Богданова (и отмежевываясь в своих репликах от методологии Бухарина), повторяет богдановщину в бухаринской трактовке. Об этом прямо говорит прочитанная цитата. Когда т. Дубровский подходит к своему коньку—к обоснованию крепостнической формации, он снова считает нужным напомнить свой исходный пункт: «феодализм, как всякая общественная формация, определяется способом производства и расстановкой людей в процессе этого производства, т. е. производственными отношениями» (с. 59).

Но до сих пор шла речь только об укладе. Что же такое формация? «В конкретном историческом обществе—разъясняет т. Дубровский, обычно имеет место ряд общественных укладов... господствующий уклад определяет собой всю данную формацию в целом» (с. 19). Здесь т. Дубровский встречает т. Ефимова и они пожимают друг другу руки..

Своим замечательнейшим перечнем «основных (?) способов производства и соответствующих (?) хозяйственных укладов» (с. 17—18) т. Дубровский целиком обязан богдановско-бухаринской методологии. Таких укладов т. Дубровский насчитал десять, среди них феодализм — отдельно от крепостничества, социализм—отдельно от коммунизма (?!) и «хозяйство переходной эпохи от капитализма к социализму—эпохи диктатуры пролетариата»—как особый «способ производства и соответствующий уклад». К марксовой теории социально-экономических формаций этот каталог во всяком случае никакого касательства не имеет, но в «курсе» Богданова и Степанова можно найти подобный каталог хозяйственных

форм, причем Богданову принадлежит приоритет и в изобретении крепостнической «формации».

Какими доводами обосновывает т. Дубровский свою «теорию»? В главе о генезисе капиталистической ренты («Капитал», т. III) Маркс исследует различные формы докапиталистической ренты. Тов. Дубровский во время прошлогодней дискуссии в ИКП заявил, что каждая из этих форм ренты есть особая формация. Теперь в своей брошюре он подчеркивает, что «сама по себе рента продуктами отнюдь не определяет феодального строя (с. 60)». Но мы напрасно будем искать в брошюре какого-либо иного объяснения той решающей грани, которой т. Дубровский отделяет феодализм от барщинного хозяйства. Все дело сводится к тому, что в основе феодализма якобы лежит рента продуктами, а в основе крепостнической «формации»—отработочная рента, причем т. Дубровского нисколько не смущает категорическое заявление Маркса, что переход от отработочной ренты к ренте продуктами ничего не изменяет в экономическом существе ренты. История с грехопадением т. Дубровского лишний раз показывает всю антиисторичность и антимарксистскую сущность богдановщины.

Богдановско-бухаринская методология и у экономистов, и у историков, и у философов пользуется известным успехом. Это объясняется тем, что богдановщина—такая форма буржуазного идеализма, которая более живуча в наших условиях. Выступление т. Дубровского есть не что иное, как попытка привить в наших рядах богдановско-бухаринскую методологию, чреватую оппортунистическими ошибками.

Против богдановщины мы будем бороться!

И. Сольц. Здесь говорилось, что нельзя отожествлять способ производства и общественно-экономическую формацию. Это совершенно правильно. Но верно также утверждение Ефимова о том, что способ производства можно понимать в двояком смысле: с одной стороны, с технической, производственной точки зрения (например ручной, машинный способ производства), а с другой стороны, с точки зрения социального смысла (крепостнический способ производства, феодальный) И вот если подходить с социальной точки зрения, то можно отожествлять терминологию «способ производства» и «общественно-экономическая формация». Поэтому, например, Маркс считал, что капиталистический способ производства и капиталистическая общественная формация в этом смысле совершенно одинаковы.

Теперь об азиатском способе производства. В своей работе «К критике политической экономии» Маркс перечислял четыре способа производства, причем перечислял их с точки зрения последовательности, а не прогрессивности. Итак, первый вопрос—это вопрос о том, исходил ли Маркс из классовой формации. Если Маркс исходит от самой начальной формации, то несомненно, что азиатский способ производства является первым способом производства, существовавшим не только в азиатских, но и в других странах, потому что родовое производство, первобытный коммунизм,—это общее явление. возникшее на известном периоде развития человеческого общества. Плеханов в своей книге «Аграрный вопрос в марксизме», делая замечания по этому вопросу, говорит, что, когда Маркс познакомился с Морганом, он изменил свой взгляд на азиатский способ производства. Затем он цитирует заявление Энгельса, что до тех пор, пока он не познакомился с книгой Моргана, он считал, что родовой способ производства существовал во всех странах. Таким образом Плеханов считает, что в азиатских странах до появления азиатского способа производства несомненно был уже родовой способ производства.

Маркс в своем письме к Вере Засулич перечисляет способы производства, которые существовали на всем протяжении развития человечества, и он в своем письме не употребляет этого термина—азиатский способ производства. Маркс в первую очередь говорит о первобытном коммунизме, затем о феодализме, о рабском строе и, наконец, о капиталистическом пути. Поэтому я полагаю, что Маркс исходил именно из классовой формации при перечислении четырех способов производства. Это имеет место в предисловии «К критике политической экономии». Поэтому и мы так же должны подходить. Но само собой разумеется, что утверждение т. Ефимова о том, что азиатский способ производства—это первобытный коммунизм, и что Маркс в I томе «Капитала» не упоминал об азиатском способе производства как о классовой формации, а только в III томе« Капи--тала» переменил свой взгляд и упомянул об азиатском способе производства как о классовой формации,—по моему мнению эта точка зрения т. Ефимова неправильна. Ведь мы знаем, что III том «Капитала» был проработан раньше появления «Капитала» в целом. Сначала Марк подобрал и исследовал материал III тома, и только потом он написал I том «Капитала». Поэтому я думаю, что даже с точки зрения хронологии совершенно неосновательны те аргументы, которые приводит здесь т. Ефимов. Маркс в первую очередь исходит из классовой формации. Если бы он исходил из доклассовой формации, то, перечисляя четыре способа производства в своих письмах к Вере Засулич, он должен был бы напомнить об азиатском способе производства, который является первой доклассовой формацией.

Наконец, изучая взгляды Маркса на азиатское общество, надо обращать внимание, о каком обществе идет речь: о древнем или современном. У Маркса есть высказывания и о том и о другом, а азиатское общество—это не застывшее общество Поэтому я думаю, что азиатское общество, характеристику которого дал Маркс,—это не что иное, как реальный способ производства, который существовал в Китае и в Индии.

Я. Резвушкин. Учение о социально-экономических формациях изложено в достаточно развернутом виде в работах Маркса и как будто бы здесь об этом меньше всего приходится говорить. Но марксово понятие об общественно-экономических формациях допускает целый ряд различных толкований и различных подходов. Имеется целый ряд разных признаков общественно экономических формаций, и отдельные историки берут различные признаки. Поэтому приходится находить что-то общее для всех формаций.

Первая часть доклада т. Ефимова, посвященная социально-экономическим формациям, хотя и не извращает отдельных положений Маркса, но не может удовлетворить благодаря своей схематичности и абстрактности. У т. Ефимова исчезло все многообразие марксова учения о формациях. У него заметна тенденция превратить формацию в логическую, абстрактную категорию, и когда т. Ефимов пытается описать ее конкретно, у него все дело сводится к производительным силам и производственным отношениям и устраняется все многообразие явлений каждой формации.

Затем т. Резвушкин переходит к критике прежних статей т. Ефимова о производительных силах и находит в них подтверждение абстрактного понимания т. Ефимовым производительных сил. Стоя на своей прежней оценке производительных сил, т. Ефимов сводит различные общественно-экономические формации с точки зрения развития производительных сил к способности людей воздействовать на природу.

Тов. Ефимов, далее, допускает неточность, говоря, что способ эксплоатации определяет общественно-экономическую формацию. Когда кому-нибудь нужно применить конкретно общественно-экономическую формацию, то берут разные признаки этого марксового понятия, в силу чего получается впечатление разбросанности, нецельности этого понятия. Тов. Зоркий здесь указал некоторую специфичность моментов, имеющихся среди общественно-экономических формаций. Я хочу остановиться не на специальных моментах, свойственных отдельным экономическим формациям, а на основе анализа Маркса найти нечто общее для всех общественно-экономических формаций.

Известно, что производительные силы являются основой каждой общественно-экономической формации. Маркс в письме к Анненкову говорил, что история человечества создается связью и взаимосменяемостью этих самых производительных сил. Новые производительные силы—говорил Маркс—вызывают к жизни новые общественно-экономические формации. Уровень развития производительных сил определяет и уровень общественно-экономических формаций. Правда, т. Ефимов говорит, что могут быть различные общественно-экономические формации, но с одним уровнем производительных сил. Я считаю, что это неверно, и это далеко расходится с тем, что мы имеем в письме Маркса к Анненкову и что мы имеем в ранних работах Ленина, в частности в его «Друзьях народа». Сюда же можно прибавить и «Экономическое содержание народничества» и его статью «Фридрих Энгельс», а также и ряд других мест, где у него имеются высказывания по вопросу об общественно-экономических формациях. Мы видим, что Маркс и Ленин все дело сводят, все действия живых людей сводят к производительным силам. Ленин, например, писал в своем «Фридрихе Энгельсе»: «Маркс и Энгельс были материалистами. Взглянув материалистически на мир и человечество, они увидели, как в основе всех явлений природы лежит процесс материальный, так как развитие человеческого общества обусловлено развитием материальных производительных сил». Таким образом, действительно в основе развития классов лежит развитие производительных сил. И не прав был в этом отношении т. Ефимов, когда он несколько умалил развитие материальных производительных сил. Но тут надо помнить, что речь идет именно о развитии материальных производительных сил. И что в это понятие вкладываются некоторые реальные совокупности,—именно средства производства, орудия производства и рабочая сила. Такой подход в корне отличается от подхода, который имеется у т. Ефимова, в частности от понятия производительных сил первой степени. Первостепенную роль, первостепенно важное значение как раз имеют средства труда.

Пойдем дальше. У Маркса можно найти массу мест, где он говорит, что способ соединения рабочей силы и средств производства определяет различные общественно-экономические формации. Это понятие способа производства несомненно в понятие производительных сил вкладывает нечто новое, именно качественное различие высоты уровня производительных сил. Поэтому способ производства мы не можем покрывать понятием производительных сил. Мы часто у Маркса встречаем это понятие, как определение общественно-экономических формаций.

Если только на известном уровне производительных сил складывается определенный способ производства, то на основе определенного способа производства складываются известные производственные отношения. Вот реальная совокупность, которая нам необходима, когда мы изучаем какую-либо общественную формацию. Мы здесь изучаем не

только уровень развития производительных сил, не только способ производства, но прежде всего—производственные отношения, которые складываются на данном уровне производительных сил.

Следующий признак, который вкладывается в понятие общественно-экономической формации, (и его мы можем отметить на основе соответствующих мест Маркса),—это экономические формы выколачивания прибавочного продукта. Надо сказать, что экономические формы выколачивания прибавочного продукта у т. Дубровского подменяются способом эксплоатации. Конечно, этот признак входит в понятие общественно-экономической формации. Но он входит как один из признаков. И когда мы его берем только один, то это методологически нам мало дает. Если бы мы взяли только способы эксплоатации для крепостничества и феодализма, а не взяли бы всего их различия на основе этого способа эксплоатации, это было бы «очевидно» недостаточно.

Дальше на основе этих экономических форм эксплоатации образуются известные классовые отношения. Поэтому в понятие общественно-экономической формации вкладывается еще пятый признак: классовая структура.

Но общественно-экономическая формация очень многообразна. Она включает не только эту известную лестницу, основанную на производительных силах, все эти надстроечные отношения на одном костяке—на средствах производства. Общественная формация выражается также и в укладах. А уклады представляют собою остатки старых и зачатки новых общественно-экономических формаций. Уклад и формация не одно и то же. Нельзя поднимать уклад до формации, нельзя формацию опускать до уклада, а это как раз т. Дубровский проделывает в своей книжке.

Затем многие забывают общеизвестное положение, что надо каждую общественно экономическую формацию рассматривать в известном развитии. Тов. Трахтенберг говорил, что надо брать переходный тип общественно-экономической формации. Я думаю, что для этого нет вовсе основания; как раз наоборот,—лучше и правильнее брать каждую отдельную экономическую формацию в развитии. Надо понимать общественно-экономическую формацию как целый ряд ступеней. Так же надо подходить к феодализму. И он имел целый ряд ступеней развития. А кто рассматривает крепостничество и феодализм, как особые формации, тот забывает этот основной принцип, что каждую общественно-экономическую формацию надо рассматривать в известном развитии.

Наконец, еще одно общеизвестное правило, которое тоже очень важно всегда помнить, когда мы исследуем понятие Маркса об общественно-экономических формациях. Надо рассматривать их в развитии противоречий производительных сил и производственных отношений.

Подход к формациям в их развитии, в их многообразии обязывает внимательно относиться к попыткам буржуазных методологов заменить понятие формаций понятием различных логических категорий, утопических типов и т. д.

Тов. Зоркин здесь говорил, что с этой боевой трибуны нужно бить по богдановщине. Я думаю, что не менее важно нам бить по схемам Петрушевского, Макса Вебера, Струве и других буржуазных теоретиков, допускающих такую подмену учения о формациях учением о логических категориях Нужно бить по этим буржуазным влияниям, не забывая и о влияниях богдановских.

И. Минц. Тот интерес, который вызывает наша последняя дискуссия, носит не только научный характер, но и актуально-политический, и

немудрено. Маркс много раз подчеркивал, что мысль господствующих классов всегда становится господствующей мыслью всего общества. Но, естественно, что этот процесс шел в борьбе. Только преодолевая чужую теорию и только в борьбе внутри себя за чистоту своей методологии мысль господствующего класса—пролетариата—может стать господствующей мыслью всего общества.

На историческом фронте эта борьба носит несколько особый характер. Если отбросить мировоззрение экономиста (или представителя какой-либо иной общественной науки), то мы можем использовать его как узкого специалиста, если же отбросить мировоззрение историка, то вряд ли его можно будет использовать, ибо лишь мировоззрение, а не факты, делают историка ученым. Вот почему борьба за методологию, обязательная во всех областях общественных наук, в нашей области приобретает особый характер.

Тов. Ефимов, пытаясь поставить ряд общих методологических вопросов, должен был проявить сугубую осторожность, а между тем в целом ряде вопросов он не выполнил задач, которые перед ним стояли. Начну с социально-экономических формаций. Ленин неоднократно подчеркивал, какую роль играет в марксизме вопрос о социально-экономических формациях. Он подчеркивал, что все буржуазные социологии до появления учения марксизма о социально-экономических формациях оперировали с обществом в целом, не имея никакого объективного критерия для того, чтобы разграничить отдельные эпохи этого общества. И только учение Маркса о социально-экономических формациях дало этот объективный критерий.

Тов. Ефимов подобрал интересные и многочисленные тексты из Маркса. Мало того, он разбил тексты, где Маркс говорит о социально-экономической формации, на две группы: 1) различая формацию по способам соединения рабочей силой со средствами производства и 2) делая ударение на формах эксплоатации, на формах присвоения прибавочного продукта или прибавочной стоимости. И совершенно правильно т. Ефимов в докладе отметил, что между этими двумя группами определений Маркса нет противоречий. Затем, очевидно под влиянием выступления т. Дубровского, в правленной стенограмме т. Ефимов выразил такую мысль: «Понятие формации предполагает формацию в ее наиболее полном развитом виде, при котором основное принудительное отношение имеет развитое и полное выражение». Короче: т. Ефимов отказывает в почетном звании формации тем обществам, которые развиваются не в антагонистической форме. Социализм, коммунизм или первобытное общество не являются, по его мнению, социально-экономическими формациями. Тов. Ефимов, сам того не желая, стал на путь защиты классового общества, поскольку он считает, что наиболее развитой социально-экономической формацией как раз является антагонистическое общество.

Ленин на этот счет говорил иначе. Выступая по вопросу об экономическом содержании народничества, Ленин говорил о марксизме, что «эта теория—выработала понятие общественно-экономической формации». Взявши за исходный пункт основной для всякого человеческого общежития факт, а именно—способ добывания средств к жизни,—она поставила в связь с ними те отношения между людьми, которые скадываются под влиянием данных способов добывания средств к жизни и в системе этих отношений («производственных отношений» по терминологии Маркса) указала ту основу общества, которая облекается политико-юридическими формами и известными течениями общественной мысли». Таким образом Ленин подчеркивал,

что Маркс при построении социально-экономической формации за исходный пункт взял соединение рабочего со средствами производства. Это—основа всякой формации, как антагонистической, так и бесклассовой. И дальше, через несколько страниц, Ленин подчеркивает, что, если соединение рабочих со средствами производства является исходным пунктом для всех обществ, — ибо нет ни одного общества, которое не занимается производством,—то в обществах классовых эта форма соединения принимает антагонистический характер, именно характер особой формы эксплоотации.

Второе замечание по вопросу об укладах и формациях. Как и что понимал Ленин под укладом? В работе «Три источника и три составные части марксизма» Ленин называет капитализм, крепостничество [7] и феодализм укладом общественной жизни. Мало этого, обратимся к документу, который так часто, но не всегда правильно цитируют. Это брошюра, написанная против левых, против Бухарина, потом это вошло в «Продналог».

«Не было, кажется, такого человека, — говорил Ленин, — который, задаваясь вопросом об экономике России, отрицал переходный характер этой экономики... Но что же значит слово — переход? Не означает ли оно, в применении к экономике, что в данном строе есть элементы, частички, кусочки капитализма и социализма? Всякий признает, что да. Но не всякий, признавая это, размышляет о том, каковы же именно элементы различных общественно-экономических укладов, имеющиеся налицо в России» (т. XVIII, ч. I, с. 188).

Дальше он говорит: «Перечислим эти элементы»,—не уклады, а элементы укладов»,—и называет: «патриархальный, мелкотоварный, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм». После этого Ильич объясняет, что он хотел этим сказать, и снова обращается к своей старой мысли: «Россия так велика и так пестра, что все-таки различные типы общественно-экономического уклада переплетаются в ней. Своеобразие положения именно в этом». Дальше он пишет так: «Взгляните на то, как я в мае 1918 г. определял наличные в нашей экономике элементы (составные части) разных общественно-экономических укладов. Оспорить то, что налицо имеются все эти пять ступеней, или составные части всех этих пяти укладов, от патриархального, т. е. полудикого, до социалистического, никому не удается. Что в мелкокрестьянской стране преобладает «уклад» мелкокрестьянский, т. е. частью патриархальный, частью мелкобуржуазный,—это само собой очевидно».

Как видите, у Ленина нет попытки разграничить понятие общественно-экономического уклада и формации, но надо, конечно, различать внутри формации составные части—стадии развития. Так, госкапитализм, товарное хозяйство и частнохозяйственный капитализм,—все это стадии одной и той же формации, или одного и того же уклада.

Перейду к вопросу о конкретном понимании социально-экономической формации на примере феодализма и крепостничества. Здесь надо заняться высвобождением Маркса и Ленина от той интерпретации, которую пытался сделать т. Дубровский. Каковы были истинные воззрения Ленина и Маркса в этом вопросе? Начну издалека, причем постараюсь показать, что Ленин, независимо от тех интересов, которые стояли перед ним, за исключением одного только момента (я потом укажу какого), всегда стоял на одной и той же точке зрения.

---

[7] Говоря о крепостничестве, Ленин имеет здесь в виду дореволюционную Францию.

Я беру самую раннюю его работу, помещенную в I томе, где он пытается дать характеристику общественно экономической формации и подчеркивает, «что освобождение крестьян, эмансипация состоит только в замене феодального прибавочного продукта буржуазной прибавочной стоимостью». Проходит некоторое время, Ленин пишет свою большую работу «Развитие капитализма в России», и развивает эту же мысль. «Отработочная форма хозяйства (это то, что у Дубровского фигурирует под названием барщинной системы хозяйства) безраздельно господствовала в нашем земледелии со времени Русской Правды вплоть до современной обработки частновладельческих полей крестьянским инвентарем».

Ленин не только отрицал крепостничество, как особую формацию, но однажды боролся с теми взглядами, которые развивает сейчас т. Дубровский. Книга Ленина «О развитии капитализма в России» была встречена в штыки Скворцовым (не Степановым конечно), который упрекал Ленина в непонимании того, что крепостнический способ производства, как выражался Скворцов, есть целая общественная формация, а Ленин, возражая Скворцову, спорил против попытки последнего расчленить эпоху крепостничества и эпоху феодализма.

Вопрос о противопоставлении феодализма крепостничеству получил очень четкое выражение у Ленина во время споров внутри редакции «Искры», по вопросу о применимости термина «феодалы». Только во избежание недоразумений внутри редакции Ленин отказался настаивать на применимости термина «феодализм» в эпоху крепостничества. Но т. Дубровский вероятно знает, что как только кончились споры в редакции «Искры» или, вернее, как только миновала необходимость скрывать эти разногласия, Ленин черным по белому пишет (это эпоха 1908—1909 г.): «В крестьянской реформе оболочка феодализма очень сильна. Но экономическая эволюция оказалась сильнее нас и наполнила эту феодальную оболочку капиталистическим содержанием».

Позже Ленин снова возвращается к этому вопросу: «Положение 19 февраля есть один из эпизодов смены крепостнического (или феодального) способа производства буржуазным (капиталистическим)». Как видите, и здесь не проводится никакого различия.

Приведу последнее место. В 1912/13 г. Ленин пишет в статье о национальном вопросе «Новая глава всемирной истории»: «В восточной Европе (Австрия, Балканы, Россия) до сих пор не устранены еще могучие остатки средневековья... Эти остатки — абсолютизм (неограниченная самодержавная власть), феодализм (землевладение и привилегии крепостников-помещиков) и подавление национальностей».

Основные характерные черты, которые дают нам право говорить о социально-экономической формации, не изменились при переходе от феодализма к крепостничеству. В основном форма присвоения прибавочного продукта осталась и при феодализме и при крепостничестве одной и той же.

Ошибка т. Дубровского в том и состоит, что он не понял, что такое по Ленину и по Марксу социально-экономическая формация. Хотя он приводит десятки раз соответствующие цитаты о том, как Маркс говорил о формациях, но он не умеет применять эту категорию, не умеет применять вычитанное у Маркса.

И второе. Тов. Дубровский не понимает перехода от одной формации к другой. Эта ошибка настолько большая, что он, сам того не желая, попадает в такое неприятное положение, когда и другую переходную эпоху, а именно диктатуру пролетариата, он тоже зачисляет по ведомству специальной социально-экономической формации.

С. Шмонин. Маркс подчеркивал, что единственным научным методом может быть только материалистический метод объяснения истории и что этот метод заключается в том, что мы прежде всего устанавливаем приоритет производительных сил как исходного пункта основных тенденций в развитии человеческого общества. Кроме того — с материалистическим объяснением непосредственно связывается диалектика, которая требует рассмотрения развития человеческого общества в целом как процесса развития противоречий. Наконец, составной частью диалектики является абстрактно-аналитический метод, который требует рассмотрения основных тенденций развития человеческого общества и восхождения от них к конкретной исторической действительности. И, наконец, здесь необходимо остановиться и на индуктивном методе, который требует нисхождения от конкретной действительности к основным законам общественного развития, Если взять метод Маркса в целом, то нельзя ставить вопрос о социально-экономической формации, которая не является исторической. Маркс и Энгельс признавали только известную конкретную историческую формацию. Установив понятие основных социально-экономических формаций, мы имеем, конечно, не 25, как у Дубровского, а только 4 или 5 формаций: первобытное общество, патриархально-родовое, феодализм, капиталистическое и коммунистическое общество.

Маркс всегда требовал рассмотрения социально-экономических формаций в данную историческую эпоху, в данном месте, в данной стране. Так, развитие капитализма в Англии и во Франции между собой различается точно так же, как развитие феодализма.

Когда говорят об основных социально-экономических формациях, надо иметь в виду следующее: 1) материалистический метод требует признания приоритета производительных сил; поэтому социально-экономические формации являются особыми, исторически-определенными способами сочетания средств производства и рабочей силы;

2) в зависимости от уровня производительных сил, показателем которых служит техника, складываются производственные отношения. И социально-экономическая формация является особой исторически определенной системой производственных отношений;

3) основные социально-экономические формации — это такие формации, где данный способ производства создает такую систему производственных отношений, которая является основой развития человеческого общества. А всякая такая же формация, в которой рассматриваются не только основные, но и не основные тенденции развития, является конкретно-исторической.

И вот, когда мы различаем эти основные формации от конкретно-исторических формаций, то здесь нужно принять во внимание целый ряд других условий. Например, если мы не примем во внимание, есть ли прибавочный продукт или нет, то мы не сумеем различить первобытный коммунизм от родового коммунизма. Если не принять во внимание так называемого внеэкономического принуждения, то нельзя понять того, что феодальная и крепостническая формация в сущности являются одним и тем же способом эксплоатации в виде барщины, что рента продуктами и рента деньгами по существу, как определяет Маркс, являются феодальным способом эксплоатации, основным на внеэкономическом принуждении. Именно это обстоятельство и делает так называемый крепостнический способ производства и феодальный способ производства феодальной формацией.

Вот почему совершенно неверно утверждение т. Ефимова, что Маркс и Энгельс различали только две формации; развитые, с классовыми противоречиями, и неразвитые. Совершенно неправильно также утверждать, что можно признать социально-экономической формацией только ту, которая имеет внутри себя классовые противоречия.

Капиталистическая формация является несравненно более прогрессивной по сравнению с феодализмом. Феодализм является более прогрессивным по сравнению с патриархально-родовой формацией. Маркс и Энгельс говорили, что переход от патриархально-родовой формации или от феодализма к социализму невозможен, если не произойдет переход к капитализму

Этого положения не понял т. Дубровский и вследствие этого он вернулся к точке зрения народников и, кажется, в этом основной грех и т. Ефимова. Споры Маркса, Энгельса, Ленина и Плеханова по вопросу о русской общине сводились к вопросу об азиатском способе производства. Марксисты оказались правы в том, что в России существует азиатский способ производства, а т. Дубровский это основное положение отрицает. Отрицая азиатский способ производства, т. Дубровский тем самым признает возможность перехода от любой общественной формации с развитой формой обмена к капитализму и признает переход к социализму без победы пролетарской революции. Напротив, Маркс и Энгельс считали, что при докапиталистических формациях с развитой формой обмена не всегда существуют условия для перехода к промышленному капитализму. И это не только в России, а вообще на Востоке и где существует азиатский способ производства (шум).

Маркс и Энгельс признавали, что от низшей социально-экономической формации можно перейти к социализму или через капитализм или минуя капитализм, когда в капиталистических странах происходит революция и победивший пролетариат приходит на помощь тем странам, где существуют докапиталистические формы общества. Когда затевался спор Маркса и Энгельса с русскими народниками, только тогда возник спор и о так называемом азиатском способе производства. Маркс считает, что азиатским способом производства может быть и патриархально-родовая община, и феодализм, и крепостничество, и особая форма торгового капитализма. Каждую формацию вплоть до промышленного капитализма можно назвать азиатским способом производства. Всякая формация, которая заключает в себе внутреннюю устойчивость, не дающую возможности перейти к капитализму, и называется азиатским способом производства.

Античный способ производства—тоже азиатский способ производства. Он отличается развитой формой обмена, когда существует торговый капитал, но торгового капитализма нет, и торговый капитал не может разложить рабовладельческие отношения. Поэтому Маркс и говорит, что в Греции и Риме не произошло перехода к промышленному капитализму и не могло произойти.

На примере Китая Маркс показал, что соединение мануфактуры с общиной создало такую устойчивость производства, что не давало возможности при развитой форме обмена, когда существует торговый капитал, перейти к промышленному капитализму. Это положение изменилось после 1861 г. То же и в Индии. Здесь до сих пор существует патриархально-родовая община. Маркс указывает, что в индийской общине эта внутренняя устойчивость обусловливается соединением ремесла с земледелием. При развитой форме обмена она не дала возможности Индии перейти к промышленному капитализму. И здесь положение

изменилось после 1861 г. Точно так же и в отношении России Маркс и Энгельс показывают, что торговый капитал настолько развился, что препятствовал переходу к промышленному капитализму. Чем объясняет Маркс переход от феодализма к промышленному капитализму именно на Западе? Торговый капитал на Западе на основе широкого развития торговли разложил феодализм, создал предпосылки для возникновения промышленного производства и попал в подчиненное положение к промышленному капиталу. Этого не произошло в России. Там, где становится возможным разложение старого способа производства и перехода к промышленному капитализму,—там нет азиатского способа производства.

С. Дубровский. Тов. Зоркий не сформулировал своего понимания ни формации, ни азиатского способа производства. Он, далее, не верно изложил сущность бухаринско-богдановской точки зрения. Первая ошибка Бухарина в вопросах истмата в том, что он не понимает учения Маркса о формациях и берет общество вообще, определяя его для всех времен как «наиболее широкую систему взаимодействий, обнимающую все длительные взаимодействия между людьми», и дальше Бухарин дает для всех обществ одно истолкование производственных отношений как «трудовой координации людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени», чем обнаруживает непонимание классового характера производственных отношений в классовом обществе. Широко вошедший в наш обиход термин «расстановка» («расстановка классовых сил» и т. д.), Бухарин использовал для совершенно ошибочного определения отношений людей в процессе производства, который он рассматривает не как процесс общественного производства, а как технический процесс. В этом суть концепции Бухарина, употребление же термина «расстановка» в одном месте брошюры Дубровского отнюдь недостаточно для дискредитации всей работы где в противоположность Бухарину (который, не видя классовой сущности классового общества, приходит к оппортунистическим выводам в политике) проводится точная марксистско-ленинская точка зрения на классовое общество (ссылка на «Капитал», т. III, ч. 1, с. 327). И вот на основе этого определения можно понять разницу классовых отношений при крепостничестве и при феодализме, не по расстановке людей, которая в обоих случаях одинакова, а по формам высасывания прибавочного продукта, по способу эксплоатации. То, что крепостники и феодалы—это разные классы, ясно показано М. Н. Покровским при характеристике «опричины», и отрицание этого различия со стороны Минца не что иное как ревизия Покровского Последний приводит факты, показывающие, что при феодализме крестьянство эксплоатировалось главным образом путем взимания оброков, и только в XVI в. складывается крепостничество на основе барщинного хозяйства, хотя элементы крепостничества были, конечно, и в киевский период, но толко в XVI—XIX вв. развившееся крепостничество дало новое общественное качество. Цитаты, приводимые Минцем, не опровергают огромного конкретного материала, подтверждающего различие между крепостничеством и феодализмом. В конкретной истории бывает, правда, очень трудно провести это различие, так как в период крепостничества в России имел место и феодальный уклад. Вот именно к этим фактам, когда имел место и крепостнический и феодальный уклад, и относятся приводимые Минцем цитаты из Ленина. То, что Ленин признает специфический характер крепостничества, видно, когда он говорит о диктатуре крепостников как форме государства при крепостничестве. Но Минц умалчивает об этих высказываниях Ленина. Отрицание различия между крепостничеством и феодализмом характерно для концепции

Бухарина («Теория исторического материализма»). Нет этого различия и у Петрушевского, который несомненно довлеет над западными историками и в частности над Зорким. Нет его и у Богданова. Последний в крепостном хозяйстве видит организацию, переходную от натурального хозяйства к новому, видит этап развития феодализма под влиянием торгового капитала, который понимается Богдановым почти как особая экономическая формация. Крепостничество для Богданова это отнюдь не особая формация, а форма приспособления феодалов к новым экономическим условиям. Признание крепостничества за особую формацию вполне соответствует ленинской концепции самодержавия как диктатуры крепостников, но оно ударяет по распространенному среди историков богдановскому представлению об особой эпохе «торгового капитализма» с особым торгово-капиталистическим способом производства. Маркс же утверждал, что существование ростовщического и купеческого капитала не только не создает своего способа производства, но наоборот, оно само создается на основе чуждой ему, независимой от него общественной формы производства. Богданов же определяет «торговый капитализм» как строй, «при котором торговый капитал господствует над производством и является его руководителем».

К эпохе «торгового капитализма» Богданов относит крепостничество, когда торговый капитал, по его словам, захватывает в руки организаторскую, а с ней эксплоататорскую власть над крестьянским хозяйством, когда и сам помещик выступал в роли «торгового капиталиста, скупщика или ростовщика». С развитием «торгового капитализма», с подчинением ему крепостного крестьянства Богданов связывал и крестьянские восстания. Отсюда же утверждение Богданова о гегемонии торгового капитала (купечество) в государстве и об абсолютизме как форме этого государства.

Абсолютную монархию Богданов рассматривает как надклассовую бюрократическую монархию, которая завоевала сочувствие и доверие развивавшихся торговых и промышленных классов общества. Дальше у Богданова говорится о роли торгового капитала в подавлении крестьянских восстаний и в создании условий для первоначального накопления и т. д. Богданов дает представление о неклассовом государстве, т. е. дает ту схему, которую защищали и Плеханов, и Троцкий и проч. Эту же схему весною 1929 г. во время дискуссии в ИКП защищал и т. Зоркий, хотя это и является прямою ревизией Ленина.

Кончает свое выступление т. Дубровский следующими словами: «Когда я писал свою книжку, я не думал открывать каких-либо америк... я имел сравнительно узкую задачу выяснить вопрос об азиатском способе производства. Я начинаю работу с вопроса об азиатском способе производства и кончаю опять им же—именно вопросом о восточной деспотии. Я писал специально по адресу тех, которые считают восточную деспотию надклассовой... Я доказывал, что нет азиатского способа производства. Моя задача сводилась к тому, чтобы показать, что в восточных обществах существуют такие же общественные уклады и общественные формации, как во всем остальном мире, конечно, со своими отличиями. Вот какая была моя установка. По вопросу о перечне этих самых укладов и формаций я, если угодно, готов выступить со специальным докладом, где буду говорить вообще о теории общественных укладов и формаций».

М. Зоркий. Социологическая секция общества историков-марксистов действует на ответственнейшем участке теоретического фронта, книжка же т. Дубровского—как никак известное «событие», какое именно—уже

говорилось в прошлый раз. Это событие нельзя обойти молчанием и я попытаюсь еще раз оценить его в связи с сегодняшней речью т. Дубровского.

Тов. Дубровский здесь не ответил на те обвинения, которые были выдвинуты мною против его оценки переходного периода от капитализма к социализму. Я хотел бы от т. Дубровского немедленно получить ответ на следующий вопрос: что он подразумевает под «основным способом производства и соответствующим укладом», который у него называется «хозяйством переходного периода».

Дубровский. Там опечатка.

Зоркий. Об этом до сих пор нигде не было заявлено. Итак, один из десяти укладов попал в этот список в порядке «опечатки», хотя трактовка переходного периода как особой формации естественно вытекает из всей концепции нашего автора.

Далее, т. Дубровский ошибся, заявив, будто бухаринская оценка производственных отношений как «расстановки людей в процессе производства» встречается у него лишь однажды и случайно. Когда Дубровский подходит к вопросу о феодализме и крепостничестве, он опять говорит как о чем-то само собой разумеющемся, что феодализм есть определенная расстановка людей в процессе производства.

Я утверждаю, что эта «расстановка» лежит в основе его брошюры и что без этой «расстановки» нельзя конструировать феодализм и крепостничество как две особые формации.

В третьих, неверно, будто «мы» обычно употребляем эту самую формулировку. Если «мы» относится к Бухарину и его ученикам—это верно; но в классической марксистской литературе вы не найдете и следов этой «расстановки»; да и в марксистской литературе, которую пишут простые смертные, этот термин далеко не в ходу и если онупотребляется—это бухаринское влияние, с которым мы должны всюду бороться.

Я хотел бы теперь ответить на два замечения т. Дубровского: во-первых, о том, что я, якобы неправильно изложил точку зрения Бухарина на смену формаций, и, во-вторых, что Богданов якобы феодализм и крепостничество считал одной формацией. Я заявил, что Бухарин не договаривался до такой глупости, как теория особой крепостнической «формации». Но Бухарин сплошь и рядом добытые при помощи метода Маркса готовые выводы пытался обосновать при помощи своей собственной механистической методологии. Это старый прием богдановцев; также делает и Бухарин. Его неправильная методология ведет прямиком к неверным выводам, которых он однако не сделал. Зато один из таких выводов мы в яркой форме находим у т. Дубровского, а прежде у Богданова. В «Курсе политической экономии в вопросах и ответах» Богданов ставит вопрос: «Что такое крепостное хозяйство?» и отвечает: «по форме оно очень напоминает феодализм, но по существу это совсем другое». Эта точка зрения проходит через все работы Богданова. Тов. Дубровский предлагает между феодализмом и капитализмом выдвинуть новую общественно-экономическую формацию. Но как быть с таким простым положением, что капитализм вырос из феодализма, что феодализм, разлагаясь, высвобождает элементы капитализма? Это же азбука марксизма! Героическая же наивность т. Дубровского доходит до того, что именно этот тезис Маркса—Ленина он объявляет дискуссионным.

Мало заявить, что крепостническая «формация» совсем не то, что феодализм: другая-де форма ренты, техника-де тоже шагнула вперед.

Здесь т. Дубровский двигается в мире количеств и не понимает, что, выдвигая новую крепостническую «формацию», он берет на себя обязательство доказать противоположность в существе между крепостничеством и феодализмом, а не различие в частностях. Тов. Дубровский с величайшей наивностью ссылается на смену ренты продуктами отработочной рентой. Он полагает, что указания на то или иное частное отличие достаточно для того чтобы эту самую теорию крепостнической формации считать доказанной.

Откуда выросла эта «теория»? И вот здесь-то без бухаринской «расстановки» не обойтись. Только при помощи этой «расстановки», только вместе с Бухариным, трактуя общество как «трудовую координацию людей, рассматриваемых как живые машины во времени и пространстве», можно изобразить крепостничество особой формацией.

Тов. Дубровскому следовало бы выйти и признать свои ошибки. Вместо этого—категорическое заявление, что эта «расстановка» затесалась случайно, и запоздалая ссылка на какие-то «опечатки».

Есть еще одна скверная нота в писаниях т. Дубровского. Он пытается противопоставить крепостничество феодализму с точки зрения отношений господства и подчинения. Тов. Дубровский обнаруживает некоторую наивность и в отношении Петрушевского. Когда он упрекает многих в том, что они не различали крепостничества от феодализма, он сгоряча утверждает, что и Петрушевский тоже не различал крепостничества от феодализма. А Петрушевский как раз и говорил, что то, что марксисты считают феодализмом,—это не феодализм, а настоящий феодализм—это когда было больше свободы. Ваша близость к Петрушевскому в этом вопросе несомненна.

Теперь насчет торгового капитала. Хорошо, что вы торговый «капитализм» не считаете особой формацией, но те, кто говорят о такой формации (Розенталь, Кунисский и др.), методологически допускают ту же самую ошибку, что и вы. Речь идет и у них и у вас о том, чтобы создать какую-то промежуточную формацию между феодализмом и капитализмом. Постановка вопроса и у них и у вас не имеет ничего общего ни с методом Маркса и Ленина, ни с конкретными указаниями, которые сделаны ими на этот счет. Ни Маркс, ни Энгельс, ни Ленин не занимались специально докапиталистическими формациями, но они отчетливо показали, что капитализм можно изучить только в «возникновении, развитии и упадке», а возникновение капитализма есть разложение и упадок феодализма.

Как делает т. Дубровский—вовсе отрицать историческую борьбу между торговым и промышленным капиталом, заявлять, что решающий момент, когда происходит буржуазная революция, торговый капитал обязательно примыкает к остальным фракциям буржуазии,—это значит, не понимать противоречивой роли торгового капитала. В своей «свободной», «чистой» форме, как выражался Маркс, торговый капитал есть начало реакционное, которое, разлагая, вместе с тем и консервирует старые формации; торговый капитал становится прогрессивным только тогда, когда он начинает перерастать в промышленный, связываться с интересами промышленности и в меру этого перерастания он перестает быть торговым капиталом. В «чистой» форме—он реакционен, в момент буржуазной революции он стоит по ту сторону баррикад вместе со старым режимом; торговый же капитал, который связан с ростом внутреннего рынка, с развитием мануфактурной стадии капитализма—это нечто совершенно иное.

Вопрос о переходном периоде, который отделяет феодализм от капитализма, теснейшим образом связан с оценкой нашего переходного периода. Здесь надо избегать механистических аналогий; не может быть «общей теории» переходного периода, теории «трансформационного процесса». Попытка Бухарина формулировать общие закономерности переходного периода—следствие той же механистической концепции. Однако изучение переходного периода от феодализма к капитализму дает нам многое для понимания и нашей экономики, а попытка замазать борьбу формаций, классовую борьбу, выдумав промежуточную «крепостническую» формацию,—методологически прямиком ведет к прикрашиванию классовых противоречий и в нашей действительности. Не случайно, что у вас, т. Дубровский все пять укладов, перечисленные Лениным, срастаются в одну формацию, в «способ производства переходного хозяйства». Не случайно аналогичную ошибку делает т. Ефимов: у него все пять укладов врастают в социализм; госкапитализм и частное хозяйство врастают в первую фазу коммунистического общества.

Вся беда т. Дубровского в том, что те вопросы, которые он объявляет спорными в марксизме, спорными не являются. Тезис, что уничтожение феодализма есть развитие капитализма,—этот тезис в марксизме не является дискуссионным. Поэтому неправильно полагать, что т. Дубровский поднимает какие-либо спорные вопросы в марксизме, что дискуссия с т. Дубровским поможет найти что-либо новое. Она двинет нашу теоретическую мысль вперед разве в том смысле, что нам удастся до некоторой степени очиститься от богдановско-бухаринской «социологии».

Богдановщина нам угрожает на каждом шагу. Надо помнить о том, что богдановско-бухаринская методология и у экономистов, и у историков, и у философов пользуется известным успехом. Это объясняется тем, что богдановщина такая форма буржуазного идеализма, которая наиболее живуча в наших условиях. Выступление Дубровского есть не что иное как попытка привить в наших рядах богдановско-бухаринскую методологию, чреватую оппортунистическими ошибками. Но это не удастся: против богдановщины мы будем бороться.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО А. ЕФИМОВА

Тов. Минц говорит, что я в докладе правильно поставил вопрос, а в стенограмме под влиянием, очевидно, критики Дубровского формациями именую только антагонистические формации. Здесь явное недоразумение, которое легко разъясняется, если взять данное высказывание в контексте. Я говорил об антагонистических формациях, причем я условно говорил отдельно об азиатском способе производства и здесь, перечислив докапиталистические формации, указал на то, что основные отношения эксплоатации в этих формациях развиваются до своей противоположности. Для того, чтобы не получалось впечатления, что это развитие идет эволюционным путем, я говорил, что это не снимает вопроса о качественной определенности формации. Следовательно, о чем идет речь? о качественной определенности каких формаций? О качественной определенности антагонистических формаций, о которых перед тем шла речь. Я в своей стенограмме вычеркнул то место, где я говорил об антагонистических и неантагонистических формациях? Ничего подобного. Взятая в контексте эта цитата не может вызвать никаких сомнений.

Второе. Тов. Минц говорил о том, что уклад—это то же, что формация. В моей работе уклад—это такой способ производства, который является либо зачатком будущей формации, либо остатком предшеству-

ющей, и поскольку мы имеем подчиненную категорию, то безусловно у нас будет не формация, а уклад. Несомненно, что уклад можно (по Ленину) употреблять и в более широком смысле слова—вместо формации, но формация не может употребляться в смысле подчиненной категории.

О Шмонине. Об «азиатчине» в России мы имеем упоминания у Маркса и Энгельса, но азиатский способ производства в России—это чистейшее изобретение Шмонина. «Азиатчина» в России—этот пережиток аграрно-коммунистических общинных отношений. Тезис же о том, что азиатский способ производства означает невозможность перехода к капитализму—это, совершенно ясно, ревизионистский, немарксистский и чрезвычайно политически вредный тезис. Ведь если считать, что есть формации, которые не могут самостоятельно перейти в высшую ступень в силу отсутствия у них внутренних противоречий, способных взорвать формацию изнутри,—это значит проповедывать, что движение вперед на Востоке возможно только путем интервенции, или капиталистической или социалистической.

После этих отдельных замечаний т. Ефимов дает общую характеристику прений. Неизученность восточных обществ заставляет поставить вопрос очень элементарно: с выяснения взглядов Маркса и Энгельса как на восточные общества так и на общие вопросы теории формаций, а это связало дискуссию с актуальными вопросами борьбы укладов, что придавая прениям остроту, отвлекло их от основного русла доклада.

Тов. Зоркий правильно ставил вопрос о бухаринско-богдановских влияниях. В частности и в докладе есть некоторые следы этого влияния. Так, в порядке примеров без достаточной продуманности говорится о социалистической формации. Но т. Зоркий произвольно и неверно утверждает, что в докладе говорится о врастании госкапитализма в социализм. Формулировка о том, что социалистическая формация определяет более отсталый уклад (когда речь идет о Сванетии), неправильна и является случайностью, противоречащей всей установке доклада, в котором неоднократно говорится о том, что развитие формаций идет путем классовой борьбы. Нет специальной формации социализма или диктатуры пролетариата и в общей схеме формаций, данной в докладе. Тов. Зоркий правильно замечает, что не может племя Уитото врастать в капитализм как и родовой строй в социализм. И действительно. Проникновение капитализма в Бразилию было связано с ожесточенной классовой борьбой, с восстанием Уитото и других туземных племен. Но т. Зоркий не диференцирует своих выводов. Капиталистический уклад ломает старые уклады путем установления новых форм эксплоатации, социалистический—путем обобществления и уничтожения эксплоатации. С другой стороны, они не всегда и не мгновенно ломают. Так, рабский уклад не только не был сломлен капитализмом САСШ, но наоборот—развитие капитализма вызвало к жизни этот уклад. Тов. Зоркий утверждает, что, когда у нас будет построен социализм, у нас не будет ни родового уклада, ни госкапитализма. Очевидно, будет «чистый» социализм. Но ведь «чистый» социализм—это уже коммунистическое общество.

В докладе было особо оговорено, что те уклады, которые существуют в пределах данного общества или находятся в борьбе с определенным укладом, испытывают деформацию, но нигде нет ни одного слова, что они врастают. Особо надо остановиться на госкапитализме. В докладе он охарактеризован как структурное изменение капитализма, как фаза его развития. В Германии госкапитализм укладом не является, в то время как госкапитализм в СССР является укладом, потому, что это

есть капитализм, охваченный влиянием социалистического уклада и являющийся по отношению к социалистическому укладу подчиненной категорией. В известную минуту социалистический уклад может вместе с госкапиталистическим бороться с остальными укладами, в другую—начинает занимать доминирующее положение, начинает вести борьбу с капитализмом. В 1918 г. госкапитализм был укладом, который боролся на стороне социализма (это отмечено у Ленина). В это время господствующим укладом было мелкое товарное хозяйство, и социалистический уклад искал себе сторонника, на которого можно было бы опереться. Теперь социалистический уклад сменяет свое прежнее, не совсем удобное орудие, госкапитализм, на более совершенные социалистические формы организации производства—путем ломки госкапитализма.

Переходим к другим моментам прений. Тов. Трахтенберг говорил о взаимопроникновении производительных сил и производственных отношений, но у него получалось, что производственные отношения как-то проникали внутрь производительных сил. Проблема взаимопроникновения действительно должна быть поставлена, но с другого конца—как проблема поляризации. Если ремесленник, который характерен для феодального общества, одновременно является и будущим хозяином и будущим рабочим, то в капиталистическом обществе рабочий класс и класс буржуа поляризуются: буржуа персонифицирует меновую ценность, деньги, капитал (буржуа, как общее правило, при развитом капитализме отходит от участия в конкретном труде), в то время как рабочий класс персонифицирует производительные силы. Но вместе с тем рабочий класс—это не только производительная сила, но и класс. В момент революции рабочий класс в производительные силы вступает в качестве производственных отношений, в качестве рабочего класса. Здесь—диалектика перехода производительных сил и производственных отношений, которая не снимает реального различия между ними.

Здесь, далее, шла речь о ходячей характеристике эпохи торгового капитала. Вопрос идет о том, нужно ли вводить специальную формацию торгово-капиталистическую, или же можно сказать, что проблема торгового капитала сводится к проблеме перехода от одной формации к другой. Я показал на примере Франции, что никакой специальной формации торгового капитала вводить не требуется, что капитализм развивается из феодализма.

Теперь о восточных, азиатских обществах. Тов. Трахтенберг говорил прямо: «Смешно говорить об азиатском способе производства, это сплошная нелепица». Эти слова приходится отнести к Марксу, так как у него есть места об азиатском способе производства, хотя бы в схеме формации. Но вполне понятно, что, говоря об азиатском способе производства, надо иметь в виду не неолит и не империализм, которые тоже бесспорно имели место в Азии, и не быт приполярных азиатских племен.

Наконец, последнее обвинение, выдвинутое Дубровским. Был ли Маркс марксистом в 50-х годах? Конечно, если Маркс не был марксистом, когда он писал «Капитал», то он никогда марксистом не был. Но что делать с таким фактом: в «Капитале» Маркс дает неправильное понимание перехода семьи в род и говорит, что род развился из семьи. Маркс был не сверхчеловек. В зависимости от уровня научного знания в отдельных частных вопросах у Маркса имеются неправильные высказывания. Это относится и к вопросу, еще и сейчас мало изученному, о восточных обществах, где Маркс опирался на работы буржуазных авторов, неправильно изображающие отношения собственности на Востоке.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

С—й

МОНОГРАФИИ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЗА 1928—1929 гг.

C. Riffaterre, Le mouvement antijacobin et antiparisien à Lyon et dans le Rhône-et-Loire en 1793. Tome I, 1912, pp. 490. Tome II, 1928, pp. 682; L. de Cardenal, La province pendant la Rèvolution. Histoire des clubs jacobins, 1929, pp. 517; Hedwig Hintze, Staatseinheit und Föderalismus im alten Frankreich und in der Revolution, 1928, S 623; Ernst v. Aster, Die französische Revolution in der Entwicklung ihrer politischen Ideen, 1929, S 331.

Первый том работы Риффатера о жирондистском бунте вышел еще в 1912 г., второй—в 1928 г., но, как сказано в издательском примечании, набран был полностью в июле 1914 г. Все-таки об этой работе стоит и сейчас дать подробный отзыв, потому что по непонятным причинам она осталась почти неизвестной даже среди специалистов. Между тем, это—замечательная работа, выделяющаяся своими научными достоинствами даже среди богатой монографической литературы по политической истории Великой французской революции.

Достоинства ее не ограничиваются основательностью чисто исторического исследования—добросовестностью и эрудицией—в работе по реконструкции фактов. Самая эта реконструкция производится так, что, несмотря на ее иногда как будто чрезмерную скрупулезность, она не перестает захватывать читателя. Очевидно произведена она в свете достаточно общих и политически значительных идей. В сознании нашего современного читателя история лионского бунта, изложенная Риффатером, будет постоянно ассоциироваться с пережитыми им «жирондами» в Уфе и Закавказье. В самом деле, книга Риффатера дает много материала для понимания тех процессов, которые можно назвать техникой демократической контрреволюции,—тем более, что вопреки французской исторической традиции автор, занимаясь политическими отношениями, постоянно старается вскрыть их классовую, социально-экономическую природу.

В рамках журнальной рецензии нельзя и думать о передаче, хотя бы конспективной, всей этой исключительно содержательной и документированной книги. Приходится ограничиться изложением четырех отдельных проблем: вопроса о технике жирондистской контрреволюции, о социальных силах лионских событий, о методах централизации революционной деятельности в 1793 г. и о средствах, имевшихся у мелкой буржуазии для борьбы с «буржуазным духом».

Прежде всего обращает на себя внимание мастерски вскрытое автором своеобразие развертывания буржуазной контрреволюции в условиях 1793 г. Если феодальная контрреволюция в Вандее с самого же начала приняла характер откровенно реставрационной вооруженной борьбы против республики, то лионская буржуазия в течение всех четырех с половиной месяцев своего мятежа сохраняла видимость республиканской платформы и законопослушного поведения по отношению к установленным республикой властям: лионская буржуазия только по частному поводу «воспротивилась угнетению». Автором с предельной ясностью показано,

что жирондистский мятеж, вспыхнувший в Лионе 29 мая, т. е. за два дня до якобинского переворота в Париже, ни в каком случае не может считаться предвосхищенным контрударом на это последнее событие, да и в дальнейшем в непосредственной причинной связи с арестом жирондистских членов Конвента не стоит.

Лионский переворот 29 мая 1793 г. был локальным явлением и был целиком обусловлен местными отношениями: враждой городского «общественного мнения», представленного капиталистической буржуазией, против муниципалитета, захваченного после осени 1792 г. местными маратистами (т. I, с. 312; т. II, с. 616). Тем интереснее, что это явление местной лионской жизни нашло немедленно отклик в самых разных пунктах страны, особенно в районах с влиятельной промышленной и торговой буржуазией. В таких городах, как Марсель, Бордо, Тулон, Лилль, Дижон. Анжер, Кастр, к этому времени назрели уже аналогичные «местные» конфликты, и лионские события были там встречены как «счастливая революция, способная спасти от анархии общественное дело» (т. I, с. 316).

Почти в каждый из этих районов попало по несколько жирондистских депутатов, бежавших из Парижа вследствие преступной неосмотрительности дантонистского Комитета общественного спасения; они подогревали местные настроения и принимали меры к расширению движения за пределы департаментской округи. Так, лионцам разъяснить все политическое значение их местных событий могло только прибытие жирондистских членов Конвента Биротто и Венажа. На прямой отказ подчиниться Конвенту лионские власти решились только 4 июля, после того как Биротто их убедил, что «Конвента больше не существует», захватившая власть Гора «составлена из попов, дворян и сентябрьских убийц», она «хочет короля, а если не сумеет этого добиться, то удовольствуется парижским муниципальным режимом» (т. II, с. 135—136).

Логикой классовой борьбы лионская буржуазия увлекалась все дальше на путь контрреволюции.

Особенно интересны при этом та неуверенность, те колебания и оппортунизм, которые проявляли лионские повстанцы в развитии конфликта. Жирондистское восстание победило в Лионе 29 мая 1793 г., а военные действия начались только 7 августа 1793 г., да и то автор их определяет, как «недоразумение», приведшее к гражданской войне (т. II, с. 563, 448).

В продолжение всего этого времени, в самом деле, повстанцы неустанно делают вид, что они вовсе не повстанцы, а законопослушные граждане единой и нераздельной республики, оказавшиеся—в полном согласии с законными нормами этой республики—по частному поводу в «состоянии сопротивления угнетению» (т. II, с. 497). Они требуют отмены «специальных декретов Конвента, относящихся к их городу», потому что здесь Конвент был-де введен в заблуждение своими недобросовестными агентами; но они вовсе не против Конвента как такового, они и после переворота 31 мая признают его «единым центром республики», они организовали у себя военно-полевой суд, казнивший нескольких якобинцев, но его организация отнюдь не направлена против революции, как ее понимают в Париже,—этот суд занят только местными «заговорщиками 29 мая», и на его авторизации Конвентом лионцы настаивали неоднократно. Противопоставив себя центру и завязывая «федералистские» отношения с «роландистскими» департаментами, лионцы однако до самого последнего времени посылают в Конвент депутации и адреса, приглашают прислать «беспристрастных» комиссаров, а если некоторых из них арестовывают, то вскоре же и освобождают. Организуя военное сопротивление, учредив «департаментскую армию» и захватив для нее оружейные мастерские Сент-Этьена, лионцы однако продолжают пропускать продовольствие, оружие и амуницию для армий Конвента. Работа по обороне ведется, вообще, из рук вон плохо, лионцы как будто до самого последнего времени не верят, что дело может дойти до вооруженной борьбы.

Не менее интересно, с другой стороны, что до самого августа революционный центр стоит по отношению к Лиону в аналогичной позиции. Комитет общественного спасения, пока представленный дантонистами, шлет лионцам послания и посланцев, торгуется с ними об условиях, всячески их улещивает, удерживает своих комиссаров на местах от решительных действий, вообще, действует как будто в убеждении, что лионский мятеж—это кризис такого порядка, который сам собой рассосется.

Вблизи истинное положение виднее, так что те же дантонисты, оказывающиеся в непосредственной близости к Лиону, проявляют несравненно более радикальные настроения. Главным своим врагом лионцы считают (и не без основания) комиссара альпийской армии Дюбуа-Крансе, который и им ставит наиболее суровые условия и торопит центр, настаивая на ускорении военных действий. Сам Дюбуа-Крансе давно бы уже перешел к решительным действиям, но ему мешают недоразумения и технического и политического порядка.

Незначительные регулярные части, которые можно бы выделить против Лиона, должны быть по крайней мере дополнены большими массами национальной гвардии из соседних, «патриотически» настроенных департаментов, чтобы можно было обложить Лион со всех сторон. Дюбуа-Крансе уже давно распорядился мобилизацией соответствующих округов, но мобилизация проходит медленно, отряды еще и к началу осады не готовы.

Наконец, несмотря на все настояния комиссаров, Комитет общественного спасения увиливает от прямого объявления решительных действий, а без этого у комиссаров часто руки оказываются связанными.

Если, таким образом, затяжной характер кризиса вызывается нерешительной политикой революционного центра, то, с другой стороны, конечно, разгром жирондистского движения обусловлен наиболее общими политическими причинами. Подавление федерализма в Лионе определено, в самом деле, не только тем, что у повстанцев нет денег на армию, что они отрезаны от марсельцев колонной Карто, что федералисты в других департаментах быстро подавлены, что в их действиях, вообще, сказывается «нерешительность, всегда свойственная умеренным», как подчеркивает Риффатер (т. I, с. 427; т. II). В конечном счете поражение лионцев вызвано соотношением классовых сил летом 1793 г., и механику этих классовых отношений по книге Риффатера очень легко восстановить.

Решение спора между жирондизмом и якобинизмом в центре Франции зависело от того, за кем пойдет руководящая сила деревни. Вскрытие этого социального содержания политического кризиса 1793 г. и составляет основное достоинство разбираемой книги.

Прощупать классового носителя политических действий в самом Лионе гораздо легче, чем в других городах тогдашней Франции (в том числе и в Париже). Город развитой капиталистической индустрии, город, обладавший к 1793 г. уже давними традициями пролетарской классовой борьбы, Лион и во время революции являл собой арену борьбы достаточно диференцированных классовых групп. Численное преобладание в его полуторастатысячном населении принадлежало не промежуточным мелкобуржуазно-ремесленным слоям, а подлинному пролетариату, — рабочим шелковых мануфактур. Их-то вместе с портовыми и транспортными рабочими и представляли лионские якобинцы, обычно выходцы из буржуазии или буржуазной интеллигенции, как Гайар, Бертран и «Лионский Марат»—Шалье.

На мировоззрении лионских якобинцев не могло не сказаться своеобразие их местных условий: нигде в другом месте французская революция не видела санкюлотов, столь радикальных в социальном вопросе и с таким перевесом социальных интересов над интересами политическими.

Но работать им приходилось в крайне тяжелых условиях. Численное преобладание в Лионе рабочих совсем не означало преобладания их влияния. Лионская буржуазия, окруженная кортежем своих конторщиков, приказчиков и лакеев (социальные

группы, везде и во все периоды революции оказывавшиеся в орбите контрреволюционных влияний), держала в своих руках город, потому что держала в своих руках рабочих. Экономическое господство буржуазии должно было найти свое политическое выражение: буржуазия и до переворота 29 мая управляла не только департаментом и несколькими дистриктами, но—что важнее всего—и городскими секциями.

Секции, — институт прямого народоправства, стихийно создавшийся из избирательных округов в Париже в первый год революции,—известны по Парижу, как органы наиболее революционной и демократической акции, какую только создала Великая французская революция. Так оно как будто и должно было быть с политической формой непосредственной самоорганизации масс, и однако во всех крупных городах, кроме Парижа (по крайней мере в Марселе, Тулоне, Бордо и Лионе), секции ко времени федералистских мятежей оказывались орудием контрреволюции.

В частности, в Лионе якобинцы, захватившие в свои руки муниципалитет и дистрикт, принуждены управлять, «упразднив, или без малого упразднив, всякую свободу собраний и обсуждений» (т. I, с. 37—8). Муниципалитет осуществляет демократическую деятельность, опираясь не на секции, а на «секционные народные общества», т. е. на якобинские клубы. Во всех официальных актах понятие секции подменяется секционным клубом, и общие собрания секций в течение полугода якобинского господства в Лионе собираются реже, чем в течение одного месяца после свержения якобинцев (т. I, с. 101—2).

Это парадоксальное противоречие между демократической политикой и принципами формальной демократии легко разрешается в свете классового анализа лионских отношений в 1793 г.: рабочий день на шелковых мануфактурах продолжается «до шестнадцати и восемнадцати часов в сутки»,—рабочие не могут принимать участия в секционной жизни. «Рабочие, патриотизм которых повсюду весьма действенен, здесь обречены на бессилие,—писал 15 мая один якобинец из Лиона.— Фабриканты так рассчитали их время и средства существования, что не оставляют им ни одной минуты для отечества... Рабочий поставлен перед печальной альтернативой: «быть революционером, не имея куска хлеба, или кормиться, не служа своей стране» (т. I, с. 42). В самом деле, если к продолжительности рабочего дня присоединить перманентный продовольственный кризис и опасность безработицы, то станет понятным, почему Шалье, выступая против секционных собраний, утверждал, что «там господствуют крупные торговцы».

При этих условиях можно скорее удивляться той степени политической активности и радикальности настроений, которые еще проявил лионский пролетариат. Рабочие секции частично защищали якобинский муниципалитет в ночь с 29 на 30 мая, они почти не участвуют в образовании нового повстанческого муниципалитета, а две наиболее пролетарские секции 2 июля пытаются даже поднять восстание против жирондистских властей. Детальный анализ распределения рабочих по различным кварталам, произведенный Риффатером, позволяет ему констатировать, что «воинствующим активом лионского восстания были в большинстве лица наемного труда, но не фабричные рабочие», что «рабочий класс, хотя и разделенный, склонялся скорее к якобинцам» и «в целом стоял за Шалье» (т. I, с. 352, 176—177, 103—105, 350).

Успех жирондистского дела решался, однако, в основном не настроениями города, а настроениями округа. Привлечь на свою сторону окрестных крестьян лионская буржуазия начала стараться на второй же день после победы. Прослышав, будто в городе восстановили старый режим, крестьяне чуть было не двинулись на него с оружием. Их быстро разубедили, и на объединенном заседании первичных собраний департамента, начавшем заседать 30 июля, жирондистским лидерам удалось вытянуть из крестьян даже несколько воинственных заявлений (т. II, с. 131—132). Но в общем крестьянские настроения оставались неблагоприятными для жирондистов. Выборы делегатов первичных собраний всюду проходили вяло, в некоторых

кантонах, ставших «очагами анархистской опозиции», даже вовсе ничего не вышло, и собранные в Лионе крестьянские делегаты, «боязливые и подозрительные», упорно отказывались от решений по каждому значительному поводу (т. II, с. 101, 120, 123).

Чтобы не потерять деревенского союзника, лионским властям приходится итти на тяжелые уступки,—в частности разрешить созыв первичных собраний для решения вопроса о монтаньярской конституции, которая и принимается подавляющим большинством вотирующих.

Политические уступки сопровождаются демагогической агитацией. Ее основной мотив—стремление «парижских разбойников» к земельному переделу, разрушению собственности и к личной (при муниципальной столичной) диктатуре.

Очевидно, на крестьян такая агитация мало действовала, к агитации противоположного лагеря они прислушивались внимательнее. Если основным материалом в агиттворчестве жирондистов было стремление Дантона к аграрному закону, то якобинцы со своей стороны оперировали обвинением Лиона в связях с Питтом и в желании восстановить старый режим.

К концу августа крестьянские колебания кончаются. Деревенские делегаты, раньше давившие на лионцев в пользу подчинения, теперь покидают город, начатая комиссарами Конвента в соседних департаментах мобилизация национальной гвардии проходит в сельских кантонах все более успешно. Во многих местах крестьяне начинают сами «преследовать и расстреливать мюскаденов», и Дюбуа-Крансе в двадцатых числах сентября исчислял свой осадный корпус в 30—40 тыс. чел. Только 8 тыс. из них было регулярных войск, остальную массу дало крестьянство,—в этом была гибель жирондистской буржуазии (т. II, с. 598—613).

Третья проблема, для освещения которой много дает книга Риффатера, это проблема степени, характера и методов централизации массового движения в Великой французской революции. Всякое действительно глубокое революционное движение, будучи движением народным, т. е. имея основание в мельчайших ячейках власти на местах, должно быть одновременно движением единым и централизованным. Найти политическую форму централизации, которая была бы одновременно массовой, демократической формой,—в этом и состоит секрет политического управления революцией.

Известно, что якобинцы, оставаясь демократами, были в то же время централистами. Однако централизация революционного движения при якобинской диктатуре носила весьма условный и поверхностно бюрократический характер. Создать революции единую политическую организацию из иерархической связи тех муниципальных ячеек власти, которые и были носителями демократической акции, мелкобуржуазным революционерам не удалось. До декабря 1793 г. революционное правительство было связано наличием в его системе классово-враждебного посредствующего звена—департаментских управлений, а после их исключения из цепи революционных органов по закону 14 фримера управление потеряло основную (губернскую) единицу.

Якобинская диктатура представляла собой рассыпанную храмину, и поддерживать ее единство можно было только таким чрезвычайным и антидемократическим способом, как полномочные комиссары центра. Обратиться к этому способу буржуазный Конвент принудила мелкобуржуазная Гора, она же обычно навязывала ему свой список комиссаров, так что в результате институт комиссаров—как чрезвычайный институт—оправдал себя. Но возможностей нормального управления он не создал, по книге Риффатера это становится очень ясно.

Даже когда комиссар попадался достаточно энергичный и решительный, это часто не давало благоприятного эффекта. Попадая на амплуа всемогущего господа-бога, такой комиссар неизбежно перекладывал на себя не только всю работу, но и всю ответственность, и политические отношения на местах окрашивались неприятно личным светом. «Своим решительным вмешательством в городскую политическую

борьбу Дюбуа-Крансе перенес на себя ответственность за события 29 мая и их роковые последствия», «никто не был так ненавистен повстанцам», как он, и даже к капитуляции Комитету общественного спасения их удалось склонить только отзывом Дюбуа-Крансе 1 октября 1793 г. (т. I, с. 500—501, 520—523, 614).

Исследование Риффатера ограничивается хронологическими рамками жирондистского господства в Лионе. Но в своей богатой аннотации он касается и последующей якобинской политики в Лионе, и здесь его исследование неожиданно дает интереснейшее дополнение к материалам об эгалитаристских тенденциях якобинства, начавших проявляться с весны 1794 г. Это четвертая проблема, которой необходимо коснуться в связи с разбираемой книгой.

Развитая А. Матьезом теория вантозских декретов сводится, как известно, к следующему. Покончив к 1794 г. с отрицательной частью своей программы, мелкобуржуазные революционеры собирались всяться за осуществление своей положительной программы,—за переустройство Франции в духе эгалитаризма. Существующие капиталистические отношения в основном оставались неприкосновенными, а рядом с ними проектировалось создание «совершенно нового социального класса» посредством безвозмездного наделения «неимущих патриотов» землями подозрительных. Этот эгалитарный оазис должен был, во-первых, стать опорой народного государства, и, во-вторых, с помощью этого государства распространяться вширь.

Работа Риффатера может служить подтверждением, что этот план, значения которого почти не замечали историки до Альбера Матьеза, является типичным и единственно возможным для мелкобуржуазной революции планом переустройства социально-экономических отношений. Если в центре мысль законодателя применялась только к земельным отношениям, то в Лионе приходилось думать о промышленности, о буржуазии и о пролетариате, и то разрешение, которое здесь в духе вантозских декретов собирались дать социальному вопросу, приобретает особый интерес по противопоставлению с основным методом пролетарской революции: обобществлением средств производства.

Проект «республиканизации торговли», представленный 23 мая 1794 г. Комитету общественного спасения лионскими комиссарами Ревершоном и Дюпюи, пытается дать реальное истолкование декрету 12 октября 1793 г. о «разрушении Лиона» (т. е. о разрушении лионской буржуазии). Существование крупных капиталов нетерпимо в стране равенства, но так же нетерпимо и существование пролетариата: якобинцы не верят в возможность республиканских чувств у людей, лишенных всякой собственности,—они предполагали даже расселить лионских рабочих по всей территории республики. Пользуясь ресурсами, полученными от конфискации имущества казненных лионских повстанцев, Ревершон и Дюпюи предлагают учредить «300 предприятий в пользу малообеспеченных патриотов» для производства шелковых тканей, чулок и шляп. «Каждое такое предприятие должно быть поручено двум кустарям... Что же касается до крупных фабрикантов, которые еще не исчезли, то размеры их дел должны быть ограничены. Для того, чтобы республиканизировать промышленность, следует только раздробить ее средства, подчинить максимуму самую конкуренцию... Размеры производства должны быть ограничены 30—40 станками, таким образом, что каждое общество должно рассчитывать на выработку самое большее 10—12 тыс. ливров продукции... Не должно больше существовать этих громадных мануфактур с 600 станков, ни у кого в руках не будет сосредоточено больших капиталов» (т. I, с. 347).

Социальный смысл проекта такой реформы, оставшейся неизвестной историкам (о нем есть только краткое указание в документах Комитета общественного спасения, изданных Оларом (т. XIV, с. 522), разъяснял и сам Ревершон в лионском якобинском клубе, о нем говорилось и в Париже, особенно после Термидора: это был, как объяснял тогда Колло-Дербуа, план «предупреждения опасности колоссальных состояний без посягательства на собственность» (т. I, с. 343—50; т. II, с. 524—31).

В журнальной рецензии, даже обширной по размеру, невозможно исчерпать и малой доли того материала этой книги, который может представлять интерес для советского читателя. В дальнейшем книга Риффатера станет, конечно, необходимым пособием для наших историков Великой французской революции.

* * *

Книга Л. Карденаля «Провинция во время революции. История якобинских клубов» привлекает внимание прежде всего своей темой.

Партийная организация 1789—1795 гг.—это, пожалуй, наименее изученный участок истории Великой французской революции. Изучение его представляло бы первостепенный интерес с разных точек зрения, прежде всего для выяснения вопроса о политическом статусе тогдашней революционной партии, о степени поглощения государственного руководства революцией руководством партийным. Имеющиеся в специальной литературе монографии об отдельных местных клубах обычно поверхностны и во всяком случае цельной картины провинциальной организации якобинства дать не могут. «Частные организации общественного мнения»—народные общества якобинцев—постоянно вмешивались в управление, а в период революционного правительства 1793—1794 г., особенно на местах, и прямо сливались с администрацией. Но насколько такое состояние из области фактов перешло в область права, насколько оно было ассимилировано и осмыслено сознанием эпохи? Ответ на этот вопрос означал бы разрешение крупной части проблемы перерастания формальной демократии в материальную во время буржуазной революции: народная революция и диктатура мелкой буржуазии по существу, ведь, именно в этих «частных организациях» (а не в «установленных властях») находила свое материально-классовое выражение!

Конечно, подобной постановки вопроса трудно ожидать от автора, который сотрудничество с А. Матьезом дополняет сотрудничеством с Оларом и революционную партийную организацию рассматривает в свете тех представлений о партии, которые свойственны всем обывателям Третьей республики. Вопрос об отношениях государственного и партийного руководства революцией затрагивается им только случайно и дает повод для упреков якобинцам в «некотором недостатке почтения к народному голосованию», породившему законные власти, ибо «фактически вмешательство клубов могло быть законным только в теоретических вопросах общего значения, да и там, логически рассуждая, должно было сохранять совещательный характер» (с. 159, с. 497, 479).

Однако и отсутствие правильного понимания проблемы клубов могло не помешать либеральному историку разработать много интересного материала, например, о социальном составе клубов, об их исполнительном аппарате, о формах или общегосударственной связи и т. п.,—темы все особо интересные вследствие их девственного состояния. Книга Карденаля, действительно, дает по этим вопросам много материала, и все-таки она оставляет неудовлетворенным, очевидно, не только советского читателя. В кругах французских специалистов появлению этой книги предшествовал знаменитый интерес: А. Матьез не так давно в своем журнале рекомендовал ее автора, как лучшего знатока вопроса о клубах, а после ее выхода тот же журнал ограничился кисло-сладкой рецензией, констатирующей, что «как всякий синтез, этот тоже обречен на устарение» («Annales historiques de la Révolution française» № 4, 1929, p. 408).

Прежде всего работа Карденаля неряшлива с точки зрения научной техники. Аппарат отсутствует начисто, автору приходится всегда верить на слово, и никогда нельзя сказать, базируется ли отдельное его положение на первоисточниках или он черпает их из десятых рук. Не наше дело поучать буржуазных профессоров ученой технике, но хоть даты описываемых событий надо было бы все-таки приводить, иначе читателю приходится проверить какую-нибудь интересующую его справку в хронологических рамках от 1790 до 1796 (так дело обстоит, например, с интересным

высказыванием Прюдома против «клубной аристократии»,—с. 51). Как часто бывает с авторами, презрительно игнорирующими «цеховую ученость», проверка их утверждений приводит иногда к печальным выводам. Вот случайный пример, один из многих: «В плювиозе национальный агент Каракассона пишет в Комитет общественного спасения, что клубы множатся с каждым днем и их число равно числу кантонов» (41). В оларовом сборнике актов Комитета общественного спасения этого письма не только невозможно обнаружить, но, наоборот, можно обнаружить, что в течение этого месяца (а также двух соседних) должности национального агента в Каракассоне еще не существует, по крайней мере нет следов его переписки с Комитетом общественного спасения; Комитет переписывается попрежнему с чрезвычайными комиссарами центра. Подобные же ляпсусы, основанные на некритическом отношении к доктринальной литературе, регистрирует в работе Карденаля и уже отмеченная рецензия в журнале Матьеза. Таким образом материалами этой книжки следует пользоваться с осторожностью.

Вопрос о классовом составе клубов, представляющий, естественно, наибольший интерес для нашего читателя, выделен Карденалем в особую главу, но разработан поверхностно (что объясняется новизной самой проблемы для буржуазной историографии). В общем, материал Карденаля подтверждает старые представления: классовое лицо клубов было неопределенно, состав текучий,—исключительно буржуазный в начале революции и несколько более санкюлотизированный во время якобинской диктатуры,—но всегда остававшийся не материальным представительством класса-диктатора, а только «идеологическим» его отражением. Иначе дело обстояло, как будто, только в отдельных деревенских клубах, ремесленно-крестьянских по составу, но эти клубы и политическим весом никаким не пользовались, да и было их совсем немного. Совершенным исключением является приводимое Карденалем постановление клуба в Оше (эпоха не указана): «Не принимать ни одного интеллигента (aucun homme lettré) раньше трех лет, с сохранением старых правил приема для санкюлотов, чтобы устранить всех, кто бы мог влиять опасным образом на общественное мнение», (с. 375).

Сплошь буржуазный состав клубов при их рождении вызвал необходимость самых решительных мер в течение всего периода якобинской диктатуры. В частности партийные чистки стали там бытовым явлением, явлением почти перманентным и удивительным по своему радикализму. К мессидору II года не осталось ни одного клуба, который бы хоть раз не чистился, многие прошли три—четыре чистки, Шербург—5. С осени 1793 г. чистки часто стали означать коренное перерождение организации: состав клуба в Шербурге сократился с 300 до 171 члена, в Шамбери с 500 до 110, в Орлеане с 800 до 130 (с. 60—61, 173).

Выяснению классового состава клубов очень мешает их организационная бесформенность: клубы учреждались стихийно, где попало и кем попало, и единой государственной организации так и не образовали. «Федерализм», успешно уничтожавшийся якобинцами во всех отраслях революционного управления, глубже всего укоренился в революционной партии,—знаменитые филиации парижского клуба все-таки не смогли создать из него единой иерархически построенной организации с единой дисциплиной. До самого последнего времени сохранялись, кроме клубов, афилиированных с Парижем, клубы неафилиированные и даже «корреспондентские», т. е. такие, члены которых не допускались на заседания парижского клуба (с. 398). Иной организации мешали не только идеологические, но и чисто технические препятствия. Частные «организации общественного мнения»,—клубы—почти не имеют исполнительского аппарата, их «комитеты» имеют эфемерный характер (их существование легко даже не заметить, читая отчеты о клубных заседаниях), и комитет, через который должно осуществляться единство революционной акции на всю страну, носит безнадежное название «корреспондентского или редакционного» (с. 82-83, 364—365, 399—400).

Для организационного беспорядка «якобинской партии» характерно, что ни сами якобинцы, ни их будущие историки так и не узнали, сколько всего существовало якобинских клубов. Указываемые цифры варьируют от 1 000 до 4 400; Карденаль насчитывает 2 997 клубов (с. 42), но еще совсем недавно он указывал цифру 2 365 («Annales historiques» № 24, 1927, p. 587), а в рецензии Шобо на его книгу эта цифра разрастается до «6—7 тысяч и, быть может, больше». Можно очень опасаться, что полная точность здесь недостижима, потому что существование клубов бывало «подчас эфемерно»: например в департаменте Верхних Альп было вначале 3—4 клуба, а в департаменте Нижних Альп целых 70, но зато потом во втором стало много больше клубов, а в первом их совсем не осталось (с. 38, 40). После каждого очередного кризиса, особенно после откола фейанов в июле 1791 г. и исключения жирондистов из Конвента в июне 1793 г., парижский клуб получает лишнее подтверждение, что его провинциальные филиалы не всегда с ним согласны. Так, в 1791 г. чуть не 300 из 400 филиалов требовали примирения и продолжали афилиироваться одновременно и с якобинцами и с фейанами (а некоторые еще к тому же с кордельерами и с клубом 89 года,—с. 129, 162, 166, 168, 398, 399).

Изжить эту нелепость мелкобуржуазная революция могла только путем создания между якобинскими организациями нормальной иерархической связи одновременно с униформизацией их социального лица и политической линии. Тенденция к такой униформизации несомненно имелась, поскольку все якобинские клубы были подчинены тенденции превращения в настоящую революционную партию, немыслимую без классового и организационного единства. Карденаль приводит много таких попыток создания иерархической филиации в пределах отдельных департаментов и даже с предложением «организовать сверх того в Париже центральный комитет из 83 членов, представляющих общества всех департаментов» (с. 41, 157 403, 409—410). К сожалению, затронута эта тема им лишь вскользь, поверхностно и только в связи с историей федералистских мятежей; аналогичные попытки со стороны монтаньяров обойдены полным молчанием.

В заключение стоит повторить, что в книге Карденаля советский читатель найдет много интересного для себя материала, который в других местах найти трудно, но полагаться на доброкачественность этого материала не всегда безопасно.

Толстый труд Гедвиги Гинтце о централизме и федерализме во Французской революции относится к разряду тех приватдоцентских произведений, которые поражают читателя одной общей особенностью: удивляешься, как много книжек прочел автор и как мало в них понял. У Гинтце советский читатель найдет много добросовестно обработанного, часто интересного справочного материала и ни одной интересной общей мысли. На этом, собственно, можно бы и кончить рецензию, если бы не один п о л и т и ч е с к и й курьез, представленный этой книгой. Он заставляет предварительно несколько подробнее обосновать выставленное здесь положение о научной малоценности книги.

Собранный в ней материал относится к политической истории Великой французской революции,—к истории развития в ней демократической теории и демократических учреждений в связи с предшествующим политическим развитием Франции. Тема эта весьма интересна, особенно если сопоставить теорию и практику формальной демократии в буржуазной революции с ее существом и душой—практикой классовой диктатуры. В этом и состоит основная проблема политической истории французской революции и этой проблемы Гедвига Гинтце решительно не замечает.

Вся беда в том, что мировоззрение ученого немецкого автора пропитано тем плоским формалистическим либерализмом довоенного образца, который едва ли не хуже какого бы то ни было другого мировоззрения приспособлен для понимания революционных процессов. Теория Гинтце—это либеральная теория покойного Олара, пожалуй, еще даже несколько освобожденная от ее радикализма и г л у б о к о м ы с л и я,—качества, которыми она, как известно, и у Олара не слишком была

перегружена. Фрау Гинтце сама рекомендует себя ученицей Олара, она расточает ему разнообразные (не всегда оправданные) комплименты и с его помощью занимается побиванием концепций Тэна,—куда как злободневная по нынешним временам «установка»! Словом, в лице Гинтце мы видим не только либерала, но и либерала несколько отсталого.

Вместо того чтобы исследовать свой материал в свете переплетения формально-демократических (или буржуазных) целей Великой революции и ее материально-классовых диктаторских (или народных) методов, новейший представитель либерального направления всю политическую историю революции подтаскивает к проблеме государственного единства и федерализма. Либеральное мировоззрение меньше какого бы то ни было другого грешит историчностью, поэтому централизм и федерализм—проблема конституционного права XIX—XX вв., особенно интересующая буржуазную Германию нынешнего дня,—у Гинтце приобретает характер застывших юридических «сущностей». С точки зрения этих понятий Гинтце рассматривает феодально-партикуляристскую оппозицию провинций и парламентов накануне революции, с этой же точки зрения рассматривается борьба Жиронды и Горы,—благо, что в этой борьбе с санкюлотизмом представителям буржуазии пришлось опереться на капиталистически развитые промышленные и торговые центры Франции, благо, что это вызвало появление слова[1] «федерализм», как жупела в классовой борьбе!

Альбер Матьез, сколь ни непоследовательна его социалистическая методология, без труда обнаружил это основное несчастье либерального исследования и прекрасно растолковал его в своей обширной рецензии на книгу Гинтце. Г-жа Гинтце ошиблась в отправном пункте,—пишет он там в заключение.—Она спутала с федерализмом феодальные пережитки в старой Франции. Она не поняла, что в течение революции так называемые федералистские стремления, появлявшиеся лишь в эпохи кризисов, имели лишь весьма второстепенное значение. И поскольку ее собственный предмет почти не существует, она стала, походя, трактовать другие, которые можно было исчерпать только ценой очень распространенных исследований, что потребовало бы нескольких томов. В результате ее несколько гибридное произведение представляет собой нечто среднее между чисто научной работой и популяризацией» («Annales historiques de la Révolution française» № 6, 1928, p. 585).

Злоключения либеральной концепции революции, конечно, не кончаются, скорее только начинаются этим первородным грехом. Все политические отношения, которые исследует Гинтце, она исследует как юрист, а не как историк, не заботясь о выяснении их материально-классового (т. е. как раз конкретноисторического) смысла.

Так, например, разбору весьма интересного законодательства Конституанты о муниципалитетах предпосылается краткая история городского самоуправления, начиная от франкских времен. Но по сути дела, вместо истории роста политической формы новых социальных сил, здесь дана хронология средневекового законодательства о городах. Экскурсы в социальный анализ очень отрывочны и глубиной порадовать не могут. Кому, в самом деле, нужно предупреждение «не переоценивать любви Людовика XI к городам»! Людовик XI, оказывается, «стремился, прежде всего, к образованию городской аристократии, которая была предана ему и враждебна феодальному дворянству. В этой политике отсутствуют демократические черты» (!—с. 210).

Так же дело обстоит с весьма интересным департаментским законодательством Конституанты. Либеральный историк оказывается в состоянии констатировать, что против бюрократического централизаторского плана Сейеса и фейанского большинства Конституанты выступали не только правые, но и левые. Защиту «провинциального духа» против «национального», в фейанском толковании, Гинтце регистрирует у Бриссо, Петиона, Банкаля (с. 189, 194—195, 219—220). Но каков социальный смысл этих «реакционных» выступлений левой, как она рассчитывала,

опираясь на все формы автономизма, облегчить развязывание массового движения, как, таким образом, феодальные привилегии смыкались и переходили (или могли перейти) в политические формы буржуазной демократии,—показать все это либералу не дано. Гинтце здесь занята доказательством незатейливой мыслишки о централистическом характере законодательства Конституанты,—ей необходимо опровергнуть противоположную мысль Ипполита Тэна.

Либеральная концепция революции, вообще, в корне искажает всю ее политическую перспективу. Так, Гинтце с большой обстоятельностью и любовным знанием дела останавливается на расписывании тех фестивалей, которые под названием «федераций» начались с осени 1789 и продолжались целый год. Если Марату эта мишура дала повод говорить о «панталонадном» характере французской революции, то Гинтце в ней усматривает самую суть революции: «Молодой национализм хотел одновременно распространиться в интернационализм, мечтали об общеевропейском и даже всечеловеческом отечестве», пацифизм был естественным продолжением федерализма (с. 270).

Зато такой малозаметный факт, как период якобинской диктатуры, из умственного кругозора новейшего либерала, можно сказать, совсем выпадает. Здесь перестает действовать даже то чувство сыновней признательности, которое у радикальных буржуа, занимающихся историей Великой революции, способно несколько компенсировать отсутствие исторического понимания. Главу о «диктатуре террора» Гинтце начинает комкать и изрекает в ней истины, которые полвека назад показались бы плоскими даже тем же либералам. Если Тэн полагал, что якобинская диктатура была обусловлена самой сутью революционной борьбы, то наш автор утверждает, что якобинская диктатура была «импровизированной постройкой», происхождение, развитие и гибель которой определила война; весьма конфузливо к войне иногда присовокупляется какая-то маловразумительная «Wirtschaftsnot»! (с. 74, 353, 393, 473, 475–476 passim).

С точки зрения свой политической организации якобинская диктатура для поклонника федерализма решительно не представляет интереса. В свете Октябрьской революции (книжка Гинтце вышла, ведь, в 1928!) не худо было бы заметить, что якобинская диктатура таила в себе возможности политической организации более демократической, чем парламентарная демократия. Муниципалитеты, федерация которых в 1790 г. так нравилась автору, ведь, только выросли в 1793 г. в своем значении: они перестали быть только «местной властью», но превратились в органы политической власти, совокупность которых, независимо от чрезвычайных комиссаров центра, и образовала якобинскую диктатуру! Все это для фрау Гинтце вещи неизвестные. Во всей эпохе господства санкюлотов почтенная фрау усматривает только «утрировку идеи единства», она солидаризуется с утверждением Прудона, что ликвидация жирондистов означала ликвидацию «всех следов федерализма из французского государственного права» (с. 4, 475).

Беспристрастная надклассовая справедливость, совершенным образцом которой является разбираемая книга, заставляет нас признать, что новейший продукт либеральной историографии отличается не только недостатками от своих предшественников, в нем есть и преимущества. Приятно, например, констатировать экстенсивность успеха классово-экономической точки зрения. Так, борьбу Жиронды с Горой, которую Олар сводил к личной склоке, завязавшейся по академическому вопросу о роли столицы в управлении, Гинтце объясняет причинами экономическими (правда, несколько эмпирично вульгаризованными): в Париже сидели санкюлоты, Париж стоил производящим областям много денег, борьба жирондистских департаментов против Парижа «была в значительной части обусловлена явно экономически» (с. 368). Обращение «чистых идеологов» к классовому и экономическому моменту теперь впрочем, вообще, не редкость: Гинтце здесь нисколько

не опережает французских радикалов, которые теперь не стесняются рекомендовать себя как «великую партию крестьянства».

Но рядом с преимуществами та же беспристрастная справедливость выявляет и недостатки: довоенные либералы были, пожалуй, полевее и подемократичнее послевоенных. Олар бы не позволил себе написать то, что пишет Гинтце о крестьянских и городских восстаниях 1789 г., которые и определили дальнейшее развертывание Великой революции. Неприятно, в самом деле, в такой «передовой» книжке читать о «бессовестных элементах», о «диких мятежах крестьян», о «бессмысленных восстаниях» и т. п., которые к счастью быстро подавлялись «сознательной частью», «выдержанными и разумными элементами населения». Для этой цели, обычно и образовывались столь любезные сердцу немецкого либерала федерации цензовых, буржуазных муниципалитетов! Эти федерации преследовали, таким образом, «в первую очередь экономические цели» и действовали обычно, как одобрительно замечает Гинтце, «предусмотрительно и благотворно» (с. 236, 237, 239, 241, 245).

Мы не вполне в этом уверены, но может создаться впечатление, что немецкий либерал, в противоположность своим французским коллегам, несколько грешит даже монархическими симпатиями. С явной грустью Гинтце описывает, как в 1793 г. якобинцы Везуля жгли «знамя федерации 14 июля 1790 г.»: «Это было белое знамя, эмблема монархии, и оно напоминало о временах, которые исчезли, о клятвах в любви, братстве и единстве, которые были забыты и преданы в борьбе партии». Эта резиньяция кончается напоминанием, что «молодая революция ни в коем случае не носила еще тех жестоких и кровавых черт, которые потом были на нее наложены войной и диктатурой» (с. 257—258, 259). Что делать,—автор убежденный пацифист! Он перманентно горит желанием связать федерацией французов с немцами, «эти два избранные народа из всего человечества»,—фраза, которую в 1844 г. мог себе позволить Гейне, как поэтическую вольность, но которая теперь, в малость изменившейся обстановке, приобретает дурной привкус (с. 260). Словом, автор—типичный либерал той разновидности, которая во время войны интенсивнее всех бряцала саблей, а после войны скопом пошла в пацифисты.

Тут уж можно и открыть курьез, который оправдывает размеры этой рецензии. Фрау Гинтце вовсе не либерал! Фрау Гинтце... марксистка! Фрау пишет статьи в партийном журнале германской социал-демократии! Тень Бебеля нам свидетель, что без этой последней подробности о марксистском направлении разбираемой книги никак нельзя было догадаться: в ней отсутствует не только революционная и не только пролетарско-классовая точка зрения, но даже взывание к имени Маркса (хотя бы и всуе). Наоборот, журнальная статья того же автора трактует о «буржуазных и социалистических историках французской революции», выдержана в обычных социал-демократических тонах и имя Маркса в ней встречается (правда, в той связи, что Жорес создал «высоко интересную историю философии», соединив Маркса с «почти мистическим идеализмом, напоминающим Шиллера» («Die Gesellschaft» № 7, 1929, S. 82). Никаких примечаний от редакции там нет,—сомнений быть не может: Гинтце—социал-демократка и ее труд—социал-демократический труд. Что если сравнить «Гражданскую войну во Франции» Карла Маркса с «Государственным единством и федерализмом во Франции» Гедвиги Гинтце? Не отразится ли в этом сравнении, как солнце в малой капле вод, вся история развития германской социал-демократии?

* * *

Книжка Эрнста Астера «Французская революция в развитии ее политических идей» является непретенциозной популяризацией, выдержанной в радикально-демократических тонах. Обе эти особенности как будто исключают наличие интереса к ней со стороны советского читателя. И, однако, ознакомление с ней оказывается небесполезным. Автору удалось, при хорошей эрудиции, создать не только легко

изложенную, но и просто интересную работу (сколько это ни трудно по нынешним временам в популярном изложении истории Французской революции).

Автор и занимается историей идей и сам является последовательным «идеологом». Он рассматривает буржуазную революцию, как развитие «от либерализма через демократию к начаткам социализма». Отчасти это искажает перспективы. «Общими планами» Астер объясняет иногда такие события революционной истории, которые и проще и правильнее было бы объяснить реальными условиями классовой борьбы, независимо от идеологических воззрений. Так обстоит у него дело с изложением вопроса о королевском вето, об избирательном статуте конституции 1791, о законе 14 июня 1791 против рабочих союзов (с. 107, 118, 135–137). Это осложняющее влияние чувствуется даже там, где вопрос по существу решен правильно. Так, революционную партию Астер трактует не только как орган надзора за властью, но как орган потенциальной власти, предназначенный вытеснить Конвент (с. 234, 301). Но вместо того, чтобы объяснить это логикой революционной классовой диктатуры, автор призывает на помощь идеологию эпохи: власть должна контролироваться народом, но народ—это «не простая сумма всех граждан, среди которых, ведь, находятся и враги народа, и множество совращенных ими, а замкнутое общество всех незапятнанных патриотов» и т. п. (с. 284). Конечно, эти объяснения от идеологии являются очень зыбкой почвой. Ведь по меньшей мере с таким же правом можно было бы выставить обратное положение: государственное значение революционной партии было вызвано развитием мелкобуржуазной диктатуры вопреки мелкобуржуазной идеологии, которая отрицала законность партий и захват власти, «самочинной частной организацией общественного мнения»!

Если, несмотря на недостатки объяснений от идеологии, Астер дал правильное решение вопроса о месте партий в буржуазной революции, то объясняется это тем, что он не игнорирует и материально-классового объяснения революционных событий и даже самой революционной идеологии. Он даже думает, что терроризм периода якобинской диктатуры не принял бы такой ожесточенной формы, имей революционная мелкая буржуазия ясное представление о своих классовых интересах (с. 141). Нечего и говорить, что «классовая» теория Астера непоследовательна и поверхностна. Он сразу поясняет, что современная «односторонняя точка зрения классовой борьбы» еще хуже: «Из антитезы классовых интересов должен (!) вырастать синтез общего интереса», и классовая борьба законна, не как реальная борьба, а только как «духовный спор, в котором побеждает разум» и т. п. (с. 142).

Эта небольшая доза гелертерских благоглупостей не мешает автору в дальнейшем уже без конфуза оперировать классовой точкой зрения, и часто даже весьма успешно. Кроме уже отмеченного удачного решения вопроса о политическом статусе якобинских клубов (которые автор, впрочем, зря сравнивает тут же с ВКП и заодно с фашизмом,—с. 301—302), можно отметить еще два исключительно удачных положения автора. Во-первых, по вопросу о различиях в политической идеологии жирондистов и монтаньяров—вопросу, который постоянно был камнем преткновения для всей буржуазной историографии,—Астер видит (хотя и не очень ясно) это различие в стремлении жирондистов «положить во всей Франции в основу первичных собраний, т. е. организаций суверенного народа, образованные в целях управления департаменты, вместо естественных и самоорганизующихся городов, деревень, общин» (с. 263–264). Можно думать, что здесь в самом деле лежит основное различие, потому что оно означает ориентацию на формальную или материальную демократию, на развертывание народной революции или на удушение ее, т. е. на крупную или же мелкую буржуазию.

Во-вторых, Астером, пережившим опыт пролетарской революции, указано—едва ли не впервые в буржуазной историографии—на конкретную форму перерастания формальной демократии в материальную во время Великой французской революции. Рядом с буржуазным парламентом возникала новая форма власти в виде столичных

дистриктов, а потом секций. «Путем постоянных секций, действующих без представительства и выборных органов и в постоянной взаимной связи, они хотели достигнуть того, к чему ныне стремятся приверженцы идеи советов... И так же, как сейчас, они со своими идеями должны были вступить в конфликт с идеей парламентского правления» (с. 82—3). Это стремление не ограничивалось одной столицей. После переворота 10 августа 1792 г. столичная коммуна пыталась «связать одновременно всю Францию сетью коммун с Парижем, как главой и исполнительным органом» (с. 198). Таким образом перерастание формальной демократии в материальную и во время Французской революции находило свое политическое выражение в замене парламентарной организации иной организацией. В констатировании этого факта буржуазный демократ Астер оказывается много сообразительней социал-демократической «марксистки» Гинтце.

У него, впрочем, не мало и других преимуществ, обусловленных все той же классово-экономической точкой зрения. Так, якобинская диктатура для него вовсе не импровизация, созданная войной. Революционное правительство со всеми его особенностями—это логическое следствие победы мелкой буржуазии; даже ее гипертрофированный терроризм происходит от «робости и неспособности непосредственно взяться за социальные вопросы», т. е. национализировать производство (с. 256). Правильно определена и политическая сущность этой диктатуры как власти, не связанной правом (с. 277), и задача террора как расправы с опасными людьми вместо наказания за вредные действия (с. 280). Таким пониманием диктатуры определена и—столь редкая теперь в буржуазной историографии—реабилитация Робеспьера: автор решительно отвергает легенду о «личном честолюбии» как причине террора (с. 281—282). Очень интересно и в общем правильно изложение понятий о собственности у разных партий Французской революции, понятий, которые в большей или меньшей степени влияли на разрешение основной задачи революции,—ликвидации феодализма (с. 60, 226, 248—250). Нельзя не согласиться с его выводом, что только устранение жирондистов позволило «победить последние проявления страха перед посягательством на феодальную собственность», т. е. что разрешение основной задачи буржуазной революции стало возможным только ценой политического разгрома буржуазии (с. 257).

Во многих отношениях книга Астера может оказаться интересной и полезной для наших историков.

С—й

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОБЗОРЫ

А. Шестаков

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ В СССР НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ЗА ВТОРУЮ ПОЛОВИНУ 1929 г.

«**Пролетарская революция**» №№ 8-9(91-92), 10(93), 11(94), 12(95); «**Красная летопись**» № 5(32); «**Каторга и ссылка**» № 6(33); «Историко-революционный вестник №№ 10(59), 11(60), 12(61).

«**Пролетарская революция**» №№ 8-9 (91-92), 12(95).

Первое, на что обращаешь внимание при чтении новых книжек «Пролетарской революции» это на публикации документов-подлинников В. И. Ленина, документов о нем и на статьи, связанные с ним или с его учением. По первой группе материалов в рецензируемых книжках мы имеем в № 8-9(91-92) «Письма В. И. Ленина из ссылки за 1899 г.», начало которых было помещено в № 6(89) «Пролетарской революции» за 1929 г. Как и предыдущие, эти письма представляют огромной ценности биографический материал о В. И. за период его нахождения в ссылке в селе Шушенском. С этой же стороны не менее ценны опубликованные в № 11(94) «Пролетарской революции» «Письма В. И Ленина к родным», которые охватывают период с 1894 по 1917 г. По этим письмам можно судить об образе жизни В. И., об его привычках, склонностях, об отношениях к людям и т. д. Большинство писем адресованы матери В. И.—Марии Александровне и его сестре—Марии Ильиничне. Из предисловия к письмам М. И. Ульяновой приведем несколько отрывков, характеризующих В. И. Ленина. Так, описывая методы работы В. И., М. И. Ульянова отмечает, что среди литературы, которой интересовался Ильич в тот или иной отрезок времени, большое внимание им уделялось различным статистическим сборникам. М. И. указывает, что В. И. очень большое значение придавал статистике, «точным фактам, бесспорным фактам». Характерна в этом отношении его незаконченная и еще не опубликованная работа: «Статистика и социология», для которой В. И. выбрал новый псевдоним «П. Пирючев» в целях облегчения издания. М. И. Ульянова приводит далее ряд справок о том, как статьи В. И. очень сильно урезывались и искажались цензурой (например статья «Некритическая критика»), книги конфисковывались («Аграрный вопрос», т. II) и пр.

К опубликованному литературному наследию В. И. Ленина прибавился его автореферат «О задачах РСДРП(б) в русской революции»[1]. Этот доклад был прочитан В. И. в Цюрихе 27 марта 1917 г. (н. с.). В реферате докладчик дал очерк исторических условий, породивших падение царской монархии в России в 8 дней, указав в первую очередь на важнейшее из этих условий—на революцию 1905 г. Далее он отметил совершенно исключительное сочетание условий, которые позволили в 1917 г. объединить удары против царизма, направляемые самыми разнородными общественными силами. Во-первых, англо-французский финансовый капитал участвовал непосредственно в революции самым активным образом, организуя прямой заговор гг. Гучковых, Милюковых и части высшего командного состава армии для смещения Николая II или принуждения его пойти на уступки. Во-вторых, поражения царской монархии смели старый командный состав армии и заменили его новым, молодым, буржуазным. В-третьих, вся русская буржуазия, усиленно организовавшая свои силы, объединилась с помещиками в борьбе против сгнившей царской монархии. В-четвертых, к этим силам империалистического характера прибавилось могучее и глубокое пролетарское движение. Пролетариат сделал революцию, требуя мира, хлеба и свободы, не имея ничего общего с империалистической буржуазией, и он повел за собой большинство армии, состоящее из рабочих и крестьян. Далее в этом докладе В. И. Ленин отметил три течения в Совете рабочих депутатов: первое—социал-патриотическое, второе—направление ЦК большевиков и третье—

---

[1] «Пролетарская революция» № 10(93).

направление Чхеидзе и его колеблющихся друзей. Из этого анализа движущих сил революции и ее условий В. И. делал выводы о необходимости перехода революции «от восстания против царизма к восстанию против буржуазии», о необходимости создания революционной организации пролетариата и т. д.

Реферат заканчивался призывом: «Да здравствует русская революция! Да здравствует начавшаяся всемирная рабочая революция!».

Интересным штрихом для биографии В. И. Ленина, а также и И. И. Скворцова-Степанова, могут служить напечатанные в том же № 10(93) «Пролетарской революции» два письма первого ко второму. Письма написаны весной 1922 г. по поводу работы И. И. Скворцова-Степанова над книгой «Электрификация РСФСР в связи с переходной фазой мирового хозяйства». Будучи загружен по горло массой партийных и государственных дел, В. И. все же находил время знакомиться с работой И. И. 19 марта 1922 г. он ему писал: «Сейчас кончил просмотр 160 страниц Вашей книги. На сколько бешено (вплоть до цензурности) я Вас ругал за то, что Вы способны теперь сидеть месяцы за опровержением Кунова, настолько от этой книги я в восторге. Вот это дело. Вот это образец того, к[ак] надо русского дикаря учить с азов, но учить не «полунауке», а всей науке.

Напишите еще (отдохнув сначала, как след[ует], такой же томик по истории религии и против всякой религии (в том числе кантианской и другой утонченно-идеологической или утонченно-агностической), с обзором материалов по истории атеизма и по связям церкви с буржуазией».

Из прагматических материалов о В. И. Ленине следует отметить воспоминания С. Равич и И. Лалаянца в № 8-9(91-92), А. Елизаровой «Страничка воспоминаний о В. И. в Совнаркоме» в № 11/94. Интересны также воспоминания Г. Бакалова: «Когда и как болгарские рабочие впервые познакомились с В. И. Лениным».

Из статей, посвященных разработке методологии ленинизма, в первую очередь следует отметить работу Д. Дядякина «К характеристике методологии ленинизма и уклонов» в № 8-9(91-92). В статье Д. Дядякина встречается ряд шероховатостей и неточных формулировок, которые затемняют смысл: например, на с. 5 он пишет: «Разногласия между партией и троцкизмом носили уже характер таких различных классовых линий, поэтому наряду с фактической стороной и реальной борьбой нужно сосредоточить внимание также на освещении корней идеологии и методологии, т.-е. на освещении самих классов».

В № 12(95) выделяется содержательная юбилейная статья В. В. Адоратского «И. В. Сталин как теоретик ленинизма», в которой автор подчеркивает весьма важный момент, а в теоретическом отношении решающий, это верность т. Сталина методу Маркса и Ленина – материалистической диалектике. Совершенно правильно т. Адоратский отмечает: «Чрезвычайно ценно у т. Сталина умение верно учесть своеобразие новой обстановкии направить свое внимание на то, что является важнейшим для данного момента, а также уменье принять в расчет развитие, учесть, в каком направлении происходит движение, отчего и к чему совершается переход» (с. 8).

На специальные темы об уклонах в рецензируемых книжках «Пролетарской революции» имеется ряд других статей: Я. Резвушкина «О последних откровениях Троцкого» № 10(93); А. Сидорова «Экономическая программа и дискуссия с «левыми коммунистами» о задачах социалистического строительства» № 11(94); Я. Бронина «Платформа т. Бухарина в профсоюзной дискуссии 1920/21 г.» № 12(95) и др. К материалам против правого уклона должны быть отнесены также и опубликованные в № 12(95) «Пролетарской революции» доклад и прения по вопросу о замечаниях Ленина на книгу Бухарина «Экономика переходного периода».

Кроме троцкизма и правого уклона, «Пролетарская революция» ведет также борьбу с «рабочей оппозицией» (в статье Я. Бронина «К характеристике платформы рабочей оппозиции в профсоюзной дискуссии 1920-21 гг» в № 11(94) и с Бундом (в статье А. Агурского «Борьба против уклонов на историческом фронте». К вопросу об исторической роли Бунда). Там же о бойкотизме, отзовизме, ультиматизме и о группе «Вперед» помещены 2 статьи М. Войтинского [2].

Ценный исторический материал найдем в протоколах I и II Московской областной конференции РСДРП(б) в 1917 г. в №№ 10(93) и 12(95). В связи с юбилейной дискуссией о Народной Воле «Пролетарская революция» обещает ряд статей по истории революционного движения 70—80 гг. Первая из таких статей М. Потша «Маркс и Энгельс о народническом социализме в России» напечатана в № 12(95). Автор приходит к выводу, что Маркс и Энгельс, «ставя вопрос о путях развития России и о роли общины, имели в виду общую постановку вопроса о возможности

---

[2] №№ 8-9(91-92) и 12(95).

в эпоху пролетарских революций для отсталых стран притти к социализму, минуя капитализм, при условии победы пролетарских революций в высокоразвитых капиталистических странах и совершения аграрных политических революций в странах отсталых. Они давали на этот вопрос утвердительный ответ». Далее автор отмечает, что исходя из этих общих положений Маркс и Энгельс считали возможным для России в ту эпоху миновать капиталистическую фазу развития, но вместе с этим все же полагали, что после реформы Россия уже вступила на путь капиталистического развития и что ей, в случае медленного развития пролетарской революции в Европе, предстоит развиваться по капиталистическому пути. Таким образом у Маркса и Энгельса никаких народнических оценок в вопросе о путях развития России не было и не могло быть. Отсюда совершенно безосновательно современное народничество модернизирует основоположников марксизма на свою колодку и с еще меньшей основательностью сбиваются на такие же оценки историки марксисты—Стеклов, Сергиевский и др. К последним следует добавить еще т. Теодоровича, еще более неумеренно причесывающего народничество под марксизм и спутавшего народнический утопический социализм с большевизмом в своих статьях о Народной Воле. «Пролетарская революция» правильно делает, давая отпор таким уклонам и по данному вопросу.

В результате можно сделать вывод, что «Пролетарская революция» все более и более определенно становится органом воинствующей марксистско-ленинской исторической мысли. В связи с этим в журнале отведено очень небольшое место фактической истории революционного движения и истории партии, которым может быть следовало бы при создавшемся положении вещей время от времени посвящать отдельные сборники.

«Красная летопись» № 5(32) и № 6(33.)

«Красная летопись» посвящает В. И. Ленину десяток страниц в № 6(33). Сначала идет сообщение об аресте В. И. Ленина в Галиции осенью в 1914 г. Русская полиция составила тогда особый план захвата В. И. в свои руки. В журнале опубликованы выписки из дел департамента полиции по этому вопросу с комментариями редакции. Далее помещены воспоминания Е. Стасовой «Ленин о партийной работе и партийных товарищах». Наиболее ценны эпизоды, относящиеся к 1918—1919 гг. Тов. Е. Стасова отмечает между прочим чрезвычайную дисциплинированность В. И. по партийной линии, его необыкновенную аккуратность к своим обязанностям и трогательную заботливость о товарищах.

№ 5(32) «Красной летописи» посвящен 10-летнему юбилею обороны красного Петрограда в 1919 г. Этому отведено целых 9 статей, освещающих оборону Петрограда с разных сторон: роль пролетариата, действия армии и моряков, а также отдельные эпизоды обороны. В приложениях помещены: конспект доклада на тему «Борьба Петрограда в 1919 г.» и библиография о литературе по истории гражданской войны на северо-западе России в 1919 г. В меньшей части № 5(32) «Красной летописи» дана статья А. Дрезена «Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г.», написанная по архивным военным фондам. В том же № дается окончание статьи М. Г. Гайсинского «О Всероссийских съездах советов крестьянских депутатов в ноябре—декабре 1917 г.», о которой в прошлом обзоре мы обещали дать более подробный отзыв.

В примечании от редакции указано, что работа т. Гайсинского написана исключительно по историческим архивным материалам. Сам автор как-то странно обходит молчанием работы историков, опубликованные по тому же вопросу и в «Пролетарской революции», и в «Историке-марксисте» значительно ранее его статей, которые во многом лишь повторяют то, что уже было сказано в этих работах. Таким образом статьи т. Гайсинского нового дают не много, причем им были использованы в основном те же материалы, что и его предшественниками. Ценность же его работы сводится к тому, что он дал историю послеоктябрьских съездов советов крестьянских депутатов, как специальную тему. Общая установка автора правильна, но по отдельным моментам встречается ряд недочетов. Прежде всего т. Гайсинский допускает ряд обобщающих выводов на ограниченном фактическом материале. Так, в первой из своих статей, изображая политическую запуганность крестьянства, он пишет, что после октябрьского восстания помещики разными способами мешали осуществлению советских декретов о земле, «пугая крестьян казаками». Там же и тогда же у т. Гайсинского действуют по деревням какие-то комиссары «Временного правительства и А. Ф. Керенского» и т. д. Автор недостаточно разбирается в структуре местного самоуправления и в той же статье пишет: «Рядом с этим губисполкомом продолжали существовать и еще три других губернских центра прежней эпохи: земство, продовольственная и земская управы». Автор путает земство и земские управы, выделяя их в особые группы, тогда как на самом деле это было одно и то-же: земская управа и была «земством».

Неверно, что рабочие и матросы сыграли огромную роль в деревне лишь «после Октябрьской революции», как пишет т. Гайсинский. Такую же роль сыграли они и до Октябрьской революции. Нечеткость формулировок — органический порок т. Гайсинского. Вот например: «Большую помощь кулакам оказывало эсерствующее учительство в ряде мест в Петроградской, Иваново-вознесенской и других губерниях» [3]. Почему автором взяты только указанные две губернии, а остальные поданы под псевдонимом «другие»? По мнению т. Гайсинского после Октября «в деревне еще долго царили эсеры, которые обманным путем снискали доверие крестьян» (там же). Во-первых, что означает это «долго», а во-вторых аргументация от «обманного пути» вряд ли допустима для историка-марксиста. На с. 16 сказано, что Исполком Совета крестьянских депутатов находился под руководством «эсеровских и других светил». Что это за другие светила, т. Гайсинский так и не осветил.

В № 6(33) «Красной летописи» весьма своевременно даны статьи о 9 января 1905 г. Этого мы не можем сказать о других исторических журналах, которые вовремя не откликнулись на одну из важнейших юбилейных дат первой революции. Очень ценны воспоминания врача Обуховской больницы А. М. Аргуна с подробными таблицами убитых и раненых в день «Кровавого воскресенья».

Ценный вклад в историю аграрных отношений в 1917 г. вносит статья А. П. Чулошникова «Аграрная реформа и земельные собственники в 1917 г.». Автор рассказывает о попытке организации в Петербурге «Всероссийского съезда крестьян-собственников и мелких землевладельцев», предпринятой северным сельскохозяйственным обществом, и о собрании представителей всех крупных сельскохозяйственных обществ в Москве. Также интересен краткий очерк К. К. Розенбека «Комитеты деревенской бедноты в Псковской губ. в 1918 г.», написанный по материалам Псковского окружного архивного бюро. Большой материал дан в обеих рецензируемых книжках «Красной летописи» по строительству Красной армии в Петрограде и советизации Балтийского флота.

Несколько случайна статья Сыркина «Махаевщина» — критический очерк в № 6(33).

Приходится выразить сожаление по поводу отсутствия в рецензируемых номерах «Красной летописи» материалов по истории революционного движения на отдельных предприятиях Ленинграда.

«Каторга и ссылка» (Историко-революционный вестник) №№ 10(59) и 12(61). С № 11 «Каторга и ссылка» сменила общего редактора — вместо Ф. Я Кона им стал И. А. Теодорович, но эта смена редакторов никаких серьезных изменений в журнал не внесла. По-прежнему мы имеем в нем на первом месте статьи из истории революционного движения, главным образом по эпохе второй половины XIX века, затем во втором отделе идут воспоминания о тюрьме, каторге, ссылке и эмиграции, в третьем — со старым елейно-церковным названием «Лики отошедших» — биографические материалы из жизни отдельных революционеров и наконец — библиография и хроника.

Наиболее приметной из всех других статей в рецензируемых книжках является статья А. Шебунина в № 11(60) «Каторги и ссылки» «К вопросу о роли Н. Г. Чернышевского в революционном движении 60 г.».

Новая редакция «Каторги и ссылки» находит, что этот вопрос до сих пор не выяснен. С этим нельзя согласиться, так как недавний юбилей Н. Г. Чернышевского дал возможность для историков-марксистов совершенно четко определить роль Чернышевского и в области теории, и в области практики в начальный период русского народничества. По меткому определению М. Н. Покровского, «Чернышевский был вождем, точнее готов был стать вождем *крестьянской* революции» [4], и в этой оценке сказано главное, что нужно было сказать о Н. Г. Чернышевском. О теоретических воззрениях Н. Г. Чернышевского достаточно ясно сказано в статье В. Кирпошина в том же номере «Историка-марксиста». С благословения новой редакции «Каторги и ссылки», А. Шебунин снова поднимает вопрос о Н. Г. Чернышевском в плоскости уже решенного спора: был ли Чернышевский революционным коммунистом с теоретическими взглядами, очень близкими учению Маркса, или он был своеобразным родоначальником меньшевистской тактики, или он был просто буржуазным радикалом и отражал интересы тех социальных групп, которые впоследствии создали земскую оппозицию и основали кадетскую партию. А. Шебунин перетряхивает этот старый спор и приходит к выводу, что т. Стеклов далеко не прав, что Чернышевский ближе к Прудону, чем к Бланки и Марксу, и т. д., что «утопический социалист Чернышевский в русской обстановке стал политическим радикалом,

---

[3] «Красная летопись» № 3/30, с. 14.

[4] «Историк-марксист», т. VIII, 1928, с. 25.

но не стал террористом и народником», что он был так же за союз с либералами и т. д. Автора воззвания «К барским крестьянам» А. Шебунин изображает весьма осторожным политиком, который «хотел организовать и направить крестьянское движение, но не чужд был и надежд на то, что выступление дворянства и просвещенных людей «всех сословий» могло предотвратить крестьянское движение» (с. 62). По Шебунину, позиция Чернышевского скорее сближалась с позицией Герцена и Огарева в 1861—1862 гг., чем с революционерами из «Молодой России». Правда, последнее утверждение А. Шебунин в другом месте смазывает, заявляя, что Чернышевский не мог не сочувствовать прокламации «Молодой России», социалистическая программа которой была ему близка, а также не чужда и мысль о решительных революционных мерах. По мнению А. Шебунина Н. Г. Чернышевский был лишь против бланкизма «Молодой России». В конечном счете А. Шебунин так и не решил поставленный им вопрос о роли Чернышевского в революционном движении 60 гг., проявив лишь тенденцию умалить революционную значимость Чернышевского в эпоху перед его арестом.

Из других статей и материалов в рецензируемых книжках «Каторги и ссылки» следует особо отметить очерк С. Л. Гельзина (Бабаджана) об южном военно-техническом бюро при ЦК РСДРП—о фабрике бомб в Ростове на Дону (в № 12(61) и статьи Н. Шаханова о первой стачке рабочих в Орехове-Зуеве (в № 10(59).

Очень красочны воспоминания Ф. Радзиловской и Л. Орестовой о мальцевской женской каторге в 1907—1911 гг. (в № 10(59) и материалы о Сигиде (в № 11(60)— читаются они с увлечением.

РЕЦЕНЗИИ

Д. К. ЗЕЛЕНИН. — Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1. Запреты на охоте и иных промыслах. «Сборник Музея антропологии и Этнографии», Т. VIII, изд. Акад. Наук СССР. Л. 1929 г. 144+7.

Этнография, составляющая один из разделов социологии, принадлежит к числу таких отраслей научного знания, которые по справедливости должны быть признаны важнейшими боевыми научными участками на фронте нашего социалистического строительства. На этнографическом участке нашего фронта задачи науки, между прочим, тесно соприкасаются с задачами нашей политики в области разрешения национального вопроса. Кому неизвестно, что этот вопрос имеет немалый удельный вес в деле социалистического строительства в нашей стране? Этому вопросу уделяют большое внимание и партия, и правительство, и наша общественность. И это понятно: национальный вопрос в нашем Союзе есть вопрос в значительной мере национальных меньшинств, культурного строительства национальностей, которые особенно были придавлены русским империализмом. Без успешного и правильного разрешения этого вопроса не может быть быстрого движения в области социалистического строительства. Одна из задач этнографии, как определенной отрасли научного знания, заключается в том, чтобы ориентировать нас в целом ряде вопросов культуры — и ее особенностей отдельных национальностей на территории СССР. Это вызывает повышенный интерес к новым работам по этнографии народов СССР.

Перед нами—работа по этнографии Д. К. Зеленина, известного специалиста в вопросах этнографии народов СССР, не в первый раз выпускающего объемистые исследования, обильно насыщенные фактическим материалом.

К сожалению, при всей богатой осведомленности в области этнографических фактов, Д. К. Зеленин, советский ученый,—в своем новом труде—мало чем отличается от ученого Д. К. Зеленина времен императорской России. Двенадцать лет пролетарской революции, двенадцать лет культурной революции и коренной ломки мировоззрения в нашей стране прошли для него бесследно. Если бы не крупное имя, не мировое имя Д. К. как ученого этнографа, надо было бы пройти мимо его работы, изданной при той же Всесоюзной Академии Наук. Но Д. К. Зеленин — крупный ученый, у него целая школа, он готовит нам научную «смену», на которую с надеждой обращены наши взоры. Это обязывает сугубо внимательно отнестись к новому труду Д. К. Зеленина.

Предмет исследования Д. К. Зеленина—запретные слова у народов СССР и условия происхождения этих слов. С точки зрения автора, который обычно предпочитает, правда, не без основания, итти от фактов к теории, а не наоборот, следовало бы признать, что изложение материала в данной работе он начинает с конца, так как первоначально им выясняются условия происхождения табу слов, а затем приводится самый перечень слов-табу и так называемых подставных слов. Этот порядок изложения напоминает старое правило Д. К. Зеленина «двигаться в глубь истории раком», как буквально охарактеризовал он свой метод исследования этнографических вопросов еще в 1916 г. (Очерки русской мифологии, Птг. 1916 с. 16 «Введение»). Замеченная странность в изложении, как будто ничего не говорящая о методе исследования и об идеологогии автора, находится, как будет показано далее, в закономерной связи и с тем и другим.

Идеологоя автора начинает выявляться, собственно, уже с первой страницы его труда, где говорится, что «основанием запрета (табу) слов служат главным образом не столько соображения приличия и нравственности, сколько верования» (с. 1). Дело становится яснее с 4-й стр., где начинается полемика Д. К. Зеленина с субъективным идеалистом Дж. Фрэзером. Сам автор убежден, что больше расходится с Дж. Фрэзером, чем сходится с ним во взглядах и в объяснении условий происхождения табу (запретов). Я должен внести фактическую поправку: сходства больше, чем разногласий. Признавая Дж. Фрэзера субъективным иде-

алистом, я обращаю внимание читателей на заявление Д. К. Зеленина: «В своем объяснении психологии и генетики словесных табу мы лишь отчасти могли примкнуть к теории Дж. Фрэзера» (с. 4). Если Д. К. Зеленин, хотя бы даже «отчасти», мог примкнуть во взглядах на происхождение табу к субъективному идеалисту Дж. Фрэзеру, то он расходится с последним лишь в деталях, а не в основном. Эта полемика с Дж. Фрэзером—спор двух идеалистов, двух различных направлений идеализма в этнографии, но не спор материалиста с идеалистом. Это ясно и из заключительных строк полемики: «Отнюдь не отвергая изложенной выше концепции Дж. Фрэзера для народов иных культурных кругов, мы для народов взятого нами культурного круга должны признать эту концепцию не приемлемой, по крайней мере в целом» (с. 5). Это значит, что Д. К. Зеленин признает объяснение Дж. Фрэзера, в общем, правильным, но приложимым лишь к явлениям, наблюдаемым у народов «иных культурных кругов». Те же самые «общечеловеческие явления, каково словесное табу», для которых Д. К. Зеленин, совершенно непоследовательно и в разрез с только что приведенным его мнением, готов допустить одну общую «древнейшую основу»,—те же явления у других народов должны иметь, по Д. К. Зеленину, иные объяснения.

Впрочем, сам Д. К. Зеленин не слишком скрывает свои взгляды субъективного идеалиста. Если более «левые» этнографы, как В. Г. Богораз-Тан, еще стыдливо прикрывают свой идеализм лоскутами, выхваченными из марксизма, то Д. К. Зеленин открыто говорит: «Прежде чем перейти к изложению фактического материала о словесных запретах по отношению к промысловым животным, мы должны остановиться на психологических предпосылках, которые содействовали созданию словесных запретов у первобытного охотника—промышленника» (с. 9—10). И вторую, еще ненапечатанную часть своего исследования он обещает начать «также с выяснения психологических предпосылок» (с. 10). «Осторожные» обороты речи («предпосылки», «которые содействовали»), повидимому, должны создать у читателя впечатление вдумчивого подхода автора к исследуемой проблеме. Не последует ли за выяснением «содействовавших созданию» табу «предпосылок» — социологический их анализ? Не будет ли установлено автором единое социально-экономическое обоснование, которое было коренным условием возникновения табу и... этих самых «психологических предпосылок»? Не будет ли показано автором, в чем конкретно сказалась роль вторичных факторов (психологических предпосылок) в развитии табу? Дальнейшее знакомство с работой Д. К. Зеленина приводит к отрицательному ответу на все эти вопросы. На последующих страницах своего труда автор говорит более понятным языком, и становится очевидным, что «предпосылки» равнозначны у него «основным условиям», «содействовать»—означает «обусловливать». «Ниже мы увидим, что на той же психологической основе возник большой ряд охотничьих запретов и других правил, предписывающих охотнику во время охоты тишину, молчание и строгое соблюдение тайны» (с. 23): «На этой именно психологической основе мы склонны объяснять некоторые половые табу охотников» (с. 23); «Анимистические запреты.. выросли на почве гораздо более сложного мировоззрения» (с. 39); «Ниже мы приводим факты, относящиеся к гораздо более поздней, к христианской эпохе. Но они сохранили старую психологическую основу и интересны для нас именно с этой точки зрения» (с. 68); «Изложенное выше раскрывает перед нами все те же психологические предпосылки, на почве которых развивались словесные запреты охотников и рыболовов (с. 88)—такие и им подобные утверждения, которыми пестрит работа Д. К. Зеленина, не оставляют никаких сомнений насчет того, какое содержание вкладывает Д. К. Зеленин в понятия «предпосылки» и «содействие».

Идеалистическая концепция Д. К. Зеленина по вопросу о возникновении табу сводится, в кратких словах, к следующему.

Первобытные народы верят, что животное во всем сходно с человеком, что все животные понимают человеческую речь и даже способны сами говорить человеческим языком, что животные при всем том имеют очень острый слух, острое зрение и тонкое обоняние. Мнение об остром слухе, остром зрении и тонком обонянии животных имеет под собою вполне реальную почву. Всеми этими качествами животные, действительно, обладают, например, «охотники знают, что олень ощущает запах пороха за 7 верст и далее» (с. 24). Первобытные народы имели основание все это подметить, так как сами обладали гораздо более сильным зрением, острым слухом и тонким обонянием, чем высокоразвитые в культур-

ном отношении народы, напр Бр. Пилсудский видел на о. Сахалине одного айна, «который заболел от медвежьего запаха», и в аинском языке имеется даже специальный термин, означающий «медвежья болезнь» (с. 23). Открытие упомянутых выше качеств у животных и привело первобытных охотников к необходимости наложить запрет на все то, с чем связаны, так сказать, человеческие запахи, отпугивающие дичь, а вера в способность животных понимать человеческий язык при наличии тонкого слуха у животных, заставила ввести запреты и на некоторые слова, употребление которых тоже могло бы разгонять на охоте дичь.

Итак, психологические основания возникновения табу, по Д. К. Зеленину, заключаются в наблюдении первобытных охотников над свойствами животных.

Идеалистическая концепция Д. К. Зеленина по вопросу о возникновении табу находит себе полное соответствие и в классификации Д. К. Зелениным слов—табу. Все запреты он делит на производственные, мужские и внепроизводственные, женские. Первые возникли в сфере охоты, вторые—в кругу первобытных «обывателей» (sic!) (с. 7). Эта классификация, понятно, остается не только не обоснованной автором, но им же самим в дальнейшем опровергается, так как основной признак табу второй категории (желание «отпугнуть») обнаруживается и в отношении табу первой категории (напр., с. 15, 18, 19 и др.). Не сомневаюсь, что фактический материал не подтвердит и положения Д. К. Зеленина, будто бы запреты второго рода возникали вне производства первобытных народов.

Идеалистическая концепция Д. К. Зеленина по вопросу о табу находит себе полное соответствие и в его взглядах на возникновение тех или иных форм социально-экономических отношений. Так, в работе, Д. К. Зеленина встречаются такие утверждения: «На почве половых табу охотников возникло резкое отграничение в этом промысле мужчин и женщин» (с. 27), хотя автору ничего не стоит сказать и прямо противоположное: «На почве резкого отграничения в охоте мужчин и женщин развились также и словесные запреты» (с. 37). В другом месте встречается утверждение: «Охотничьи табу по отношению к менструальной крови старше социальной изоляции менструирующих» (с. 36), т. е., сначала идея «нечистого», а после уже—социальная форма.

Какими же приемами «доказывает» Д. К Зеленин свою концепцию, в которой, впрочем, сам он особенно не уверен, предпочитая, несмотря на огромный привлеченный им фактический материал, называть ее «рабочей гипотезой» (с. 9)? Его основной прием заключается в том, что каждое выдвинутое им положение иллюстрируется набором фактов, которые Д. К. Зеленин, без стеснения, заимствует у самых различных народов СССР. Перед глазами ошеломленного читателя проходят пестрой лентой якуты, айны, белоруссы, гольды, опять якуты, вогулы, украинцы, снова айны, остяки, алтайские турки и т. д. Таким же точно образом перемешан материал о животных—тут и пчелы, и волки, и медведи, и быки, и лоси, и соболи, и змеи и проч., и проч. Д. К. Зеленин молчаливо исходит из положения, что тотемистического строя, под которым он почему-то разумеет только совокупность религиозных понятий (с. 89), никогда у народов СССР не существовало, не задаваясь в то же самое время целью в точности проверить это положение специальным исследованием вопроса и не обращая внимания на то, что по этому вопросу установлено другими исследователями, напр. Н. Я. Марром. Большой фактический материал, которым Д. К. Зеленин оперирует в работе, понятно, «не обнаруживает» и «не доказывает» наличия тотемистического происхождения табу,—потому что весь материал подобран под определенным углом зрения и обработан соответствующим методом. Автор не выясняет, в каком случае он имеет дело с собственным верованием того или иного народа, в каком случае верование «навязано» соседом-победителем, в каком случае—оно представляет собою простое заимствование, обусловленное сходством социально-экономического строя заимствующих с соответствующим строем тех, у кого данное верование заимствовалось. Обстоятельств происхождения того или иного верования Д. К. Зеленин никогда не устанавливает и этим вопросом вообще не интересуется. Ни одного культа в его целом он не берет, выхватывая у разных народов те или иные отдельные детали какого-нибудь одного культа или же даже совершенно разных культов разных животных. Из этого видно, что Д. К. Зеленин не имеет никакого представления о правильном, научном решении проблемы «общего» и «индивидуального» в культурной истории человечества. Без всякого обоснования, по чистому произволу им объединяется то, что объединению не подлежит, и, напротив, единое целое произвольно рассекается на части. Этому сопутствует некритическое отношение к материалу. Пока-

зания первобытных охотников Д. К. Зеленин принимает за твердый факт. Сказал охотник, что «олени чуют порох за 7 верст и далее» (с. 24),—Д. К. Зеленин этому верит. Сказал айн о своей болезни, что заразился от «медвежьего запаха», что у него—«медвежья болезнь» (с. 23), Д. К. Зеленин верит и этому, потому что это показание соответствует его предвзятой мысли. Между тем, все эти свидетельства первобытных охотников доказывать ничего не могут, так как являются в подавляющем большинстве случаев позднейшим осмыслением явлений, возникающих совсем на иной почве. Д. К. Зеленин, несомненно, пятится во всех этих случаях «раком» от современных научных представлений о методах работы—к мировоззрению первобытных людей. Научный подход к исследованию соответствующих вопросов требует предварительного выяснения, с чем имеет дело исследователь. с осмыслением, или с реальным объяснением наблюдаемого явления. В сомнительных случаях, когда этого выяснить нельзя, свидетельства первобытных людей должны быть оставлены в стороне.

Отражением интересов какой социальной среды является разобранная концепция Д. К. Зеленина? Да простит мне уважаемый Д. К. Зеленин,—которого я вовсе не хочу заподозрить в сознательном служении нашим классовым врагам, но его концепция объективно является отражением буржуазных интересов — даже не мелкобуржуазных.

Как было видно из сказанного выше о полемике Д. К. Зеленина с Дж. Фрэзером и из соответствующих цитат из его работы, Д. К. Зеленин стоит на той точке зрения, что «культурный круг» народов Д. Фрэзера - один, «культурный круг» народов СССР - другой. В соответствии с этим выдвигается без всяких доказательств тезис: одни и те же культурные явления могут иметь у различных народов разные основания. Естественным продолжением этой мысли служит и другая мысль такого же порядка: «Даже и общечеловеческие явления, каково словесное табу, в с в о е й д а л ь н е й ш е й и с т о р и и р а с х о д и л и с ь в р а з н ы е с т о р о н ы, отклонялись в различных культурных кругах от своей первичной, древнейшей основы» (с. 4). Вторая часть этого утверждения не очень вяжется с концепцией Д. К. Зеленина, так как предполагает (и это совершенно правильно) одно общее древнейшее основание всех общечеловеческих культурных явлений. Но суть дела заключается не в непоследовательности Д. К. Зеленина, а в допущении предположения (на деле Д. К. Зеленин пользуется этим предположением как данным, при том—бесспорным данным), что одни и те же культурные явления у народов «разных культурных кругов» могут иметь различную историческую судьбу. А это означает, что Д. К. Зеленин занимает позицию, противную точке зрения монизма. Это значит, что он теоретически допускает для определенных случаев индивидуальную историю для тех или иных народов. Теперь становится понятным, почему и изложение своего материала он начинает не с установления запретных слов, а с выяснения «предпосылок» запретов. Фактический материал в данном случае может «помешать». В результате, исследование Д К. Зенина становится одним из кусков того строительного материала, который нужен нашим классовым врагам для сооружения «теории» особых исторических судеб отдельных народов. Практическое применение этой «теории» могло бы означать, например, следующее: пролетарская революция в бывшей России есть достояние народов определенного «культурного круга»; у народов другого «культурного круга» пролетарской революции никогда не будет. Ленинизм—достояние народов определенного «культурного круга», это—азиатский социализм, у народов другого «культурного круга» существует «научный социализм», ничего общего с «азиатским» не имеющий. Этих мыслей Д. К. Зеленину я не приписываю, но они составляют логическое развитие его социологических взглядов и концепций.

С точки зрения господствующих классов прошлого времени, времени империализма в дореволюционной России, все народы, населявшие эту старую Россию как в ее европейской, так и азиатской части,—одинаково являлись подданными «великой», «неделимой» «великорусской» «державы». Свою индивидуальную физиономию инонационалам, которых презрительно звали «инородцами», иметь не разрешалось. Признавалась только единая «великорусская» культура. И вот этот-то признак как раз и положил в основу своей концепции Д. К. Зеленин. Он, конечно, рационализирует. Он ищет оправдания этому взгляду, указывая и на территориальную близость и на возможность заимствований. Заимствования, конечно, теоретически возможны, но Д. К. Зеленин ничего не предпринял для того, чтобы установить, действительно ли у народов СССР одна культура, действительно ли заимствования столь велики, не подпадают ли некоторые сходные

факты под «закон конвергентности». Д. К. Зеленин заранее, а не на почве тщательного исследования материала, предполагает, что культура народов СССР—одно целое, ничего индивидуального в культурной истории отдельных народов нет. Он тщательно перемешал весь собранный материал о разных народах, представив этот материал в своем исследовании в форме груды разрозненных фактов.

В работе Д. К. Зеленина, в результате невольного отражения чуждой нам идеологии, все получилось наоборот. Где надо было увидеть общее, автор ухитрился рассмотреть индивидуальное. Там, где надо было исследовать индивидуальное, он это индивидуальное даже не заметил. Результат—невольное служение нашему классовому врагу.

Новый труд Д. К. Зеленина, конечно, имеет свою научную ценность. Эта научная ценность заключается в составленном им перечне запретных и подставных слов, равно в части библиографических указаний. Но обработка материала и выводы автора—для науки бесполезны. В этом отношении новый труд Д. К. Зеленина является позором и для него самого, и для Академии Наук, которая этот труд издала.

С. Н. Быковский

DR. GERHARD LAEHR. Die Anfänge des russischen Reiches. Politische Geschichte im 9 und 10 Jahrhundert, Berlin 1930.

ГЕРГАРД ЛЕР. Начало русского государства. Политическая история IX—X веков. Берлин 1930, с. 145.

Оживление интереса германской науки к русской истории принесло за последние годы ряд статей и книг по вопросам русского прошлого. Одной из последних новинок является рецензируемая книга, составляющая 189-й выпуск серии «Historiche Studien».

Учитывая обширность литературы о происхождении русского государства, автор тем не менее считает, что политическая жизнь первых веков русской истории еще не получила достаточно целостной обработки. Задачей рецензируемой книги и является «изложить политическую историю русского государства от его основания до введения христианства, на основании критического анализа источников», причем основное внимание уделяется русско-византийским отношениям.

Действительно, вопросы внешнеполитической жизни древней Руси, затрагивавшиеся всеми почти исследователями, до сих пор не были представлены в связном изложении, и в этом смысле работа, предпринятая Г. Лером, вполне целесообразна. Тем большего можно было бы ожидать от книги, автор которой подходит к разрешению проблемы во всеоружии методов исторической критики текста, созданных германской наукой; а критический анализ текста является необходимым условием при построении любых гипотез истории древней Руси. Однако уже ознакомление с оглавлением книги заставляет современного советского читателя лишний раз взглянуть на титульный лист и с удивлением констатировать, что книга переизданием не является и вышла действительно в 1930 г.

Монография состоит из шести глав: 1) Предистория, где изложены общеизвестные данные о славянском расселении на русской равнине. 2) Норманны в восточной Европе. 3) Основание русского государства. 4) Игорь и Ольга. 5) Святослав. 6) Владимир.

Уже самая классификация материала напоминает нам даже не Ключевского, а Соловьева. Ближайшее знакомство с содержанием работы свидетельствует, что методологический уровень автора тоже застыл приблизительно на 50-х г.г. прошлого столетия.

Г. Лер не может обойти существующих данных о двух направлениях норманской колонизации и торговли: волжско-арабском и днепровско-византийском. Он понимает, что в основе образования Киевского государства лежат международные торговые связи. Но для него вопрос ставится не причинно, а телеологически. Нужно было, чтобы Россия стала оплотом Европы против азиатских кочевников; такова ее всемирно-историческая миссия. Как и всякий телеолог, Лер любит задаваться вопросом: «Что было бы, если бы...» и с ужасом представляет себе, как изменилась бы картина исторического процесса, если бы русское государство образовалось на Волге. Говоря о хозяйственных связях Киева и Византии, он замечает: «Все более и более, открывалось всемирно-историческое значение основания русского государства на Днепре, а не на Волге» (с. 39). Три основных факта должны были соединиться для создания нового государства: славянское население, норманская государственность и византийская христианская культура. Страшно подумать, что было бы, если бы Святослав, увлекшись своими волжскими завоеваниями, перенес столицу на Волгу (это кажется автору вполне возможным, так как хозяйственного значения киевского пути на запад он не понимает, почему и болгарские походы Святослава

расценивает, как бессмысленную авантюру). Русские язычники могли с одинаковым успехом подвергнуться обработке ислама, как и христианства: «Блеск Константинополя мог померкнуть пред великолепием Багдада» с. (62).

Все однако обошлось благополучно. Победила византийская ориентация, и историческая миссия России была выполнена (автор не забывает упомянуть об исконности русской восточной политики, сопоставляя походы Олега, Игоря, Святослава и Владимира с русским великодержавным напором на Турцию XIX—XX вв.). Крещением Руси была обозначена новая веха европейской истории (с. 88), и на этом и закончилось образование русского государства.

Методологическая ценность общего построения Г. Лера ясна. Но, несмотря на это, кое-что в его работе может представить интерес. Хотя его изложение нигде не подымается над уровнем простого прагматизма, хотя экономическая и социальная структура древней Руси остается и для него тайной за семью замками, все же собранные им факты внешней политики могут подсказать русскому историку некоторые новые выводы и обобщения. Международные связи древней Руси марксистской историографией не освещены, и в предстоящем изучении придется воспользоваться и фактами, собранными Г. Лером.

Нельзя отказать автору в хорошем знакомстве с литературой вопроса, которой он пользуется впрочем довольно тенденциозно. Так, «норманнистское» разрешение проблемы происхождения Руси он приемлет целиком, совершенно игнорируя все возражения «южной» теории. Зная все основные работы предреволюционного периода по истории киевской Руси (М. Грушевского, А. Е. Преснякова, М. Д. Приселкова и др.), автор ни разу не пользуется работами М. Н. Покровского, очень слабо осведомлен автор о послереволюционной литературе вопроса—об этом он и сам упоминает в предисловии книги.

Некоторые соображения по мелким, преимущественно хронологическим вопросам (им посвящены отдельные экскурсы в конце книги), кажутся довольно убедительными. Здесь следует отметить, что в анализе византийских и западных источников Г. Лер гораздо сильнее, чем в анализе источников русских. Несмотря на наличие в числе его пособий обеих основных работ Шахматова, интерпретация летописи подчас грешит большой наивностью (с. 20—21, 49 и др.). Курьезно также его представление, что первые киевские князья именовались «великими князьями». В русской историографии этот титул позднейших летописцев давно разоблачен.

И еще один вывод из рецензируемой книги: среди приводимой автором в примечаниях литературы назван ряд послереволюционных работ западных историков России, у нас неизвестных. Следует как-то организованнее поставить библиографирование «россики», тем более, что западная литература последних лет недостаточно представлена даже в наших центральных книгохранилищах.

И. Троцкий

И. Л. ПОПОВ-ЛЕНСКИЙ. Лильборн и левеллеры—(Социальные движения и классовая борьба в эпоху английской революции XVII в.).

Английская революция XVII в. принадлежит к тем страницам истории классовой борьбы, которые незаслуженно обошла своим вниманием историческая наука марксизма. В самом деле, мы можем говорить о целой марксистской школе в изучении французской революции, в то время как для английской революции дело ограничивается общими схемами и самым предварительным подступом к исследовательской марксистской работе.

Исходный пункт нашей схемы установлен был самим Марксом в 1848—1850 гг. Его фрагментарные замечания, разбросанные в статье «Баланс прусской революции» и в замечаниях на брошюру Гизо «Pourquoi la rèvolution d'Angleterre a-t-elle réussi?», остаются до сих пор путеводной нитью для всякого историка-марксиста. «В 1648 г.,—писал Маркс, — буржуазия в союзе с новым дворянством боролась против монархии, феодального дворянства и господствующей церкви» [1]. «Загадка консервативного характера английской революции, по мнению Маркса,— объясняется длительным союзом между буржуазией и значительнейшей частью крупных землевладельцев, союзом, составляющим существенное отличие английской революции от французской...» [2].

Лаконичные обобщения К. Маркса являются лучшим образцом гениальной мощи марксова метода: фрагменты Маркса и сейчас, по прошествии восьми десятков лет, остаются ключом к пониманию крайне запутанных и темных сторон великой буржуазной революции XVII столетия. Вся наша беда заключается не в отсутствии схемы, а в том, что она не обросла живой плотью

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс в эпоху немецкой революции (1848—1850) М. 1926, с. 221.

[2] Там же, с. 441.

конкретного исторического материала. Надо сказать прямо — в марксистском лагере английской революцией занимались компиляторы. Компилятивен был и Бернштейн, которым собственно и открывается марксистская историография революции. Главный его грех однако не в компилятивности, а в методологическом эклектизме. О Бернштейне как историке следовало бы написать особую статью. Он имеет, несомненно, крупные заслуги перед историей домарксовского социализма. Он «открыл» Уинстанлея, осветил движение диггеров и т. д. и т. д. Но на то Бернштейн и был отцом ревизионизма, чтобы вульгаризировать метод исторического материализма в конкретном его применении к историческому материалу. Бернштейн ничего не понял в абсолютизме Тюдоров, и поэтому у него встречаются грубые ляпсусы, вроде например, наивного утверждения, что «Сомерсет, опекун Эдуарда VI... действительно сочувствовал бедным классам...» [3], или что Карл I «вооружил против себя массу населения... своенравным и высокомерным поведением в неподходящее время»[4].

Бернштейновская книга писана ревизионистом, да еще вдобавок плохо ориентированным в экономической истории XVII в. Этим определено место ее в марксистской историографии. Гораздо выдержаннее и свежее по материалу работа Конради [5].

Его книга, несомненно, самое значительное, что дала историческая наука марксизма по интересующему нас вопросу. К ней в значительной степени примыкают очерки Кудрявцева [6] и Кунисского [7], предназначенные служить, в первую голову, учебным пособием. Особо ценен у Конради анализ классовой борьбы в годы республики и протектората. К сожалению, однако, и он обнаруживает слабое знакомство с историей хозяйственного развития Англии в XVI и XVII вв. Особенно ясно это проявляется при анализе аграрной революции. Так, Конради почти совершенно проглядел расслоение английской деревни, незыблемо установленное в трудах Tawney и Савина.

Если мы к названным работам присоединим два отдельных очерка тт. Пашуканиса [8] и Кудрявцева [9] и главу, посвященную армии Кромвеля в известной работе т. Лукина «Из истории революционных армий», то этим и будет исчерпана вся продукция марксистской школы в области изучения английской революции. Все эти работы носят характер предварительной марксистской разведки, не больше. Громаднейшее количество источников остается неразработанным. До них мы еще не добрались.

Между тем, если приглядеться к параллельному развитию буржуазной историографии, то мы столкнемся с поразительным на первый взгляд явлением. Современники революции лучше разбираются в ее причинах, чем буржуазные современники читателей «Историка-марксиста». Гаррингтон в своей «Oceana», появившейся в 1656 г., объясняет неизбежность революции из условий развития поземельной собственности. Для него «гражданская война была следствием разложения правительства» [10], а правительство разложилось потому, что «Тюдоры подорвали феодальное землевладение и лишились своего дворянства».

Даже реакционнейший историк Эдуард Гайд, лорд Кларендон, министр реставрации, сумел дать такой анализ причин расслоения английского дворянства, какому может только позавидовать всякий исследователь-марксист. «За короля стали... старые джентльменские роды, издавна владевшие землей и заправлявшие делами в графстве. Но в графстве были семьи, недавно разбогатевшие и накупившие себе джентльменских земель» [11]. Появление этого нового дворянства, как сказал бы Маркс, Кларендон объясняет чисто материалистически развитием шерстяного производства в западных графствах.

Перескакивая в XIX век, мы видим, что и Гизо отмечал в своей «Истории» некоторые моменты классовой борьбы в английской революции. Нужно сказать, что сам Гизо проделал очень любопытную эволюцию. В эпоху реставрации Бурбонов он всячески подчеркивал клас-

---

[3] Бернштейн, Общественное движение в Англии XVII в., Спб. 1899, с. 20.

[4] Там же, с. 48, 49.

[5] А. Конради, История революций, тт. I—II.

[6] А. Е. Кудрявцев, Великая английская революция, изд. «Прибой», Л. 1925.

[7] С. Кунисский, Очерк истории английской революции, изд. «Буревестник», 1925.

[8] Е. Пашуканис, О революционных моментах в истории английского государства и английского права, «Революция права» № 1, 1927.

[9] А. Е. Кудрявцев, Ост-индская кампания в эпоху английской революции, «Известия Ленинградского педагогического института им. Герцена», вып. I, 1928.

[10] Бернштейн, Общественное движение в Англии XVII в., СПБ 1899, с. 292.

[11] А. Савин, Лекции по истории английской революции, Л. 1924, с. 206.

совый момент. На старости же лет, побывав премьером у короля баррикад и пережив 1848 год, он перестал понимать очень многое из того, что казалось ему раньше простым до очевидности. Но так или иначе для него революция, эта «борьба политических и религиозных партий, скрывала собой вопрос социальный, борьбу различных классов за влияние и власть» [12]. В дальнейшем буржуазные историки утратили и этот «штандпункт». Корифей английской буржуазной историографии Гардинер был прагматиком в худшем смысле этого слова [13]. Но даже лучшие представители этой породы, вроде нашего покойного Савина, уже не могли подняться до уровня Гизо. Вы читаете объемистый курс Савина и решительно теряетесь в груде фактического материала, слабо обработанного, нагроможденного в живописном беспорядке, вне какой-либо системы, вне какого-либо обобщающего подхода. А ведь Савин и Маркса читал и был неоспоримым, первоклассным знатоком эпохи. Изложив события первых лет революции, бывших годами напряженнейшей классовой борьбы, Савин останавливается в некотором раздумьи и внезапно заявляет: «Ни в личном составе, ни в законодательной деятельности Долгого парламента не видно напряженного состояния классов,... в парламентской истории 1641 и 1642 годов религиозный и политический вопрос безусловно преобладает над социальным». Вот Гизо понимал, что религиозная и политическая борьба «скрывала социальный вопрос», но на то он и был лидером крупной буржуазии накануне июльской революции, а профессор Савин, лекции которого изданы Госиздатом в лето от Октябрьской революции седьмое, этого совершенно не мог понять. Маркс разрешил сложнейшую проблему расслоение английского дворянства, распада его на два враждебных общественных класса в нескольких строках боевой передовицы из «Новой рейнской газеты», а Савин, эрудит и профессор, запнулся, так и недобравшись до сути дела. «Джентльменский состав парламента, — пишет Савин,—заставляет нас сомневаться в том, чтобы в его стенах шла напряженная классовая борьба» [14].

Не нужно думать, что беспомощность Савина вся без остатка может быть сведена на его личные качества как историка и исследователя. Повторяем, Савин был одним из лучших представителей буржуазной исторической науки [15]. Он только отражал общие тенденции загнивания буржуазной исторической мысли. Несомненно к тому же, что он и объективно, и субъективно был более «левым», чем основные кадры английских историков, которые, говоря словами Е. А. Косминского, до сих пор «дебатируют бессмысленный вопрос— лежала ли вообще в основе английской революции борьба классов?» Савин сам был крупнейшим знатоком хозяйственной истории Англии и уже поэтому одному не мог впасть в грубое игнорирование экономической обстановки, характерное для ряда английских историков «после-Гардинеровского» поколения.

Все эти предварительные замечания должны помочь уяснить читателю современное состояние исторической литературы по английской революции XVII в. Отсюда же вытекает и характер очередных задач, стоящих перед марксистской историографией. Очевидно нужно предпринять интенсивное обследование конкретного исторического материала для утверждения и развертывания марксовой схемы. Мы не сомневаемся, что эта в высшей степени благодарная задача привлечет необходимые для ее разрешения научные силы. Интерес к проблемам английской революции у нас несомненно возрастает. Однако мы не в праве считать обеспеченной в этой области гегемонию марксистской методологии. Еще сейчас выходят у нас работы, зовущие к движению... вспять от Маркса и Гизо, к Савину и Гардинеру. Пример тому—новая книга И. Л. Попова-Ленского, посвященная Джону Лильборну, вождю левеллеров.

Книга И. Л. Попова несомненно является результатом длительных и кропотливых изысканий. Автор разработал значительный памфлетный материал, использовав, в частности, богатейшие фонды института Маркса и Энгельса. Зато и поставил он себе довольно серьезное задание. «Автор берет на себя смелость предложить читателю взглянуть на английскую революцию с некоторых новых точек зрения». Он «... будет считать себя удовлетворенным, если его скромная работа вызовет новый интерес к изучению английской экономической и социальной истории XVII в., заставив усомниться в правоте тех догматов, которые до сих пор в применении к ней считались непреложными и

[12] Guisot, Discours sur l'histoire de la révolution d'Angleterre, Paris 1850, p. 17.

[13] Его основные работы: «History of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war» и «History of the great civil war».

[14]. А. Савин, ук. соч. с. 205, 206, 203.

[15] Ср. заметку о нем М. Н. Покровского в «Трудах института красной профессуры», т. I, с. 327—329.

незыблемыми, ибо всякий здоровый скептицизм есть залог новых исканий истины» [16].

Если отбросить в сторону витиеватость слога, которой Попов-Ленский неоднократно злоупотребляет и на дальнейших страницах своего труда, то окажется, что он претендует на некоторые новые социологические обобщения, долженствующие повлечь за собою пересмотр старых «догматов». Естественно возникает вопрос, что это за догматы, и в каком направлении собирается Попов-Ленский производить их ревизию.

В поисках научных достижений обобщающей мысли Попова-Ленского читатель обращается к вводным главам исследования, и уже тут его постигает разочарование. Глава I, посвященная экономическим предпосылкам революции, не носит сколько-нибудь оригинального характера. Автор приводит в ней целый ряд данных, заимствованных из литературы предмета, из работ Rogers'а, Hewins'а, Unwin'а и других. Основную проблему предпосылок революции, проблему загнивания и феодализации абсолютизма Попов-Ленский проглядел начисто. Он ограничивается простым перечислением главнейших монополий и патентов и констатирует момент «фискального террора» в экономической политике Стюартов (с. 35). Классовая обусловленность этой политики совершенно не выяснена у Попова. Основные противоречия, ведущие к революции, заключаются по Попову-Ленскому в политическом и религиозном конфликте, осложненном борьбой за «материальные интересы».

Достаточно ознакомления с главой I, чтобы убедиться в том, что мы имеем дело с исследователем, далеким от марксизма. Это впечатление только усиливается при дальнейшем ознакомлении с работой Попова-Ленского. Глава II, примыкающая к очерку, помещенному автором в III т. «Ученых записок» института истории Раниона посвящена в высшей степени сложной проблеме «огораживания» в XVII в. Построена она по принципу компиляции новейших английских работ по этому вопросу. Главу эту следует признать одной из наиболее удачных во всей книге. Русский читатель вводится в курс целого ряда свежих фактических данных, извлеченных из трудов английских буржуазных историков. Однако и в данном случае Попов-Ленский оказывается не в состоянии справиться с методологической стороной проблемы. Останавливаясь на поверхности явлений, он совершенно не связывает аграрный переворот XVI—XVII вв. с развитием торгового капитала, благодаря чему сгруппированный им материал лишается какого-либо устойчивого стержня Далее, Попов-Ленский утверждает, что «крупное перемещение земельной собственности во время революции не означало какого-либо переворота в социальных отношениях», так как «большая часть конфискованной собственности осталась в руках аристократии и джентри» (с. 69). Игнорируя указание Маркса о диференциации внутри английского дворянства, Попов лишает себя возможности понять основное содержание буржуазной революции XVII в., сводившееся к победе предпринимательской части джентри над феодальной.

Слабые стороны методологии Попова особенно резко сказываются в главе IV, посвященной гражданской войне. Анализ классовых сил заменен здесь своеобразным «географическим фатализмом». «Победа неизбежно склонилась на сторону тех, кто с самого начала овладел и мог распоряжаться основными материальными ресурсами страны» (с. 86). Такое объяснение вызывает улыбку у самого неподготовленного читателя, но Попову, к сожалению, так и не приходит в голову подумать о том, в силу каких же причин «распоряжение материальными ресурсами» досталось парламенту и круглоголовым. Зато он тут же вносит невероятную путаницу самого зловредного характера в вопрос о роли крестьянства в революции. «Что касается широких масс крестьянства, то они ничего особенного не ждали от междоусобиц, боролись их господа с той и другой стороны... По крайней мере, до середины 1644 г. крестьяне в большинстве графств сражались за интересы короля...» (с. 85, 86).

Это утверждение Попова-Ленского означает только то, что он ровно ничего не понял в английской революции и поэтому совершенно исказил истинный ход классовой борьбы. «Вторым великим восстанием буржуазии» назвал Энгельс английскую революцию. «Буржуазия городов начала его, — писал Энгельс, — а среднее крестьянство сельских округов добилось победы .. Во всех трех великих буржуазных революциях крестьяне поставляют армию для битв, и именно крестьяне являются тем классом, который после победы непременно разоряется экономическими последствиями этой победы...» [17]. При сопоставлении этих двух цитат из Попова и

[16] Попов-Ленский, Лильборн и левеллеры, с. 9, 10.

[17]) Fr. Engels, Ueber den historischen Materialismus, «Neue Zeit», 1892/93, B. I, S. 43, 44.

Энгельса рассеивается туман, напущенный в предисловии относительно «догматов», подлежащих пересмотру. Увы, к этим «догматам» почтенный автор относит, очевидно, и историческую схему революции, данную Марксом и Энгельсом. Так как автор слишком дипломатичен, то приходится за него ставить точки над i. Пусть не пеняет Попов-Ленский на то, что мы примем в штыки его ученые домыслы, чуждые, без сомнения, всякому «догматизму».

Еще раз просим прощения у автора, но изображать великую буржуазную революцию XVII в. как драку панов, при которой народ безмолвствует—значит ничего не понять в этой революции. Точно так же никуда не годится тезис о крестьянстве. Даже буржуазный историк—и даже не из очень борзых—поймет конечно, что нельзя делать заключение о роли крестьянства во французской революции на основании Вандейских войн, или о роли крестьян в нидерланской революции на основании опыта «патерностеркнехтов». А вот Попов-Ленский очевидно этого не понимает. Ну, а армия Кромвеля, спросим мы у Попова, так наз. «Новая модель», из каких слоев она была завербована? Какой класс дал, например, кадры пехоты, в которой большинство солдат не умело даже подписать своего имени? [18] Нет, уж если начинать борьбу с «догматами», то надо запастись хотя бы видимостью какой-либо аргументации.

Немудрено, что наш автор путает и по вопросу о партиях. Социальные корни религиозных разногласий декларируются, но не разъясняются. По Попову существует «независимый дух индепендентства», который и предпочитается массой иоменов и горожан. Сущность левеллерской доктрины объясняется им как требование «равного права каждого свободнорожденного на проявление своей индивидуальности во всех сферах жизненного опыта» (с. 122). При анализе, напр., такого документа, как левеллерское «Дело армии», религиозные и политические пункты остаются совершенно не связанными между собой. Попов глухо говорит об ориентации левеллеров на «средний сорт людей» (sic!) и например совершенно не упоминает о том, что требование борьбы с огораживаниями появилось еще в «Великой демонстрации» 1641 г. [19]. Вообще, вчитываясь в главу V, мы находим все новые перлы и адаманты. Так, возрождение движения левеллеров в эпоху второй гражданской войны объясняется личным вмешательством Лильборна. «Чтобы оживить и влить новые силы в замиравшее движение,—пишет Попов,—понадобился бурный и страстный темперамент Джона Лильберна, его вера в конечное торжество права» и т. д. (с. 131). Чтобы сформулировать эти пустяки, прибавим мы от себя, понадобилось всего несколько риторических фраз, сдобренных каким-то анахронистическими перепевами «субъективной школы». В дальнейшем мы узнаем, что «партия из солдатской и профессиональной делается национальной и государственной» (с. 132). Как она «делается», и под каким соусом подают «национальную и государственную партийность», это конечно секрет изобретателя. К напыщенной риторике Попов-Ленский прибегает постоянно в тех случаях, когда требуется дать конкретный анализ классовой борьбы. Так, про конец 1648 г. он просто пишет: «Страна продолжала молчать и ждать успокоения» (с. 187). Республика рождается у него в «атмосфере пассивного сопротивления сельской Англии и враждебной настороженности со стороны го одской..» (с. 138). Понятно, что при такой формулировке начисто смазывается вопрос о классовой базе республики.

Чрезвычайно курьезное впечатление производит также полемика с «некоторыми исследователями, усмотревшими в конфискациях и распродаже земельного фонда нечто вроде социальной революции» «Никакой социальной революции Англия в XVII в. не переживала,—утверждает с глубокомысленным видом И. Л. Попов-Ленский,—и это потому, что революция выдвинула к власти класс, который представлял собою прогрессивное английское земельное дворянство» (с. 145). Попробуйте понять тут что-нибудь, или попробуйте узнать у Попова, что он понимает под «социальной революцией» За ним даже нельзя признать права на оригинальность, потому что он попросту твердит зады буржуазной историографии, на тысячу ладов доказывавшей, что английская революция—это религиозный, политический, но никак не социальный конфликт. В своих общих оценках Попов-Ленский следует Н. И. Карееву, подчеркивающему политический и религиозный характер революции, но признающему в то же время ее «социальную сторону». [20].

[18] C. H. Firth, Cromwell's army, p. 40.

[19] S. R. Gardiner, The constitutional documents of the Puritan revolution, p. 212.

[20] Ср. Н. Кареев, Две английские революции, с. 8—9. П. 1924. Взгляд А. Л. Попова на роль народных масс в революции представляет простую парафразу собственного места из книги Н. И. Кареева. По Карееву «собственно народная

Столь же решительный шаг назад Попов-Ленский делает в анализе диггеров. Диггеры фигурируют у него исключительно как левый фланг левеллеров. При таком подходе Попов-Ленский лишает себя последних возможностей какого-либо серьезного анализа классовых отношений эпохи. Попытка истолковать манифест букингэмских диггеров как документ, исходивший от зажиточных, предпринимательских слоев деревни, совершенно бездоказательна и приведет к тому, что затушевывается все своеобразие движения диггеров, как специфической формы борьбы, выдвинутой пауперизованными, обезземеленными низами английского крестьянства.

Это замазывание классовой борьбы внутри деревни тесно связано у Попова-Ленского и с неправильным представлением о революции вообще и с неправильной оценкой роли крестьянства, и с непониманием движущих экономических сил огораживаний первой половины XVII в.

Приведенных примеров достаточно для оценки И. Л Попова-Ленского как историка английской революции. Сильнее у него конечно биографическая часть. Очень интересны выдержки из лильберновских памфлетов, особенно частые в главах V и VI. Но и эта часть обесценена и сведена к чисто прагматическому изложению фактов, благодаря явной неудовлетворительности общей концепции автора.

И. Л Попов Ленский дебютировал в свое время исследованием о Барнаве, заслужившим довольно положительные отзывы марксисткой критики. Книга о Лильберне является резким поворотом вправо. В работе над ней Попов-Ленский оформился как буржуазный историк, как путаник и эклектик, кокетничающий с марксистской фразеологией и неспособный к мало-мальски серьезной постановке обобщающих социологических проблем. Перед нами типичный эпигон буржуазной историографии, и «высокие наблюдательные пункты», на которые он зовет читателя, это руины, затерянные у подножья растущего здания исторической науки марксизма.

П. Щеголев

масса этим междоусобием правящих классов была затронута чрезвычайно мало». (Кареев, ук. соч. с. 106). Не так давно Н. И. Кареев дал самый положительный отзыв о книге Попова хотя и выразил легкую досаду по поводу того, что автор «преувеличивает историческую значимость некоторых экономических фактов, не стоящих «ни в какой прямой связи с революционным движением» («Revue historique», за 1929 г. T. CLXII p. p. 160, 161).

Г. БЕРЛИНЕР. Н. Г. Чернышевский и его литературные враги. Под ред. и с послесловием Л. Б. Каменева. Ранион. Научно-Исследовательский Институт сравнительной истории литератур и языков. Гиз. 1930 г., стр. 229.

Эта новая книжка о Чернышевском может быть и не остановила бы нашего внимания (она немного существенно нового вносит в наши представления о борьбе, которая велась либеральной публицистикой против великого разночинца), но книжка эта показалась нам интересной как симптом, как новый тревожный сигнал о том, что не все благополучно в марксистских научно-исследовательских учреждениях, готовящих новые кадры для боевого фронта общественных наук.

Эпиграфом разбираемой книги можно смело поставить слова автора: «Бывают такие положения, когда обе стороны правы» (стр. 219 ср. аналогичную сентенцию на стр. 129). Л. Б. Каменев, давший послесловие к книге Г. Берлинера, склонен рассматривать эту фразу как случайную обмолвку и подтверждает свою догадку тем, что на следующей же странице книги можно найти будто бы вполне марксистские утверждения, противоречащие первому тезису автора. Мы еще вернемся к вопросу, насколько марксистскими являются эти «обезвреживающие» высказывания Г. Берлинера, теперь же укажем, что странная смесь чистого идеализма с довольно сомнительным марксизмом является характерной особенностью не только заключительных страниц, но буквально всех глав и чуть ли не фраз и периодов этой любопытной книги.

В чем основной грех работы Г. Берлинера? Нам кажется, он заключается в чрезвычайно упрощенном взгляде на марксизм, свойственном, к сожалению, целой группе молодых исследователей. Эти ученые хотят быть марксистами, но марксизм они принимают как один из познавательных приемов научного исследования, а не как цельное классово-обусловленное мировоззрение, не терпящее рядом с собой или внутри себя никакого эклектизма, не допускающее никакого примирения с классово-чуждыми ему идеологическими построениями. Между тем марксизм это — требовательное учение, и оно дается только тем, кто обеими ногами прочно становится на почву революционного пролетарского социализма. Исходя из этого бесспорного положения, мы ставим такой например вопрос: может ли революционный марксист сохранять «беспристрастие» при оценке фактов даже прошлой классовой борьбы, признавать, что с какой-то общечеловеческой, надклассовой точки зрения правы обе стороны: идеологи эксплоатирующих классов (в данном случае, по Берлинеру,—это вообще вся «русская литература») и представитель борющихся за свое освобождение народных масс (Черны-

шевский)?—Нет не может. Для него история партийна, он обязан стать на сторону тех, чья борьба и победа приближают торжество социализма. Но может быть такая «пристрастность» не научна, может быть она затемняет «объективную истину» политической злобой дня? Книжка Г. Берлинера как раз может служить нагляднейшим примером того, к какой путанице понятий, туманности и противоречивости выводов ведут попытки квази-объективного подхода к явлениям прошлого. Для того, чтобы показать, как обе стороны—либералы и редакция «Современника»—были одинаково «виноваты» в разрыве, для того чтобы «оправдать» «идейных» противников Чернышевского (с. 219), автору приходится совершенно отвлечься от перипетий классовой борьбы в эпоху назревавшей крестьянской революции и углубиться в бесплодную область личных отношений, уязвленных самолюбий, эстетических симпатий и антипатий. С этой обывательской точки зрения ему может действительно показаться, что Чернышевский «окончательно возмутился» тем, что Тургенев не хочет больше печататься в «Современнике» и «решил (может быть несколько преждевременно) [1] начать кампанию против Тургенева» (стр. 91). Читатель может заинтересоваться: почему «преждевременно»? Ответ он найдет на стр. 97. «Не будь этой рецензии (Чернышевского—*А.Ш.*)—кто знает, может быть Некрасов и уговорил бы Тургенева не разрывать с «Современником» окончательно. Как подумаешь: от одной «несвоевременной» рецензии произошел окончательный разрыв либерального и радикального лагерей в движении 60-х годов! Но зайдя так далеко по пути «объективности» и напустив идеалистического тумана, автор начинает чувствовать себя не совсем удобно, и вот в конце главы—в конце каждой главы, наполненной подобного рода изысканиями о причинах взаимного неудовольствия писателей-дворян и разночинцев,—Г. Берлинер неизменно повторяет один и тот же припев: «однако главная причина окончательного разрыва (имя рек) с «Современником» (или Чернышевским) заключалась, конечно, не в этом... суть дела была в принципиальном и классовом расхождении обеих сторон и т. д.» (стр. 98). В сочетании с предыдущим эта тирада не слишком способствует прояснению мысли у читателя Мы не хотим сомневаться в искренности автора, но не скроем, что этот однообразный рефрен, механически прицепленный к изложению, может навести на грешную мысль: не является ли он в глазах автора просто страховкой от придирчивости марксистской критики. Может быть, кстати, не будет излишним повторить к сведению некоторых писателей, стремящихся быть марксистами (особенно из молодых), избитый трюизм, что марксово учение не исчерпывается теорией классовой борьбы, что об'яснение исторических событий классовой борьбой было свойственно уже буржуазным ученым. Мы спросим при этом Г. Берлинера (а кстати и Л. Б Каменева), много ли «марксизма» останется в разбираемой книге, если скинуть со счетов глухие ссылки на борьбу классов в 50-х и 60-х годах.

Впрочем, Г. Берлинеру трудно внести разнообразие и какую бы то ни было содержательность в свой классовый анализ. Он с полным правом ограничил свою тему борьбой вокруг критических работ Чернышевского. Но Г. Берлинер не учел того, что автор, по произволу ограничивая свою задачу, должен тем не менее быть достаточно ориентированным в той области, от которой он «абстрагирует» избранную им тему. Пренебрежительное отношение Г. Берлинера к областям, смежным с предметом его исследования, может быть иллюстрировано одной мелкой черточкой, одной сорвавшейся с его пера фразой Г. Берлинер, заявляя, что вне своего исследования он оставляет все нелитературные статьи и трактаты Чернышевского, прибавляет при этом, что «и эти его труды (т. е. нелитературные—*А. Ш.*) зачастую вызывали довольно ожесточенную полемику» (стр. 5). Мы полагаем, что борьба либералов с Чернышевским по крестьянскому вопросу, по вопросам о социализме и об отношении к самодержавию была во всяком случае более ожесточенной, чем на арене литературной критики, и главное—что именно эти вопросы играли определяющую роль в размежевании обоих лагерей. Игнорирование основной линии борьбы, полное отсутствие анализа политического положения в России 50-х и начала 60-х годов делают автора совершенно беспомощным в тех случаях, когда он пытается выйти из узкого круга литературных отношений и салонных интриг. Колебания либералов, их измена прогрессивному движению, общее наступление реакции в начале 60-х годов, маневры правительства и главное—рост массового и революционного движения, все это подменено показом литературных персонажей, мелькающих без всякой связи перед глазами читателя. Бессодержательные сентенции о «подъеме общественного сознания» (стр. 37) или об «условиях николаевского режима» (стр. 41), конечно, не могут уяснить автору истинные причины и характер эволюции взглядов Чернышевского и его противников. Поэтому все рассуждения Г. Берлинера о переходе Чернышевского от метода эстетической критики к критике публицистической очень мало убедительны; «идеология» Чернышевского представляется то уже совершенно сложившейся в начале 50-х годов (стр. 55), то претерпевающей

---

[1] Курсив везде мой—*А. Ш.*

коренное изменение (отход от либералов) в конце 50-х годов (стр. 55), немного далее решительный перелом отсрочивается до 1860 г. (стр. 78, 88) и, наконец, «переход в наступление» (против либералов) изображается как «последствие смерти Добролюбова» (!) и следовательно приурочивается к концу 1861 г. (стр. 141). Почему же произошел самый перелом, остается неясным ни читателю, ни самому автору.

Книга Г. Берлинера оставляет странное впечатление, что Чернышевский был не активным, а страдательным лицом в борьбе 50-х—60-х годов, какая-то стихия влечет его от конфликта к конфликту, делает столкновения все более резкими и ожесточенными и, наконец, приводит к роковой развязке. Вы стараетесь разглядеть эту тайную пружину всех событий и с удивлением открываете вместо стихии—бурю в стакане воды, то-бишь в литературных кружках и редакциях (ср. например стр. 95—97). Не мудрено, что автор ставит больше вопросов, чем может дать ответов, и нередко беспомощно разводит руками перед «нелогичностью» и непонятностью происходящего и перед воображаемыми, нагороженными самим автором противоречиями.

Такая узость взглядов автора, помимо его методологической беспомощности, зависит и от слабого знакомства его с литературой вопроса. Когда просматриваешь использованную им литературу (не источники), то кажется иногда, что некоторые главы написаны лет 10 тому назад. Между прочим это обстоятельство дало возможность Г. Берлинеру сделать одно «научное открытие». На стр. 75 он заявляет: «нам удалось извлечь из забвения очень интересный документ», характеризующий отношение Чернышевского к Герцену. Заинтригованный читатель перевертывает страницу и с разочарованием узнает, что новооткрытый документ не что иное как письмо «русского человека» в «Колокол» (№ 64). К сведению Г. Берлинера—это письмо перепечатано от слова до слова в примечаниях к 1-му тому «Избранных сочинений Н. Г. Чернышевского» (Гиз 1928 г.); впрочем, составителям этих примечаний «письмо» вовсе не представлялось открытием, так как оно и раньше было хорошо известно всем, работавшим над Чернышевским.

Мы не останавливаемся на разборе отдельных ошибок Г. Берлинера, так как это завело бы нас слишком далеко, упомянем разве еще только об одном замечательном открытии Берлинера, будто «единственным импульсом, побудившим Чернышевского написать «Что делать?» был роман Тургенева». «Отцы и дети» (стр. 166)», а следовательно «Что делать?»—произведение не пропагандистское (как мы наивно думали), а чисто полемическое, рабски следующее за своим прототипом.

Подведем итог. Г. Берлинер, отправляясь от «беспартийного» отношения к борющимся в эпоху 60-х годов сторонам, пришел к эклектическому смешению квази-марксистского и идеалистического методов, дал несомненный перевес чисто идеалистической трактовке явлений и вульгаризировал марксизм, сведя его к классовому объяснению событий. Впрочем и это последнее—даже в той ублюдочной форме, в какой оно находит себе место у Г. Берлинера, вызывает серьезное сомнение насчет своего качества. Свойственная автору склонность к персонификации событий, переоценка им личных взглядов и симпатий в ущерб партийному и классовому сознанию переносятся им и в область теоретических выводов о сущности и проявлениях классовой борьбы. Если дворянские писатели борются против революционеров, то это происходит, оказывается, не потому, что они составляют часть класса, которому грозит гибель в случае победы революции, а потому, что они при этом могут потерять читателей и это помешает «расцвету их деятельности» (стр. 221). Узко профессиональный, интеллигентский подход к проблеме классовой борьбы и классового сознания.

Г. Берлинер обещал сделать своей «задачей... не столько изучение литературной деятельности самого Чернышевского, сколько изучение эпохи 60-х годов на фоне его деятельности (?)» (стр. 217). Эта цель меньше всего достигнута в книге. Читатель получает довольно подробное представление о поведении отдельных писателей (даже не писательских групп и направлений), но материал не организован под определенным углом зрения и оставляет впечатление полуфабриката, почти случайного нагромождения фактов. Естественно, что «методологические выводы», сделанные автором (стр. 217—18), очень скудны и отчасти просто неверны.

В заключение, присоединяясь к пожеланию редактора «чтобы за книжкой т. Берлинера последовал ряд других работ нашей молодой ученой фаланги» на аналогичные темы, мы должны добавить со своей стороны требование, чтобы эти работы стояли на большей научной высоте и в первую очередь удовлетворяли бы «социальному заказу» (выражение, которое, к слову сказать, всуе употребляется Г. Берлинером) на марксистскую выдержанность.

А. Штраух

И. Н. ЛЮБИМОВ. Революция 1917 года. Хроника событий. Т. VI. Октябрь—декабрь. Институт Ленина при ЦК ВКП (б). Гиз, М.-Л. 1930, с. 498.

Выпуск «Хроники» революционных событий за октябрь--декабрь 1917 г. в 1930 г. надо признать запоздалым. Такие темпы надо решительно изменить—они совсем не подходят к нашей эпохе.

«Хроника» И. Н. Любимова охватывает 2 месяца 1917 г., причем им отведено до 500 стр. текста (с приложениями), тогда как в предшествующих «хрониках» отводилось приблизительно на каждые три месяца около 300 стр. текста (с приложениями) и только лишь т. V «Хроники», посвященный «Октябрю»,—получил 308 стр. Таким образом т. VI отведено достаточное число страниц, и от составителя можно требовать должной полноты материала.

Т. VI «Хроники» революции 1917 г. в общем составлен по тому же типу, как и предыдущие, но в нем более четко проведена разбивка текста на тематические и географические разделы, внутри которых даны подзаголовки, относящиеся к отдельным эпизодам данного раздела. По этому поводу следует отметить некоторое смещение принципов тематики и географии при определении разделов. Так на ряде страниц мы встречаем такие заголовки разделов: – на стр. 122 первый—«Борьба за мир», второй—«Ставка», третий— «Петроград». Тут же, почти рядом, на стр. 129 эти разделы соединены составителем вместе. Названия разделов не всегда однотипны, Так на стр. 140 мы имеем раздел «Казачья контрреволюция», а на стр. 210 этот же раздел назван «Борьба с казачьей контрреволюцией». Наиболее полно в хронике освещен ход событий в Петрограде и в Москве и значительно слабее отмечены факты революционного движения в провинции в целом и особенно в национальных окраинах. В ряде случаев о национальном движении дается только справка в одну строчку—об открытии того или иного съезда,—напр, башкирского курултая, съезда бурят и т. п. Этого явно недостаточно.

Некоторое недоумение вызывают в «Хронике» справки такого рода: «Вторник 25/12 декабря. Уфа. Открылся I-й съезд боевых организаций народного вооружения Южного Урала». Такого рода сообщения без каких-либо примечаний далеко не облегчают пользования «Хроникой».

Массовые движения в первые месяцы после Октября 1917 г. не получили достаточного освещения в хронике И. Н. Любимова. Особенно в этом отношении слабо представлено у него крестьянское движение. В «Хронике» большой интерес представляет датировка деятельности В. И. Ленина в указанные месяцы после Октября, ценны приложения и систематические указатели: именной, предметно-тематический и географический. Литературные источники (использованные), к сожалению, далеко не полны и этим может быть в известной мере объясняется неполнота хроники революционного движения в провинции. Следовало бы также справку относительно литературы о революции на местах расположить хронологически—или по авторам, или по областям. Допущенная автором мешанина в этой части указателя производит неприятное впечатление.

Подводя итоги, прежде всего следует отметить относительно лучшее техническое выполнение т. VI «Хроники» по сравнению с предыдущими, а затем ее лучшую литературно-справочную аппаратуру, значительно более ценную, чем в предшествующих томах.

А. Шестаков

НОВЫЕ КНИГИ[1]

ПРАЦІ КОМІСІЇ ДЛЯ ВИУЧУВАННЯ ІСТОРІЇ ЗАХІДНО-РУСЬКОГО ТА УКРАІНСЬКОГО ПРАВА. Вип. VI. (ВУ Ак. Наук). Київ 1929.

Сборник открывается работой проф. Н. Максимейки об интерполяциях в списках распространенной «Русской Правды». Продолжая свои давние работы, Максимейко в этой статье хочет провести ту мысль, что варианты отдельных списков «Правды» обусловлены не порчей текста, (как то думает, например Сергеевич), а являются результатом сознательной переработки и приспособления текста «Правды» к потребностям и пониманию среды. Таким образом здесь речь идет совсем не об интерполяциях (и автор напрасно употребил этот термин, обозначающий только вставки), но главным образом о переделках текста (и автор их неоднократно правильно называет вариантами). Однако работа автором не закончена, так как содержит одну лишь сводку вариантов, без оценки тех списков, в которых они встречаются, и таким образом без выяснения реальных условий их возникновения. Большая работа С. Борисенко посвящена спискам первого литовского статута. М. Товстолес дает этюд о «заставе» по литовскому статуту (с точки зрения только юридической догматики).

СБОРНИК РАБОТ СТУДЕНТОВ-ВЫДВИЖЕНЦЕВ И СТУДЕНТОВ-ЧЛЕНОВ НАУЧНЫХ КРУЖКОВ ФАКУЛЬТЕТА ИСТОРИИ ЯЗЫКА И МАТЕРЬЯЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. М. 1929, с. 42, Ц. 50 к.

В этот едва ли не первый сборник такого рода вошло шесть работ. Собственно исторических работ здесь две: Г. Ульмана. К вопросу об идейном родстве бабувизма и современного коммунизма, и А. Хашбы. О судьбах горского племени «убыхов» после завоевания Кавказа. Остальные работы сборника—из области истории искусств и языка.

ТРУДЫ КУБАНСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА. Краснодар, 1929. т. II—III.

М. КЛОЧКОВ дал большую статью, являющуюся лишь частью его работы, «захватывающей изучение аграрных программ времени первой революции в связи с положением крестьянского хозяйства в конце XIX и начале XX вв.». В этой статье он рассматривает «Аграрную программу в работах В. И. Ленина», причем хронологически статья доведена до 1903 г.

ТУРКМЕНИЯ. Т. I. Академия Наук СССР. Комитет экспед. исследований, Л. 1929, с. 167, ц. 2 р. 25 к.

Сборник состоит из трех статей. В. Бартольд в своем «Очерке истории туркменского народа» дал внешнюю сводку данных источников, причем, по его словам, «всего меньше заботился об освещении фактов в духе требований современной исторической науки». Однако нельзя отрицать, что и в таком виде очерк содержит то, чего никто другой, кроме Бартольда «не имел бы возможности собрать», по его же словам. Второй очерк, Л. Берга, посвящен «Истории исследования Туркмении». В третьем—А. Самойлович дает «Введение» в историю туркменской литературы и этюд о романе «Юсуф и Ахмед».

И. Н. ЛЮБИМОВ. Революция 1917 г. Хроника событий, т. VI. Октябрь-декабрь. Институт Ленина при ЦК ВКП (б). М. 1930, с. 499, ц. 1 р. 50 к.

По сравнению с предшествующими томами этот том отличается прежде всего обилием материала. Выгодно характеризует его и большая четкость расположения материала. Период, охватываемый томом—27 октября—31 декабря. В виде особых приложений (не включаемых в текст) приведен ряд документов, известных уже в печати; но автор, по его словам при составлении своей хроники пользовался и неизданными материалами.

МАТЕРІЯЛИ ДО БІБЛІОГРАФІЇ РЕВОЛЮЦІЙНОГО РУХУ В ОДЕСІ. Вип. II. Труды государственной публичной библиотеки в Одессе. Одесса 1929, с. 89, ц. 80 к.

Настоящий выпуск является непосредственным дополнением к первому, вышедшему в 1927 г. В нем охвачена вышедшая после издания первого выпуска

---

[1] Обзор—только конец 1929 г. и по техническим причинам запоздал напечатанием. Ред.

литература, а также пополнены имевшиеся ранее пропуски. Существенным отличием нового выпуска является то, что он начинается двадцатыми годами XIX в., в то время как первый выпуск открывался эпохой народничества.

ПАМЯТИ АКАДЕМИКА ФЕДОРА ИВАНОВИЧА УСПЕНСКОГО. 1824—1928. Академия Наук СССР. Л. 1929, с. 79, ц. 75 коп.

Сборничек составился из докладов, сделанных на заседании, посвященном памяти умершего академика. В. Бузескулом дан общий очерк деятельности Успенского, С. Жебелевым, В. Бенешевичем и А. И. Маниным характеризована его работа в Константинопольском археологическом ин-те и других учреждениях. Сборничек открывается биографической канвой и списком трудов Успенского.

ГЕНРИХ КУНОВ. Всеобщая история хозяйства, т. I. Хозяйство первобытных и малокультурных народов. Пер. А. Неусыхина и А. Рубина под ред. и с прим. проф. В. Никольского. Гиз, М.-Л. 1929, с. 554.

Капитальная работа Кунова в русском переводе снабжена приложениями, занимающими около пятидесяти страниц. Главнейшая их часть имеет библиографический характер, причем дается как библиография к отдельным главам, так и библиография общего характера («важнейшая этноэкономическая литература» и «вспомогательные дисциплины»). Книга снабжена также примечаниями к отдельным местам текста и общим предисловием проф. А. Удальцова.

В. ВАСЮТИНСКИЙ. Разрушители машин в Англии (очерки истории лудитского движения) «Московский рабочий», М. 1929, с. 147, ц. 1 р. 20 к.

Содержание этой книги, по словам автора, уже данного ей заглавия, «так как она останавливается только на лудитском или предшествующем ему движении, связанном с разрушением машин». По своему же характеру она «хотя и написана главным образом на основании первоисточников, не претендует на значение исследования», а предназначается для «нашего вузовца или профработника». В вводных главах автор рассматривает рабочее законодательство в начале XIX в. и рабочие союзы, далее «технический прогресс и его социальные последствия» в отдельных отраслях промышленности и наконец движение лудитов в отдельных районах (Ноттингеме, Иоркшире и Ланкашире).

К. ВИНОГРАДОВ. Останкино. «Крестьяне и работа при постройке останкинского «увеселительного» дома» Музейный подотдел Моно. Труды Музея-усадьбы Останкино. Вып. 1, М. 1929, с. 118, ц. 1 р. 25 к.

Книжка написана по архивным документам шереметьевского архива и дает материал для разнообразных заключений. Наряду с детальными данными (фактическими и цифровыми) о характере эксплоатации рабочей силы, здесь приведено много материалов и рисунков, которые послужат для истории искусства и в частности для истории усадебной архитектуры.

М. НЕЧКИНА. Декабристы. «Московский рабочий», М. 1930, с. 109, ц. 90 к.

Вышедшая в серии научно-популярной библиотеки для партактива книжка М. Нечкиной является «дополненной стенограммой популярной лекции о декабристах», читанной в воскресном университете ИКП. Автор ввел в свое изложение также некоторые свежие материалы, и глава третья о «массовом движении» в той части, где говорится о рабочих волнениях, заставляет желать скорейшего опубликования имеющихся у автора документов и заключений.

ВЕРА ФИГНЕР. Полное собрание сочинений, т. V., изд. О-ва б. политкаторжан. и ссыльно поселенцев. М. 1929, с. 510, ц. 3 р. 20 к.

Очередной том выходящего собрания сочинений известной деятельницы Народной Воли является сборным. В его состав вошли: автобиографические очерки (в том числе ранее вышедшие отдельной книжкой «Студенческие годы»), среди которых впервые публикуются главы о предках; биографии некоторых землевольцев и народовольцев (в том числе книжка об А. Д Михайлове); наконец, статьи и речи, из которых ряд вещей появляется в печати впервые.

Н. ШАХАНОВ. Очерки по истории рабочего движения во Владимирской губернии в 70-х г. прошлого столетия. Изд. Владим. губ. научного о-ва местного края. Владимир 1929, с. 62, ц. 40 к.

Н. Шаханов, уже имеющий заслуги в деле изучения революционного прошлого Владимирской губ., в своей новой книжке дает прекрасно документированный эпизод, в котором старательно подобраны как данные местных архивов, так и материалы, разбросанные в местных (и не только местных) изданиях того времени. Благодаря этому значи-

тельная часть поставленных автором вопросов (развитие промышленности, положение рабочих, стачечное движение и его влияние на законодательство, пропаганда среди рабочих) получила если и не вполне новое освещение, то во всяком случае разработку, полнее которой трудно пожелать.

С. Т. АРКОМЕД (Г. Карадясян). Первая группа революционеров армян на Кавказе. «Закнига», с. 49, ц. 40 к.

Автор, известный давней своею книжкой по истории рабочего движения на Кавказе, в этой своей работе большею частью на основании воспоминаний и лишь отчасти на основе документов сообщает об армянской революционной группе начала 80-х гг., которую он характеризует, как народническо-революционную. Автор предисловия, Г. Б. Пачикиан, полемизируя с автором, характеризует ту же группу как «эмбрион», из которого вырос позднейший «агрессивный буржуазный национализм».

Д. ИЛЬИНСКИЙ и В. ИВАНИЦКИЙ. Очерк истории русской паровозостроительной и вагоностроительной промышленности. «Транспечать» НКПС., М. 1929, с. 136 + граф. и планы.

Труд авторов возник в НКПС и упор был сделан на вопрос о «корнях» «современного географического размещения» паровозо-и вагоностроительной промышленности. Авторами разработан попутно и ряд других вопросов, но материалы, ими использованные, явно недостаточны: навряд ли можно было обойтись в разработке темы, не прибегая к архивному материалу.

Е. МЕЛИК-ЕЛЬШАН. Августовская стачка (рабочих главных мастерских и депо Закавказской ж. д.) «Закнига» 1929, с. 80, ц. 25 к.

Известная стачка 1900 г., одна из первых крупных стачек, давно заслуживала специального этюда. Однако нельзя считать этот опыт удавшимся, несмотря на то, что автор привлек свежий материал местных архивов: он не освоен автором, который настолько не разбирается в довольно сложной архивной документации, что в его руках оказывается напр., «обвинительный акт жандармской полиции».

С. КАНАТЧИКОВ. Из истории моего бытия. «ЗИФ». М. 1929, с. 115. ц. 1 р.

Воспоминания С. Канатчикова, уже известные по предварительной публикации их в журнале, значительно отходят от трафаретного канона историко-революционных воспоминаний. Хотя в конце книги автор уже явно сталкивается с революционной периферией, однако жизнь рабочего в его бытовой повседневной обстановке главенствует во всем его повествовании. И с этой точки зрения книжка несомненно представляет значительный интерес и читается очень легко.

М. Г. РАФЕС. Очерки истории еврейского рабочего движения. ГИЗ, М.-Л. 1929, с. 256, ц. 1 р.

Книжка известного деятеля еврейского рабочего движения М. Рафеса, которую он называет «брошюрой», является главным образом популярным изложением его предшествующих работ, особенно «Очерков по истории Бунда». Однако по сравнению с последними, не вполне удобочитаемыми, новая работа автора своим изложением может гораздо более рассчитывать на привлечение читателя к этой несомненно интересной и неразработанной (ибо и другая аналогичная работа—Н. А. Бухбиндера—является лишь в одной части сколько-нибудь полной сводкой данных) теме. Идеологически она заострена против особенно ярких именно в еврейской среде (благодаря традициям «Бунда») оппортунистических шатаний и уклонов.

Л. МЕНЩИКОВ. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия. М. 1929 г., изд. О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев, с. 144, ц. 1 р. 80 к.

Вопреки ожиданиям, этот выпуск не заканчивает работы Меньщикова, и теперь объявлен предстоящий выход еще третьего тома. Как в ранее вышедшем, так и в настоящем выпуске Меньщиков пользовался по-преимуществу материалами московского периода своей служебной деятельности, хотя вводит и материалы департамента полиции (см. его книжку «Минувшее», 1914 г.). Второй выпуск охватывает конец 90-х и начало 900-х гг. (с несколькими совершенно случайными экскурсами в позднейшую историю с.-р.)—толстовцев, деятельность известного провокатора М. И. Гуровича, первые с.-д. организации и столь нашумевшую роль Меньщикова в освещении Северного рабочего союза. Характер материалов конечно тот же, что и ранее,—документы охранки, среди которых многие приводятся Меньщиковым целиком.

ПРОВОКАТОР. Воспоминания и документы о разоблачении

Азефа. Ред. и вступление И. Щеголева. «Прибой», 1929, с. 348, ц. 2 р.

Книжка составлена из материалов, уже известных в печати, но частью напечатанных ранее только в эмигрантской прессе. Таковы воспоминания известного эсера-цекиста А. А. Аргунова, в которых изложена деятельность Азефа в среде эсеров в период образования партии, в годы первой революции, а также история разоблачения Азефа, в которой Аргунову принадлежала тоже некоторая роль. Вторым, новым в нашей литературе, номером являются выдержки из воспоминаний Бурцева с историей его борьбы за разоблачение Азефа. Кроме того в книге даны уже появившиеся в нашей пореволюционной печати письма и донесения Азефа и два документа об Азефе, принадлежащие перу известного деятеля департамента полиции Л. Ратаева.

Барон АЛЕКСЕЙ БУДБЕРГ. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Редакция П. Е. Щеголева. «Прибой», 1929, с. 302, ц. 2 р. 75 к.

Перепечатанная в данном издании из белоэмигрантского «Архива русской революции» часть дневника Будберга охватывает 29 апреля—31 октября 1919 г. Будберг в эти месяцы был в Омске, занимал ряд постов у Колчака, вплоть до поста военного министра. Его дневник ярко отразил в себе разложение в лагере Колчака, а также и самую фигуру «верховного правителя».

С. Г. ШАУМЯН. Статьи и речи. 1917—1918 гг. Институт истории классовой борьбы в Азербайджане им. Ст. Шаумяна. Баку 1929, с. 306, ц. 2 р.

Издатели смотрят на этот том, как на подготовительный к последующему полному изданию сочинений Шаумяна, в которое войдут все его работы, начиная с 1904 г. Издание снабжено некоторыми приложениями (среди них письма В. И. Ленина и И. В. Сталина) и примечаниями.

ХРОНИКА

РОСТОВСКИЙ КРУЖОК ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

Кружок образовался в результате планомерного охвата провинции влиянием Московского Общества историков-марксистов и усиления на месте научных кадров, собирающихся вокруг краевого комвуза и госуниверситета. Хотя первая попытка организовать исторический кружок при комвузе относится к 1926/27 г., однако, лишь в 1928/29 г. он оформился организационно (как историческая секция НОМа), втянул в себя большую часть марксистских сил: помимо преподавателей комвуза—работников Крайистпарта, преподавателей рабфака и госуниверситета и студенческий актив (всего 20 человек без студентов) и наконец приступил к плановой работе. Больше всего внимания было уделено кружком пропаганде марксистской методологии и борьбе с буржуазными извращениями исторической науки. Некоторые исторические юбилеи (особенно юбилей М. Н. Покровского) и Всесоюзная конференция историков-марксистов дали первый толчок этой работе кружка; силами его членов был поставлен ряд докладов в широкой аудитории и проведены газетные и журнальные кампании, популяризировавшие достижения марксистского метода в борьбе с буржуазной историографией. Освещение итогов Всесоюзной конференции было связано с проведением кампанией по подведению итогов развития исторической мысли на Северном Кавказе за советский период. Только внезапная болезнь помешала члену кружка т. Янчевскому выступить на конференции с докладом об аграрном вопросе на Дону в связи с колонизацией.

Что касается научно-исследовательской работы кружка, то она конечно не могла развиваться в первый год его деятельности в строго-плановом порядке: большинство докладов были результатом индивидуальной исследовательской работы членов кружка. Наибольший интерес и самую горячую дискуссию вызвал упомянутый выше доклад научного сотрудника Крайистпарта т. Янчевского. В первой стадии его обсуждения прения сосредоточились вокруг вопроса о возникновении казачества. Докладчик выдвинул оригинальную концепцию происхождения казачества, отрицающую и буржуазную теорию («реакционную романтику» самодовлеющей национальной группы или общины) и марксистскую схему М. Н. Покровского («вольную колонизацию» как результат социального протеста). По его утверждению казачество XVI—XVII в. в. было не чем иным, как отрядом наемных войск в несколько тысяч человек, поселенных на Дону правительством. Отвергая одну из буржуазных концепций, переоценивавшую независимость Дона от Москвы, т. Янчевский незаметно для себя приблизился к противоположной, также буржуазной точке зрения, стремившейся изобразить донское казачество, как«беззаветно преданное» московскому самодержавию. Отрицание схемы М. Н. Покровского, как «революционной романтики», игнорирование «вольной» колонизации Дона делает концепцию докладчика крайне односторонней и лишает его возможности объяснить бунтарскую роль казачества в XVII в.

Другой доклад, возбудивший оживленные прения, был зачитан научным сотрудником Краевого горского института т. Кануковым на тему: «Абречество и разбои кавказских горцев как результат столетней Кавказской войны». Поставленная докладчиком задача связать «разбои» с захватом Кавказа русским военно-феодальным империализмом должна была, казалось, покончить с буржуазной «теорией» об абречестве как продукте «физической природы» горцев, и поставить всю проблему на социально-экономическую почву. Однако, докладчик не попытался изобразить абречество как особую форму партизанской войны против захватчиков, а ограничился указанием на то, что всякая война есть грабеж и потому воспитывает грабительские инстикты в воюющих. Таким образом влияние кавказской войны рассматривается не в классовом, а в биологическом разрезе.

Третий доклад (т. Никитина) на тему: «Борьба за создание большевистской партии в 1905 г.» представлял особый

интерес в том отношении, что выдвигал на первый план не вопросы большевистской тактики (уже освещенные в специальной литературе), а менее изученную проблему оформления организационных принципов большевизма в период первой русской революции.

Докладчиком были выдвинуты три основных момента: 1. Создание массовой партии в связи с огромным размахом рабочего движения после 9 января. 2. Невозможность на данной стадии борьбы окончательного разрыва с меньшевиками и 3. Ленинский план объединения с меньшевиками при четком размежевании обеих фракций.

Секция все время поддерживала связь с другими краевыми научными учреждениями и ставила на своих заседаниях доклады их представителей. В частности, этим путем было вновь вскрыто тяжелое положение архивных учреждений края, чрезвычайная трудность работы в архивах при данном их состоянии. Особенно тесную связь удалось установить секции с Крайистпартом. При обсуждении плана работ последнего были вынесены следующие пожелания:

1. Организовать при Крайистпарте научно-исследовательскую группу из преподавателей, научных сотрудников и студентов старших курсов комвуза и социально - экономического отделения педфака для разработки небольших подготовительных тем к большим проблемам, намеченным в плане Истпарта.

2. Осуществить необходимые мероприятия для систематической публикации архивных документов и материалов отдельными сборниками в первую очередь по истории революции 1917/18 г. на Северном Кавказе.

3. Установить более тесную связь с Краевым горским институтом.

С начала 1929 г. секцией установлена связь с Горским институтом, до того времени стоявшим на отлете от всех марксистских научных учреждений. Наконец секцией была проведена значительная работа в Ростовской ассоциации обществоведов, где ею поставлены систематические занятия по истории партии.

Дальнейшей задачей секции должны стать: углубленная краеведческая работа, усиление плановости в постановке исследовательских тем и использование архивов (особенно по линии истории пролетариата на Северном Кавказе). Для удовлетворительного разрешения этих задач поднят вопрос о создании Краевого института марксизма-ленинизма.

С декабря 1929 г. секция была преобразована в Северо-кавказское отделение Всесоюзного о-ва историков-марксистов. Отчет о деятельности краевого отделения О-ва историков-марксистов будет помещен в ближайшей книжке нашего журнала.

Н. Лихницкий

НАУЧНЫЙ КРУЖОК ПО ИСТОРИИ В ИНСТИТУТЕ К. ЛИБКНЕХТА

17 марта состоялось очередное собрание кружка. Был заслушан доклад студента Нехамкина по поводу статьи студента Чаплина. «Об английском типе феодального поместья», напечатанной в Научных трудах Института.

Острие доклада было направлено против последних выступлений представителей буржуазной историографии А. Допша и академика Петрушевского. Работа т. Чаплина подверглась критике лишь в тех своих частях, которые испытали на себе воздействие «новой школы», преимущественно через Неусыхина, который в течение нескольких лет ведет курс истории на общественно-экономическом факультете Института и руководит научной работой выдвиженца т. Чаплина.

Докладчик подробно остановился на общем ходе развития буржуазной исторической мысли, на ее эволюции от Гизо, Тьери, введших в историческую науку исследование социальных конфликтов и ломки общественных отношений, до последней переоценки ценностей эпигонами Борьба Допша и Петрушевского против так наз. «господствующей теории» (читай марксизма) и «методологического натурализма» Дарвина и Моргана есть последнее звено этой эволюции.

Альфонс Допш—яркий противник теории катастроф и переворотов. Он об'явил своей задачей освободить историческую науку от влияния Дарвина и Моргана, которого он называет «литературным отцом новой социал-демократии». Борьба с их влиянием для Допша—апологета германской государственности—обязательна со всех точек зрения.

Подверглось критике положение Допша о раннем средневековье как о «натурально-хозяйственном капитализме», знавшем широко развитую систему городов и денежное обращение, и положения Неусыхина об отсутствии переходов одной формации в другую, о наличии «глубоких корней капитализма в далеком прошлом», о «натурально-товарном» характере средневеко-

вого хозяйства. Особо был поставлен вопрос о феодализме как экономической формации, были приведены высказывания Маркса из «Немецкой идеологии» по этому вопросу. Останавливаясь в заключение на работе т. Чаплина, докладчик обвинял его в некритическом «преодолении» Петрушевского-Неусыхина, что отразилось на трактовке английского манора. «Автор пытался по-марксистски осветить факты, но получилось у него отклонение в сторону западноевропейских авторитетов и авторитета его руководителя Неусыхина»—таков вывод докладчика.

Тов. Чаплин, выступивший в прениях, пытался защищать некоторые свои положения и некоторые в порядке «самокритики» пересмотреть. Подверглась его критике и концепция Неусыхина, но не до конца, а с оговорками. С ответной критикой выступил т. Бинкин. Последний не согласился с положением Чаплина, что Неусыхин симпатизирует Петрушевскому и Допшу как историкам, дающим богатый фактический материал. Неусыхин не так прост и наивен. Он им не только «сочувствует», но и активно борется за их враждебные марксизму построения. Яркое доказательство этому,—его курс лекций в нашем Институте и его выступление в Обществе историков-марксистов.

Он считает также весьма наивным представление т. Чаплина, что формулировка Неусыхина о «товарно-натуральном хозяйстве» есть образец применения диалектического метода к трактовке общественных формаций, ибо это, мол, понимается им как «единство противоположностей». Это—сугубо эклектическая постановка вопроса. Истинный смысл вышеуказанной формулировки заключается в отрицании движения и развития общественных формаций, перехода одной формации в другую, в утверждении «идеальных типов», как «вневременных» и «внепространственных» категорий, а потому «вневременных и внепространственных». Согласно этому капитализм—не историческая, а естественная категория. Капитализм был всегда. Нет развития, нет движения, нет скачков при переходе количества в качество (ибо такого перехода-то и нет), а есть извечные формы,—таков вывод Неусыхина.

Относительно доклада т. Бинкин отмечает, что доклад вместе с вызванными им прениями знаменателен тем, что они иллюстрируют работу научной мысли студенчества, а главное показывает, что студенчество овладело марксистским методом и этим острым орудием пролетарской идеологии разбивает антимарксистские теории своих «учителей».

Он считает, что докладчик недостаточно останавливался на критике Бюхеровской теории, не уточнил наше отношение к ней: из-за неясности в формулировках создалось такое впечатление, что он клин клином вышибал, т. е. что он критиковал Допша-Петрушевского при помощи Бюхера. У нас свой марксистский подход к изучению общественных формаций, и с нашей точки зрения не выдерживают научной критики и бюхеровская теория ступеней, и теория о вотчинном капитализме. Общественно-экономические формации определяются господствующим способом производства. С этой точки зрения нет чистых форм. Хозяйственный строй средневековья мы не можем назвать замкнутым натуральным хозяйством. Вотчинное хозяйство знало помимо потребительских целей также и товарные. Но оно не было денежным и капиталистическим по своему существу. Количество еще не перешло в качество. Поэтому неверны обе концепции, и ничего общего с марксизмом не имеет то, чему нас «учил» т. Неусыхин.

Тов. Неусыхин, несмотря на приглашение студентов выступить в прениях, поскольку огонь был преимущественно направлен на него, с «академическим» достоинством заявил, что он руководитель, а не студент, и поэтому берет только заключительное слово. В этом слове он не пытался ответить на обвинения докладчика и выступавших товарищей. Он только старался доказать, что его метод и есть марксистский метод. Он заявил, что вся соль познания заключается в «комбинации анализа и синтеза» и что имеется общая исходная точка в гносеологии Маркса и... Риккерта (!). Это откровение было подкреплено новой клятвой в марксизме. Очевидно, он сам почувствовал, что без клятвы его аргументация совсем, совсем неубедительна. Но цену клятвам мы знаем, ибо на слово не верим. Закончил он призывом относиться критически не только к Неусыхину, но и к... Марксу.

Г. Б—н

ИЗДАНИЕ АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ АКАД. НАУК НОВОГО СОСТАВА

Новый состав Археографической комиссии Академии Наук приступил к изданию материалов: 1) по истории рабочих в феодально-крепостную эпоху, 2) по истории городов за XVII—XVIII вв. и 3) к собиранию материалов для словаря по истории технологии до промышленной революции в России.

Уже сдан в печать первый том «Материалов по истории экономического развития России» под общей редакцией М. Н. Покровского «Крепостная мануфактура в России».

1. Материалы по истории Тульских и Каширских железных заводов (1647—1690 гг.) Под редакцией П. Грекова и С. Томсинского.

Содержание. План работы Археографической комиссии. Предисловие М. Н. Покровского. Дворцовые волости, прикрепленные к заводам. Заводы: техническое их оборудование и производство. Мастера, подмастерья, рабочие. Зарплата. Приходо-расходные книги заводов. Внутренняя жизнь заводов. Связь с рынком. Приложения: библиография литературы и материалов о Тульских и Каширских заводах. Указатели. Справка о ценах на предметы первой необходимости за данное время в районе заводов. Карта.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Уважаемые товарищи!

Прошу поместить на страницах журнала мой протест против того недопустимого отношения, которое проявил Госиздат к одной моей сданной в печать рукописи.

В 1930 г. Госиздат выпустил в серии «Библиотека рабочего пропагандиста» брошюру под заглавием «Утопический и научный социализм», автором которой обозначены Я. Фейгельсон и Э. Петерсон. Настоящим заявляю, что имею полное основание снять с себя ответственность за содержание вышеназванной брошюры.

Рукопись «Утопический и научный социализм» мною была сдана зимою 1926 г. Таким образом она увидела свет спустя 3½ года после своего написания. Нечего и говорить о том, что брошюра устарела, что она, трактуя основные проблемы мировоззрения, стратегии и тактики рабочего класса, обходит ряд актуальных вопросов, выдвинутых практикой классовой борьбы и социалистического строительства последних лет. Далее, в текст моей рукописи внесен ряд изменений и дополнений (кое-где вставлены целые страницы и параграфы), которые не только не были со мною согласованы, но о которых даже не потрудились довести до моего сведения. Наконец, в брошюре имеются 2 новых главы (III и IV, с. 83—111), приложены вопросник и указатель литературы—все это я имел удовольствие впервые увидеть, купив экземпляр брошюры. Кстати, многолетнее консервирование рукописей авторов в «портфеле редакции» не является «монополией» Госиздата. Осенью 1927 г. мною и т. Рывлиным была сдана издательству «Пролетарий» статья («Борьба течений в германской социал-демократии»), которая появилась спустя более 2 лет (в конце 1929 г.) в «Книге для чтения по истории нового времени», т. III. Несмотря на наше категорическое требование и данное Московским представительством изд. «Пролетарий» обещание, редакция не сопроводила почему-то нашу статью примечанием о времени ее написания.

С коммунистическим приветом

Фейгельсон.

26/III 1930
Минск.

Ответств. редактор **А. В. Шестаков** Ответств. секретарь **И. Л. Татаров**